Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7 (73). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

ISSN 2413–1679
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 – 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», протокол № 3 от 16 апреля 2021 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., доц. **(главный редактор)**
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. **(заместитель главного редактора)**
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. **(заместитель главного редактора)**
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В.– д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.
Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г.– к. филол. н., доц. **(ответственный секретарь)**

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Подписано в печать 16.04.2021. Формат 70x100 1/16.
Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.
Дата выхода в свет
Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
бул. Ленина, 5/7 http://sn-philol.cfuv.ru
© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2021 г.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 3–15.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.111

ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРОВОЙ МОДЕЛИ ШПИОНСКОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. СИЛВЫ

Асанова Э. Р., Норец М. В., Остапенко И. В.

***Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
elzara.ru.90@mail.ru***

Статья посвящена исследованию романа Д. Силвы «The English Assassin». Структурный анализ романа позволил выявить ряд трансформаций жанровой матрицы шпионского романа. На уровне изображенного события наблюдается четкая дифференциация фабульного и сюжетного уровней произведения. Фабула романа основана на исторических событиях, касающихся Второй мировой войны и роли в ней Швейцарии, сюжет презентует собственно шпионский дискурс. Так в романе связывается внеэстетический и художественный уровень произведения. Сюжет романа динамизируется по сравнению с предыдущим, преобладают элементы экшен. На уровне события изображения преобладает «двуголосое слово», совмещающее точки зрения повествователя и персонажа, напряженность шпионского сюжета усиливается элементами триллера и саспенса. Поражение «команды антагониста» обусловлено внутренним расколом изжившей себя системы, построенной на безнравственных законах. Важной отличительной чертой данного романа предстает эволюция антагониста, меняющего свои нравственные ориентиры. Более того, именно антагонисту авторское сознание делегирует завершение эстетического события – восстановления баланса мировых сил, а оправдание убийства в целях прекращения преступной деятельности представлено авторским сознанием через точку зрения эпизодического персонажа.

Ключевые слова: Дэниел Силва, шпионский роман, «изображенное событие», «изображающее событие», саспенс, экшен, авторское сознание, протагонист, антагонист.

Шпионский роман в современном литературном процессе стал одной из наиболее репрезентативных форм осмысления действительности. Претерпев жанровую эволюцию, шпионский роман как явление массовой литературы активно преобразуется в полноценную эстетическую реальность, цель которой – гармонизация действительности, возвращение ей целостности и внутренней упорядоченности.

Литературно-критическая рецепция шпионского романа XX века (С. Моэм, П. Буало, Т. Нарсежак, Г. Грин, Я. Флеминг и мн. др.) подготовила литературоведческое осмысление нового художественного явления. У. Эко [10] рассматривает шпионские романы Я. Флеминга в коммуникативном аспекте; М. Э. Уэйр [16] и Ф. Келлеган [17] вводят шпионский роман в широкое культурологическое поле, выявляют его значимость в литературном процессе; Д. Сид [14] сосредоточивает внимание на рецепции шпионского романа в современной критике, обосновывает его генезис и векторы развития. Работы Дж. Кавелти и Б. Розенберга позволили осознать ценность произведений массовой литературы в общем культурологическом пространстве. В отечественном литературоведении предложено определение шпионского романа как самостоятельного жанра

(А.П. Саруханян [11]), жанровая модель шпионского романа представлена и описана в докторском исследовании М.В. Норца [7]. Методология, предложенная ученым, апробирована в работах В.С. Любеева [4], О.А. Москаленко [5], А.С. Соиной [8], С.Р. Ягъяевой [12], материалом исследования которых стали шпионские романы английской, американской, французской литературы.

В описании М.В. Норца жанровая матрица шпионского романа представлена на нескольких уровнях: «протагонист», «социальный статус протагониста», «антагонист», «социальный статус антагониста», «повествование», «событие», «мотив события и ответственность», «персонажи», «сюжет», «любовная линия», «окружающая обстановка» [7, с. 100]. В работах ученого материалом исследования стал английский шпионский роман XX века, отразивший политическое противостояние Запада и Востока. В шпионском романе герой-протагонист отстаивает интересы своего государства, персонажная система отличается четкой дифференциацией на «своих» и «чужих», авторская позиция выражается через линию героя-протагониста.

Политическая ситуация в XXI веке изменилась. Мировое сообщество столкнулось с общим «врагом» – международным терроризмом, что потребовало от литераторов создания нового образа героя-шпиона, выстраивания иных отношений внутри персонажной системы, поисков новых форм экспликации авторской позиции, что привело к трансформации сложившейся жанровой матрицы. Ярким примером расширения жанровых возможностей шпионского романа стало творчество американского писателя Дэниела Силвы, автора серии произведений с главным героем – шпионом-реставратором – Габриелем Аллоном. Новаторство автора в создании образа героя-протагониста выявлено на материале романа «The Confessor».

Цель данной статьи – осмыслить природу образа антагониста, выявить специфику дифференциации «команды протагониста» и «команды антагониста», определить авторские стратегии, направленные на расширение жанровых возможностей шпионского романа.

Материалом исследования избран роман Д. Силвы «The English Assassin» (2002), второй из серии произведений о Габриеле Аллоне [15]. Для достижения поставленной цели роман проанализирован на структурном уровне как со-бытие авторского, геройного и читательского сознаний в изображенном и изображающем событиях. Методология исследования строится на теоретических положениях Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпы, С.Н. Бройтмана, основанных на идеях М.М. Бахтина.

В изображенном событии романа «The English Assassin» в первую очередь актуализируется соотношение фабульной и сюжетной линий. Фабула разворачивается от Пролога, где изображено самоубийство Маргерите Рольфе, до показа Отто Гесслером своей коллекции картин Габриелю. Но не смерть Маргерите станет сюжетообразующим событием для шпионского сюжета. Авторское сознание формирует несколько слоев смыслов в каждом изображенном событии, читателю необходимо быть внимательным и следить за сменой ракурса.

Данные авторских интенции обнаруживаем уже в первом фабульном событии. Изложено оно в Прологе, в названии которого указаны его пространственно-временные параметры – «SWITZERLAND 1975». Далее в названии всех глав автор

указывает только пространственные маркеры событий. Но более интересна тут привязка ко времени. В названии Пролога время конкретное – 1975 год; первую часть, в отличие от двух других, автор озаглавливает, притом использует также временной маркер – «THE PRESENT». Таким образом в романе формируется изображенное событие, разворачивающееся во времени авторско-читательской действительности, на чем писатель делает акцент. Номинация «Настоящее» напрямую связана с изображенным событием «Пролога». Несмотря на то, что в нем рассказывается о событии самоубийства жены в конкретном семействе, то есть, касается частной жизни, оно вписывается в глобальный общественно-политический контекст – «His pale hand patted the top of the table until it came to rest on the note. / "Burn this damned thing, along with everything else. Make sure no one else stumbles on any unpleasant reminders of the past. This is Switzerland. There is no past"» (Его бледная рука похлопывала по столу, пока не остановилась на записке. / – Сожги эту чертову штуку вместе со всем остальным. Убедитесь, что никто больше не наткнется на неприятные напоминания о прошлом. Это Швейцария. Прошлого не существует) [15].

Введение в художественный мир образа из реальной действительности (Швейцария) становится специфической авторской стратегией. Фабульная линия романа сосредоточена на государственной политике Швейцарии в современном мире в сфере финансов и ее роли и причастности к политике фашистской Германии периода Второй мировой войны. Реализована она через судьбу и карьеру персонажей, появляющихся уже в Прологе – банкиров Аугустуса Рольфе (муж покончившей с собой Маргерите), и Отто Гесслера, а также Герхардта Петерсона, начальника отдела анализа и охраны швейцарской службы внутренней безопасности.

Фабульный уровень напрямую соотнесен с реальными фактами в истории и современности Швейцарии, о чем Д. Силва сообщает в «Послесловии» к роману. Сохраняя военный нейтралитет во Второй мировой войне, Швейцария на финансовом уровне непосредственно контактировала с Германией. Автор в романе сосредоточивает внимание на деятельности частных швейцарских банков, в чьих хранилищах оказалось огромное количество произведений искусства, попавших туда от частных владельцев в попытке сохранить свое имущество в условиях оккупации, а также от представителей германского руководства, грабившего музеи Европы. Правительство Швейцарии, поддерживая национальную банковскую систему, уже после войны приняло законы, позволяющие не возвращать родственникам погибших клиентов их вклады. Так на уровне фабулы формируется эпическая ситуация, основанная на противостоянии капитала и нравственности.

Аугустус Рольфе, тесно сотрудничавший с Генрихом Гимлером и Адольфом Гитлером, подтверждение чему увидела на фото Мергерите, владеющий коллекциями живописных полотен, полученными во время войны, к концу жизни осознал свою безнравственность и решил вернуть картины законным владельцам. Для этого он обратился в посольство Израиля, чтобы оценить их значимость и передать в музеи страны. Отто Гесслер, руководитель «Совета Рютли», сообщества банкиров, владеющих произведениями искусства, приобретенными обманным способом, не мог позволить, чтобы национальное достояние, как он считает, ушло из страны. Он отдал приказ Петерсону ликвидировать Рольфе.

Но в изображенное событие вводится Габриель Аллон, и фабульное действие овивается сюжетной линией шпионского романа. В таком авторском ходе сказывается целенаправленный повторяющийся писательский прием. Частные судьбы вплетаются в общественно-политические отношения, и формируется правдоподобное художественное событие.

Начало сюжетного события складывается из предложения Ишервуда, владельца художественной галереи в Лондоне, Габриелю отреставрировать полотно Рафаэля из частной коллекции в Цюрихе. Ишервуд получил заказ от Ари Шамрона, уже известного персонажа из предыдущего романа, руководителя израильской разведки. Оказавшись на вилле при усложнившихся обстоятельствах, Габриель обнаруживает труп Аугустуса Рольфе.

Габриель принимает предложение Шамрона расследовать убийство Рольфе. С помощью Анны, дочери банкира, известной скрипачки, Габриель выходит на заказчиков убийства – неправительственную организацию «Совет Рютли», деятельность которой, несмотря на ее частный характер, обеспечивают государственные службы в лице Петерсона. В ходе расследования выясняется, что деньги, накопленные, в том числе, и от продажи произведений искусства, вывезенных фашистами из европейских музеев, которыми распоряжается организация, используются в наркобизнесе и торговле оружием, для поддержки террористической деятельности.

Габриель как герой-протагонист, выполняя свою миссию по упорядочиванию мира, включается в противостояние всемогущему миру денег. Проявляет ловкость и хитрость, силу и мужество, жестокость и милосердие, подтверждая двойственность своей натуры. Он совершает убийства, защищая свою жизнь, в то же время проявляет лояльность к противнику.

Отто Гесслер отдает приказ ликвидировать всех свидетелей, которые могут помочь Габриелю раскрыть преступление. В сюжет, практически сразу после ареста Габриеля, вплетается линия другого убийцы, известного под именем Англичанина. Настоящее его имя – Кристофер Келлер. Это профессиональный киллер, на счету которого более двадцати нераскрытых убийств. Автор выстраивает события таким образом, что на каждое запланированное действие протагониста есть ответная реакция антагониста. Но Англичанин действует по инициативе заказчика, не вникая в суть конфликта. Габриель же руководствуется высокой целью – восстановления мировой справедливости, выполнения государственного долга.

Фактически антагонистом в романе является Отто Геслер, хоть убийства и совершаются киллером. Нарушая привычный ход эпического сюжета, удвоение центрального события автор выстраивает в обратном порядке. Сначала Габриелю удается пленить Петерсона и с его помощью добраться до Гесслера. Но Петерсон предупреждает охрану, и Габриеля арестовывают на вилле Гесслера. В духе триллерских зрелищ предстает избиение Габриеля. Для протагониста центральное событие утраивается – победа, поражение, и лишь затем победа. Но состоит она лишь в том, что Габриелю удалось сбежать с виллы Гесслера.

Габриель остался жив, раскрыл причины убийства Рольфе, но ему не удалось победить Гесслера. Гесслер, и ему подобные, находятся под протекцией государства.

Роман развенчивает миф о Швейцарии – как о нейтральном и беспристрастном страже мировых финансовых интересов. Габриель вынужден признать свое поражение. Ему лишь частично удалось установить баланс – вместе с Анной он нашел картины, которые Рольфе хотел передать Израилю. Таким образом, подвиг в полном смысле слова – восстановление справедливости, Габриель в этом романе не совершает. Его задачу выполнит Англичанин.

Рассмотрим авторские стратегии в романе Д. Силвы «The English Assassin» на уровне события изображения. В композиционном смысле автор обращается к уже использованным в предыдущем романе приемам. Роман состоит из пяти частей – Пролог, три части и Послесловие, таким образом выдерживается пятичастная структура, эксплицирующая мифологизм художественного мира, ориентированный на иудейскую традицию. Последняя часть здесь представлена как Послесловие, через которое автор связывает художественную и эмпирическую реальности, чего не было в первом романе. В нем дается характеристика государственной политике Швейцарии, причастной к злодеяниям фашистов во время Второй мировой войны при декларируемом нейтралитете.

Эксплицитная позиция авторского сознания выявляется во внетекстовых элементах произведения. В данном романе два эпиграфа. Первый – словарное значение слова «гном» из Нового всемирного словаря Вебстера. Второй – цитата из книги профессора Джина Зиглера, швейцарского социолога, «THE SWISS, THE GOLD, AND THE DEAD» (Швейцарцы, золото и мертвецы). Примечательно, что оба эпиграфа коррелируют с фабульным уровнем изображенного события. Семантика «гнома» соотносима с художественными образами банкиров (Гесслер, Рольфе), копящих свое богатство и прячущих его в подвалах, недоступных людям. То есть, богатство – ради богатства. Второй – с политикой Швейцарии в мировом сообществе: «Suppressing the past is a tradition in Switzerland» (Зачеркивать прошлое – такова традиция в Швейцарии) [15] – аллюзия на покровительство швейцарских финансистов политике Гитлера во время Второй мировой.

С эпиграфом как внетекстовым элементом коррелирует уже в эстетической реальности Пролог с его идеей вневременности – «This is Switzerland. There is no past» (Это Швейцария. Здесь нет прошлого) [15]. Так связываются в художественном произведении действительность авторско-читательская и геройная. Но в самом произведении на номинативном уровне Пролог отнесен в прошлое художественного мира – «Prologue SWITZERLAND 1975», а весь остальной текст помещен в его настоящее – «Part One THE PRESENT». Далее у двух последующих частей заголовки автор не использует, а в названии глав использует пространственные маркеры – «1 LONDON. ZURICH», «2 VITORIA, SPAIN», «5 ZURICH» и т.д., которые дают точную локализацию происходящих событий. Такую авторскую тактику наблюдаем, практически, во всех произведениях романной серии.

В отличие от первого романа, в «The English Assassin» сюжетный ряд более динамичный, здесь преимущественно не используются приемы ретардации, события ускоряются, нарастает напряженность, что достигается элементами экшен и саспенса. Знакомство с протагонистом, равно как и с антагонистом, происходит уже в первых главах. Биография Габриеля, данная в его воспоминаниях в момент

пребывания в цюрихской тюрьме, дополняется новыми сведениями или же новым акцентированием уже известных данных. Притом, информация о главном герое дана в речи изображающего субъекта, находящегося на границе эстетической и внеэстетической действительности, но транслируется она через точку зрения Габриеля – обнаруживается и оценочность, и психологическая характеристика, и эмоциональная экспрессия персонажа.

Константным в романе предстает прием трансляции информации о том или ином персонаже в речи повествователя, использующего точки зрения другого действующего лица. Так, сведения о Шамроне даются через точку зрения Габриеля «The old man…He'd always been "the old man," even during his brief fling with middle age. <…>Now hewas an old man, but in Gabriel's mind's eye he always appeared as the menacing little figure who'd come to see him one afternoon in September 1972 between classes at Betsal'el. (Старик… Он всегда был Стариком – даже в краткий период среднего возраста. <…> А теперь он и в самом деле стал стариком, но перед мысленным взором Габриеля он возникал всегда грозной маленькой фигуркой – таким Габриель увидел его в сентябре 1972 года в перерыве между занятиями в Бетсалеле) [15]. Рассказ об Англичанине дан с точки зрения дона Орсати – «Only Orsati knew the truth about him» (Только Орсати знал правду о нем) [15]. Информация об Анне представлена через восприятие деревенских жителей, а позже – Габриеля. Практически, во всех романах объективный взгляд повествователя меняет ракурс, и информация транслируется читателю под углом зрения Габриеля. Такая повествовательная тактика наблюдается в описании Габриелем и Анны, и Шамрона, и Англичанина, и Петерсона. И если в характеристике Англичанина Габриель объективен, поскольку берет информацию из досье, то с Анной стратегия меняется, актуализируется психологическая точка зрения, что в принципе для шпионского романа не является традиционным. Психологизм в данном романе актуализируется весьма часто, к примеру, состояние Анны перед концертом, который мог оказаться для нее последним.

Рассмотрим персонажную систему романа «The English Assassin». Во втором романе серии автор использует не только переходных персонажей, но и ретроспективно включает события предыдущего романа, подчеркивая преемственность художественных событий, сформировавших характер протагониста. Один из примеров – покинув Цюрих, Габриель с Анной прибыл в Вену, где, оставив Анну в отеле, посетил Собор Святого Стефана, который реставрировал перед тем, как взорвалась машина с его семьей. Кроме того, в роман намеренно вводятся события предыдущего произведения, таким образом создается иллюзия реальности происходящего. Так в романе художественное время и событие в целом предстает как реальный мир, не ограниченный рамками эстетического объекта.

В романе «The English Assassin», что традиционно для шпионского дискурса, также выстраивается двухполюсная персонажная система. Но в данном произведении нет привычного противостояния протагониста и антагониста, скорее здесь сформированы две группы персонажей, объединенных противоположными ценностными системами, базирующимися – одна на признании, другая на отрицании

общечеловеческих нравственных принципов. Более того, в системе, исповедующей аморальные принципы, происходят существенные сдвиги нравственных позиций.

Два полюса эпической ситуации в сюжетном событии представлены позицией банкира Отто Гесслера и швейцарского ученого Эмиля Якоби, автора книги «Миф», разоблачающей неприглядные моменты истории Швейцарии. Э. Якоби в своей книге освещает подробности экономических и торговых связей, существовавших между нацистской Германией и Швейцарией на протяжении Второй мировой войны. Отто Гесслер, сотрудничавший с нацистами, в настоящем романном времени руководит «Советом Рютли» и продолжает такую же грязную финансовую деятельность – «I'm certain my own bank contains accounts of the so-called drug kingpins. But what is the harm? At least if the money is deposited in Switzerland it is put to good use» (Я уверен, что в моем собственном банке хранятся счета так называемых наркобаронов. Но что в этом плохого? По крайней мере, если деньги депонируются в Швейцарии, они используются с пользой) [15].

Когда один из банкиров, Аугустус Рольфе, ближайший соратник Гесслера, позволил себе почувствовать вину за свою преступную деятельность и повиниться в своих грехах, Отто отдал приказ его ликвидировать – «Herr Rolfe's death was unfortunate but necessary. It wasn't personal, it wasbusiness» (Смерть Герра Рольфе была прискорбной, но необходимой. Это не было личным делом, это был бизнес) [15].

В команде протагониста роли распределены традиционно для шпионского романа, поступки персонажей обусловлены общей идеей – раскрытия преступления, восстановления порядка, возвращения мира в состояние баланса противоположных сил. Главный герой – шпион-реставратор Габриель Аллон; «команда протагониста» – шеф израильской разведки Ари Шамрон; владелец художественной галереи Джулиан Ишервуд; сотрудники израильской разведки. Отметим, что данные персонажи уже знакомы читателю по первому роману «The Kill Artist» и их, наряду с образом Габриеля, следует отнести к переходным персонажам. Новым женским образом предстает всемирно известная скрипачка Анна Рольфе, дочь убитого банкира, которая также в нравственном смысле тяготеет к команде протагониста. Сюда же следует отнести и Эмиля Якоби, поплатившегося жизнью, став на путь разоблачения преступных действий своей страны. Если в первом романе ведущую роль в шпионском сюжете играл Габриель, то здесь его действия более мотивированы задачами Шамрона как стража государственных интересов.

Оппозиционная система персонажей сформирована вокруг банкира Отто Гесслера. К ней относятся Герхардт Петерсон, сотрудник швейцарской контрразведки, его венецианский агент Альдо Россетти; погибший банкир Аугустус Рольфе, его партнер по бизнесу Вернер Мюллер, предавший коллегу; корсиканский мафиози Антон Орсати; киллер по кличке Англичанин, он же – офицер британских вооруженных сил Кристофер Келлер.

Нейтральную позицию среди персонажей занимает эпизодический персонаж – старая корсиканская синьядора, которой, как зачастую встречается у Д. Силвы, отведена роль ретранслятора одной из истин в авторской трактовке – «Sometimes, Christopher, ataddunaghiu can do good things. Sometimes, he can right a terrible wrong. Sometimes, he can dispense justice as well as vengeance» (Иногда, Кристофер,

ataddunaghiu (убийца-профессионал у корсиканцев) может делать хорошие вещи. Иногда он может исправить ужасную ошибку. Иной раз он может совершить правосудие и одновременно отомстить) [15]. Идея оправдания убийства в целях прекращения преступной деятельности – одна из актуальных во всей романной серии. Практически, протагонист всегда реализует ее, разоблачая и ликвидируя врага. Но в данном романе эта идея воплощена представителем команды антагониста – Кристофером Келлером.

Как правило, план восстановления исторической и нравственной справедливости в романах Д. Силвы осуществляет команда протагониста. Габриель при руководстве Шамрона, при поддержке коллег, израильских спецагентов в разных странах, при помощи Анны Рольфе успешно расследует убийство Аугуста Рольфе, выходит на организатора и вдохновителя преступной деятельности неправительственной швейцарской организации «Совет Рютли» – Отто Гесслера. Но автор выстраивает сюжетное событие таким образом, что Габриель физически не может ни остановить деятельность этой организации, ни разоблачить ее в глазах общественности, ни, тем более, убить Гесслера. Несмотря на то, что часть картин из коллекции Рольфе израильтяне смогли вернуть владельцам, остальные поместили в музеи, Габриель не в состоянии изменить ход мировой истории, он не может повлиять на законодательную систему Швейцарии, на поведении правительства страны, не желающего отдавать награбленные во время Второй мировой войны произведения искусства.

И все же авторское сознание в романе решает проблему восстановления порядка доступными на данный момент художественного времени (см. временной маркер в названии первой части – «Настоящее время») средствами. Достигается это следующими поворотами сюжетных событий и действий персонажей внутри группы антагониста. Аугустус Рольфе, во время войны сотрудничавший с Герингом, Шелленбергом и Гитлером, перекупавший картины из музеев и частных коллекций оккупированной Европы, многократно умножил свое богатство. Но лично ему оно не принесло счастья. Покончила с собой его жена Маргерите, узнав истинное лицо своего мужа; погиб сын Максимилиан; с дочерью Анной после смерти матери отношения разладились. Осознание личного неблагополучия и мысли о своих поступках привели Рольфе к религии иудаизма, которая помогла осознать вину и искать способы ее искупления – «My greed during the war was as boundless as my guilt is now» (Моя алчность во время войны была так же безгранична, как и моя вина сейчас) [15].

Будучи членом «Совета Рютли», Рольфе нарушил внутренние правила организации, полагавшей, что все произведения искусства, приобретенные каким бы то ни было способом, должны оставаться в стране. Таким образом, внутри самой организации наметился раскол. Так формируется авторская позиция относительно действия мировых законов. Нарушение баланса в сторону безнравственности неизбежно потребует восстановления гармонии. Происходит оно в авторской интерпретации совершенно органично, система сама себя изживает и происходит обновление, которое в мировых масштабах требует большего времени, чем сюжетное время романа, но изменения неизбежны.

Еще одним значимым аспектом в трансформации деятельности группы, оппозиционной протагонисту, представляются поступки персонажа, которого, на первый взгляд, и можно считать собственно антагонистом. Речь идет об убийце Англичанине, которого Гесслер нанимает для ликвидации всех персонажей, которым были известны планы Рольфе, а впоследствии – для убийства Габриеля и Анны. На уровне шпионского сюжета противостояние, действительно, представлено через поступки Англичанина и Габриеля, как двух героев, презентующих различные этические системы. Но при более пристальном взгляде Англичанин предстает, как, впрочем, и Габриель, амбивалентной личностью. За фигурой Англичанина скрывается Кристофер Келлер – англичанин по происхождению, историк по образованию, солдат британской армии, выполнявший шпионские задания в Северной Ирландии, воевавший в Персидском заливе, официально погибший под Багдадом в результате ошибки британских воздушных сил, бросивших бомбу на свою парашютную бригаду. Через несколько месяцев в Европе появился один из наиболее известных в мире и неуловимых наемных убийц, на счету которого около двадцати нераскрытых преступлений, по кличке Англичанин. В романном времени – живет на Корсике и выполняет задания, которые получает от мафиози Антона Орсати.

В шпионском сюжете романа Англичанин профессионально устраняет Вернера Мюллера и Эмиля Якоби, которые могли привести Габриеля к заказчику убийства Рольфе. Но если первое убийство, совершенное Англичанином, представлено в чисто шпионском варианте – со спецэффектами и элементами саспенса без каких бы то ни было рефлексий со стороны киллера, то убийство профессора Якоби перевернуло сознание Англичанина. Он задумался о личности убитого, узнал о его деятельности, направленной на разоблачения военных преступлений Швейцарии. В сознании профессионального убийцы произошел переворот, он задумался о своем собственном ремесле и почувствовал угрызения совести.

Напомним, Габриель не смог остановить преступную деятельность организации «Совет Рютли», то есть, он лишь частично решает задачу восстановления порядка, что положено ему по статусу протагониста в эпическом сюжете. Но целью завершения эпического сюжета является именно восстановления баланса мировых сил. Поэтому авторское сознание формирует завершение эстетического события через поступок персонажа, которого в шпионском ракурсе можно рассматривать как антагониста. Англичанин, или Кристофер Келлер, в результате собственных духовных трансформаций отказывается от выполнения задания по ликвидации Анны и Габриеля. Автор мотивирует его поступки тем, что с Габриелем их связывает давнее знакомство, а Анна своей игрой на скрипке пробудила его связь с собственным духовным сознанием, вернула в его внутренний мир гармонию. В интерпретации Англичанина, осознавшего свою киллерскую деятельность, это привело к намерению ликвидировать источник деструкции – к убийству Отто Гесслера.

Делегируя завершающее сюжетное событие киллеру, нанятому для устранения протагониста, автор решает сразу несколько задач. С одной стороны, восстанавливается баланс мировых сил, с другой – протагонист избавлен от необходимости проливать кровь, то есть, в нравственном смысле не преступает границ. Кроме того, локальный шпионский сюжет (расследование убийства Рольфе)

выходит на уровень гармонизации мировой эпической ситуации – противостояния сил Хаоса и Порядка. Она не разрешается окончательно в глобальном смысле, но конкретный представитель оппозиционной Порядку силы – Отто Гесслер – убит Англичанином. Становится понятно, кто именно в эпическом сюжете играет роль антагониста – это не Келлер, а Гесслер. Обратим внимание на созвучие фамилий персонажей, что также эксплицирует авторский замысел. И еще важный штрих в презентации авторской позиции – деструкция в сфере оппозиционной системы приводит ее к разрушению. В команде протагониста все действуют слаженно, работают на одну цель. В команде антагониста происходит раскол, что неминуемо, по авторскому имплицитному утверждению, приведет ее к разложению и окончательной гибели уже за пределами романной действительности, поскольку организация, потерявшая своего руководителя, неизбежно будет трансформироваться. В авторских ожиданиях она видится в нравственном русле.

Таким образом, структурный анализ романа Д. Силвы «The English Assassin» позволил выявить ряд трансформаций жанровой матрицы шпионского романа. На уровне изображенного события наблюдается четкая дифференциация фабульного и сюжетного уровней произведения. Фабула романа основана на исторических событиях, касающихся Второй мировой войны и роли в ней Швейцарии, сюжет презентует собственно шпионский дискурс. Так в романе связывается внеэстический и художественный уровень произведения. Сюжет романа динамизируется по сравнению с предыдущим, преобладают элементы экшен. На уровне события изображения преобладает «двуголосое слово», совмещающее точки зрения повествователя и персонажа, напряженность шпионского сюжета усиливается элементами триллера и саспенса. Поражение «команды антагониста» обусловлено внутренним расколом извившей себя системы, построенной на безнравственных законах. Важной отличительной чертой данного романа предстает эволюция антагониста, меняющего свои нравственные ориентиры. Более того, именно антагонисту авторское сознание делегирует завершение эстетического события – восстановления баланса мировых сил, а оправдание убийства в целях прекращения преступной деятельности представлено авторским сознанием через точку зрения эпизодического персонажа.

Список литературы

1. Буало-Нарсежак, Детективный роман [Электронный ресурс] / Буало-Насержак // Класический детектив: поэтика жанра. – Режим доступа: http://detective.gumer.info/txt/bualo.doc. – (Дата обращения: 28.08.2020)
2. Кавелти, Дж. Г. Изучение литературных формул [Текст] / пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Новое литературное обозрение, 1996. – № 22. – С. 33–64.
3. Комовская, Е. В. Жанровая специфика современного романа [Текст] / Елена Комовская // Атуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 12 (2). – С. 138–146.
4. Любеев В.С. Шпионский роман-экшен в американской литературе середины XX – начала XXI веков [Текст] : дис. …кан.филол.наук: 10.01.03 / В.С. Любеев – Москва, 2018. – 207 с.
5. Москаленко О. А., Соина А. С. Шпионский роман как типичный жанр массовой литературы XXI века [Текст] / О. А. Москаленко, А. С. Соина // Современная наука:

актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. – 2017. – № 08. – С. 152–156.
6. Норец, М. В. «Клеточная» модель жанроформирования в современной теории литературы [Текст] / М. В. Норец // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11–3 (43). – С. 37–42.
7. Норец, М. В. Шпионский роман в английской литературе XX столетия : генезис, жанрово-стилевая природа, особенности рецепции [Текст]: дис. … док. филол. наук : 10.01.03 / М. В. Норец. – Симферополь, 2014. – 356 с.
8. Соина, А. С. Английский шпионский роман XXI века : особенности и перспективы развития жанра [Текст] / А.С. Соина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 110–116.
9. Теория литературы : учебное пособие для студентов. филологических факультетов высших учебных заведений : в 2 томах. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика [Текст] / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман; под редакцией Н. Д. Тамарченко. – Москва : Академия, 2004. – 512 с.
10. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст] / Умберто Эко. – Москва : Симпозиум, 2005. – 502 с.
11. Энциклопедический словарь английской литературы XX века / [отв. ред. А.П. Саруханян]. – М. : Наука, 2005. – 541 с.
12. Ягьяева С. Р., Норец М. В. Идеологическая основа политического шпионского романа периода холодной войны [Текст] / С. Р. Ягьяева, М. В. Норец // Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых Молодая наука. г. Симферополь. – 2017. – С. 431–432.
13. Rosser T. Reimagining the Golem. The Creation and Development of Daniel Silva's Spiritually-Motivated Protagonist, Gabriel Allon. A Thesis Submitted to the University of Gloucestershire in Accordance with the Requirements of the Degree of MA by Research in the School of Liberal and Performing Arts. December 2018.
14. Seed David. Spy Fiction. Priestman M. The Cambridge Companion to Crime Fiction. Cambridge University Press 2003. P. 115–131.
15. Silva Daniel. The English Assassin. Berkley, 2003. 464 p. Available at: https://royallib.com/book/Silva_Daniel/The_English_Assassin.html (accessed 22 January 2021).
16. Weir Alison Marie. The Spy in Early America: The Emergence of a Genre by Alison Marie Weir. A.B., Cornell University, 1986.
17. 100 Masters of Mystery and Detective Fiction. Edited by Fiona Kelleghan. Salem Press Inc., 2001.

References

1. Bualo-Narsezhak. Detektivnyy Roman [Detective Novel]. Available at: http://detective.gumer.info/txt/bualo.doc (accessed 28 August 2020)
2. Kavelti Dzh. G. Izucheniye Literaturnykh Formul [Study of Literary Formulas], 1996. № 22, pp. 33–64.
3. Komovskaya Ye. V. Zhanrovaya Spetsifika Sovremennogo Romana [Genre Specificity of the Modern Novel], 2016, no12 (2), pp 138–146.
4. Lyubeyev V. S. Shpionskii Roman-Jekshen v Amerikanskoi Literature Serediny XX – Nachala XXI Vekov: Dis. … Kand. Filol. Nauk [Action Spy Novel in the American Literature of the Mid. 20th – Early 21st Centuries. Thesis]. Moscow, 2018. 207 p.
5. Moskalenko O. A., Soina A. S., Shpionskii Roman kak Tipichnyi Zhanr Massovoi Literatury XXI Veka [Spy Novel as a Typical Genre of Popular Literature of the 21st Century]. Gumanitarnye Nauki Publ., 2017, no 8, pp. 152–156.

6. Norets M. V. Kletochnaya Model Zhanroformirovaniya v Sovremennoy Teorii Literatury [The Cellular Model of Genre Formation in the Modern Theory of Literature]. Sovremennyye Nauchnyye Issledovaniya i Innovatsii, 2014, no 11–3 (43), pp. 37–42.
7. Norets M. V. Shpionskiy Roman v Angliyskoy Literature XX Stoletiya: Genezis, Zhanrovo-Stilevaya Priroda, Osobennosti Retseptsii: Dis. … Doc. Filol. Nauk [A Spy Novel in 20th Century English Literature: Genesis, Genre-Style Nature, Features of Reception] 2014. Simferopol, 2014.356 p.
8. Soina A. S. Angliyskiy Shpionskiy Roman XXI Veka: Osobennosti i Perspektivy Razvitiya Zhanra [English Spy Novel of the 21st Century: Features and Prospects of the Genre Development], 2020, Vol. 13, no 1, pp. 110–116.
9. Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broitman S. N. Teoriya Literatury: Uchebnoe Posobien Dlya Studentov Filologicheskogo Fakulteta Vysshykh Uchebnykh Zavedenii: Vol 2 [Theory of Literature. Textbook for Students of the Philolological Faculties of the Higher Educational Institutions]. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 512 p.
10. Jeko U., Rol Chitatelya. Issledovaniya po Semiotike Teksta [The Role of the Reader. Studies of Semiotics of the Text], Moscow: Simpozium Publ, 2005. 502p.
11. Jentsiklopedicheskiy Slovar Literatury XX Veka [Encyclopedic Dictionary of English Literature of the 20th Century]. Moscow: Nauka Publ, 2005. 541 p.
12. Yagyayeva S.R., Norets M.V., Ideologicheskaya Osnova Perioda Shpionskogo Romana Kholodnoy Voiny [The Ideological Basis of a Cold War Political Spy Novel]. Collection of Scientific Papers of the Scientific-Practical Conference for Students and Young Scientists Young Science, Simferopol, 2017, pp. 431–432.
13. Rosser T. Reimagining the Golem. The Creation and Development of Daniel Silva's Spiritually-Motivated Protagonist, Gabriel Allon. A Thesis Submitted to the University of Gloucestershire in Accordance with the Requirements of the Degree of MA by Research in the School of Liberal and Performing Arts. December 2018.
14. Seed David. Spy Fiction. Priestman M. The Cambridge Companion to Crime Fiction. Cambridge University Press 2003. P. 115–131.
15. Silva Daniel. The English Assassin. Berkley, 2003. 464 p. Available at: https://royallib.com/book/Silva_Daniel/The_English_Assassin.html (accessed 22 January 2021).
16. Weir Alison Marie. The Spy in Early America: The Emergence of a Genre by Alison Marie Weir. A.B., Cornell University, 1986.
17. 100 Masters of Mystery and Detective Fiction. Edited by Fiona Kelleghan. Salem Press Inc., 2001.

TRANSFORMATIONS OF THE GENRE MODEL OF THE SPY NOVEL IN THE WORK OF D. SILVA

Asanova E. R., Norets M. V., Ostapenko I.V.

The article is devoted to the study of D. Silva's novel The English Assassin. The structural analysis of the novel revealed a number of transformations of the genre matrix of the spy novel. At the level of the depicted event, there is a clear differentiation of the plot and plot levels of the work. The plot of the novel is based on historical events concerning the Second World War and the role of Switzerland in it, the plot presents the actual spy discourse. This is how the novel connects the extra-aesthetic and artistic level of the work.

The plot of the novel is dynamized in comparison with the previous one, elements of action prevail. At the level of the image event, a two-part word prevails, combining the points of view of the narrator and the character, the tension of the spy plot is enhanced by elements of thriller and suspense. The defeat of the antagonist team is due to the internal split of the twisted system built on immoral laws. An important distinguishing feature of this novel is the evolution of the antagonist, who changes his moral guidelines. Moreover, it is to the antagonist that the author's consciousness delegates the completion of the aesthetic event – the restoration of the balance of world forces, and the justification of murder in order to stop criminal activity is presented by the author's consciousness through the point of view of the episodic character.

Keywords: Daniel Silva, spy novel, depicted event, depicting event, suspense, action, author's consciousness, protagonist, antagonist.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 16–22.

УДК 82-32

ЕДИНСТВО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ О. М. СОМОВА «РАССКАЗЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Бойко К. К.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
e-mail: conny94@mail.ru

В статье анализируется авторская повествовательная стратегия, обеспечивающая смысловое и стилистическое единство повестей О. М. Сомова, составивших несобранный цикл «Рассказы путешественника». Сделан вывод о наличии пронизывающей все произведения цикла авторской позиции, проявляющейся в полемичности по отношению к романтической традиции, в использовании иронии, пародии и иных способов снижения канонов романтизма. Материал для повестей цикла дали поездка Сомова летом 1819 года за границу и его непосредственные наблюдения за европейской жизнью. Произведения связывает воедино фигура путешественника по Европе. Жанр «путешествия», популярный в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков, переосмысляется писателем: Сомов отказывается от традиционного для этого времени представления о путешествии как наслаждении и поводе для художественного воплощения эмоций странствующего героя; ценность подобных произведений писатель находит в их информативности. Опираясь в целом на цикл В. Ирвинга, Сомов своеобразно осмысляет его и творчески преломляет художественные находки американского писателя сквозь свои эстетические взгляды. Он заимствует у Ирвинга повествовательную модель цикла, но, в свою очередь, наполняет ее новым содержанием, основанным не на освоении фольклорных мотивов, а на художественном воплощении результатов наблюдений писателя над явлениями действительности.
Ключевые слова: цикл, несобранный цикл, повествовательная стратегия, циклообразующий фактор, ирония, авторская позиция, О. М. Сомов.

ВВЕДЕНИЕ

Творческая деятельность Ореста Михайловича Сомова (1793–1833) стала важной частью историко-литературного процесса 1810–1830-х годов. Он обратился к прозаическим жанрам в период, когда русская проза переживала процесс формирования и становления и еще не вышла на тот уровень, который впоследствии определит не только общенациональное, но и мировое значение нашей словесности.

Многие отечественные литературоведы посвятили свои научные работы отдельным аспектам творчества Сомова. Среди них такие исследователи, как В. Э. Вацуро, Н. Н. Петрунина, М. К. Азадовский, Р. В. Иезуитова, Б. Трубецкой, З. В. Кирилюк, В. Г. Базанов, Н. К. Островская. Однако существующие статьи о Сомове по большей части однотипны: освещается биография литератора и анализируются некоторые его произведения, в основном с точки зрения их содержания. Авторы диссертаций (О. Б. Костылева, Т. Ю. Зайцева) зачастую проходят мимо важнейших аспектов его творчества.

Таким образом, творчество Сомова играет важную роль в литературном процессе XIX века. Без уяснения значимости творческого наследия писателя невозможно в полной мере установить этапы и закономерности развития отечественной прозы 1820–1830-х годов. Также недостаточная изученность результатов творческого и научного труда писателя и определяют **актуальность** данного исследования.

Цель работы – проанализировать единство повествовательной стратегии как циклообразующего фактора в «Рассказах путешественников» О. М. Сомова, специфику художественного воплощения в них авторской оценки.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) изучить теоретические работы по проблемам художественной циклизации и несобранного цикла;
2) выявить циклообразующие факторы в несобранном цикле повестей О. М. Сомова «Рассказы путешественников»;
3) установить роль повествовательной стратегии в формировании данного цикла.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На сегодняшний день проблема художественного цикла представляет собой одно из наиболее актуальных направлений литературоведческих исследований. Это явление получает теоретическое осмысление в работах М. Н. Дарвина, Л. Е. Ляпиной, Е. А. Шраги, А. С. Янушкевича, Л. Яницкого.

Наиболее продуктивным для данной работы является следующее определение цикла: «Это ряд произведений одного автора, объединенных на одном или нескольких уровнях внутритекстовой связи (сюжетный, тематический, идейный и т. д.), помимо уровня формальных признаков, который может отсутствовать» [1, с. 21]. По мнению Ф. Шлегеля: «Ключевой особенностью литературного цикла является способность каждой его составляющей функционировать в качестве самодостаточного произведения, но при извлечении из цикла оно теряет часть своей эстетической значимости» [5, с. 48].

Отдельную научную проблему представляют так называемые «несобранные» циклы. «Несобранным», или «рецептивным», циклом называют совокупность текстов, «не сведенных автором в единую композицию, но составляющих в читательском восприятии определенное сюжетно-композиционное единство» [4, с. 15].

Третий из неоформленных циклов О. М. Сомова «Рассказы путешественников» был начат в 1826 году. Сюда вошли следующие произведения: «Вывеска», «Приказ с того света», «Странный поединок», «Страшный гость», «Самоубийца», «Почтовый дом в Шато-Тьерри», «Исполинские горы». Их анализ позволяет сделать вывод, что в творчестве писателя намечается тенденция создания художественных произведений на основе жизненных наблюдений.

Модель цикла подсказана книгой американского романтика Вашингтона Ирвинга «Рассказы путешественника» (1824). Скорее всего уже к середине 1820-х гг. О. Сомов имел возможность познакомиться с творчеством американского романтика.

Мимо его внимания не могли пройти ни «Рип ван Винкль», ни «Рассказы путешественника». Именно в эти годы за переводы рассказов и новелл американского писателя берется А. А. Бестужев-Марлинский. И Сомов, как активный участник журнала «Сын Отечества» и близкий приятель Бестужева, знакомится с этими переводами одним из первых.

Материал для повестей цикла дали поездка Сомова летом 1819 года за границу и его непосредственные наблюдения за европейской жизнью. Произведения связывает воедино фигура путешественника по Европе. Жанр «путешествия», популярный в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков, переосмысляется писателем: Сомов отказывается от традиционного для этого времени представления о путешествии как наслаждении и поводе для художественного воплощения эмоций странствующего героя; ценность подобных произведений писатель находит в их информативности.

При выявлении оснований для объединения повестей Сомова в цикл «Рассказы путешественников» необходимо проследить, на каких принципах строится повествование. В этой области также можно увидеть определенную общность.

Характерной чертой цикла и одним из важнейших циклообразующих факторов является фигура рассказчика. Она проходит через все повести цикла. Рассказчик – это обычный русский путешественник, и именно это позволяет читателю отождествить фигуру рассказчика не просто с вымышленными персонажем, а непосредственно с самим Сомовым, странствующим по Европе.

«Рассказы путешественников» открываются повестью «Приказ с того света». Ее действие разворачивается в Германии. Это единственная повесть, события которой происходят на родине романтизма. В основном для цикла Сомова характерным местом действия являются Франция и ее окрестности (в цикле Ирвинга все действие локализовано на берегу Манхеттена). Свою поездку Сомов начал именно с Германии, затем следовала Франция, где он пробыл дольше всего, несколько месяцев. Этим фактом и может объясняться топография его цикла.

Герой повести трактирщик Штауф противится браку своей дочери Мины и студента Эрнеста Германа. Однако ему приходится дать свое благословение после мистического вмешательства в события настоящего его далекого предка – рыцаря и барона Георга фон Гогенштауфена.

Сюжет этого произведения подсказан реальным случаем. Сам Сомов рассказывал, что во время своего путешествия по окрестностям Гельногаузена он увидел объявление о продаже книги «Замок Фридерика Барбароссы близ Гельногаузена, исторический роман, в коем выводится на сцену тень Гогенштауфена». Скорее всего это была одна из местных комических переделок романа Х. Г. Шписса «Старик везде и нигде». На наш взгляд, именно этот «замок Барбароссы» вместе с приобретенной книгой и дают Сомову основу для написания рассказа по мотивам немецкого автора.

В «Исполинских горах» Сомов прибегает к пародии как средству воплощения авторской позиции. Здесь пародийно преломляются расхожие романтические коллизии, а характерные для романтизма ситуации и образы намеренно снижаются. В данном случае М. Сервантес служит ориентиром для Сомова. По утверждению

писателя он, «своим желчным пером... нанес решительный удар чудесному, осмеяв его искателей» [3, с. 32].

Главный герой повести «Исполинские горы» Ратомир, как и полагается романтическому герою, совершает ряд подвигов, получает рыцарское звание, но неожиданно начинает тяготиться своим рыцарским долгом: «Одно средство остается мне, – думал Ратомир, подпершись своею булавою и смотря на высокие, неприступные стены замка, – это средство – затрубить в рог и вызвать Мрачеслава на бой со мною. Но этот дикой, коварный великан не признает прав рыцарства и не имеет ни малейшего понятия о законах чести: он скорее запрется в своем замке еще крепче прежнего и будет в меня бросать огромными каменьями и целыми бревнами» [3, с. 409–410].

В повести «Вывеска» (1827) изложена история любви «волосочесателя» и молодой девушки. Действие разворачивается во французском городе Верден. Но Сомов не просто повествует о любви, он сквозь рассказ о жизни героев показывает читателю всю историю Франции начиная от эпохи правления Людовика XVI через революционные события к империи Наполеона I.

Стоит обратить внимание на повествовательную структуру произведения. Оно имеет внутреннее обрамление, впрочем, как и все рассказы из данного цикла, и оформлено как рассказ в рассказе. Повествование начинается от лица героя-путешественника, которого заинтересовало необычное название на вывеске, затем происходит смена рассказчика, и его функция переходит к герою-парикмахеру. Если первый рассказчик, путешественник, повествует лишь причудливое происшествие, то второй рассказчик доносит до нас событие, действие которого разворачивается на фоне исторических событий. Таким образом Сомов знакомит читателей с историей государства, и рассказ о Франции, вложенный в уста не иноземца, а француза, звучит правдивее.

Если у Ирвинга последовательность рассказов определяется фабулой, один рассказ является продолжением другого и развивает действие, хотя, вместе с тем, может существовать и как отдельное законченное произведение, то у Сомова последовательность повестей определяется передвижениями рассказчика во время путешествия: в соответствии с маршрутом его вояжа изменяется место действия, в поле зрения путешественника попадают те или иные явления действительности.

Существуют и иные отличия повестей Сомова от произведений В. Ирвинга. Ирвинг в «Рассказах путешественника» не стремился рассмотреть историю народа сквозь призму судьбы одного человека. К тому же, у американского писателя явственно делается упор на фольклорную составляющую. Сомов же в своем цикле уже отходит от фольклора, не опирается на него в построении сюжетов, характеристике героев и обстоятельств.

«Вывеска», как и остальные рассказы этого цикла, начинается с изолирования героя от внешней среды. Обычно причиной этого «выпадения» героя из привычного жизненного круга является непогода, которая застает путника в дороге, и он вынужден остаться на ночлег в каком-либо трактире или почтовом доме: «Хлоп, хлоп, хлоп! Бич моего почтальона раздался в воздухе и перервал утреннюю мою дремоту, наведенную пасмурною, дождливою погодой и однообразным качаньем

коляски по весьма не живописной дороге. Почтальон соскочил с седла, отпер дверцы коляски и, почтительно снимая шляпу, сказал мне: ”Милостивый государь! Вы благополучно прибыли в Верден; где вам угодно будет остановиться?”» [3, с. 269].

Такую внутреннюю организацию рассказов можно сравнить с организацией «вечеров», где герои так же изолированы от внешней среды и для того, чтобы скоротать время, рассказывают друг другу страшные истории.

В рассказе «Почтовый дом в Шато-Тьерри» (1828) тоже повествуется об истории любви, но в этот раз французского офицера и немой девушки немки. Как и в «Вывеске», в этом рассказе сквозь призму судьбы героев Сомов дает целостную историческую картину.

Несмотря на то что «Вывеска» была написана в тот же год, что и «Приказ с того света», а «Почтовый дом в Шато-Тьерри» всего лишь на год позже, у Сомова уже не наблюдается вариативности концовки. Если в первом своем рассказе автор не развенчивает мистического, ирреального ощущения, то в последующих все таинственное в конце развенчивается. Так, главный герой, заинтересованный необычной надписью на вывеске «Солнце светит для каждого» [3, с. 297], понимает, что она не несет в себе никакого смысла, довольно заурядна и совершенно не таинственна: «Парикмахер мой немного смешался; довольно неудачно объяснял мне, что сею надписью думал он выразить минувшие свои беды и нынешнее благосостояние, и т. п. Наконец он признался с добродушною улыбкой, что словами “Солнце светит для каждого” хотел он подразнить старого Террье и высказать ему, что не для него только светит солнце счастия. После такого пояснения он поклонился мне; я вышел и отправился в гостиницу Террье» [3, с. 297], – а история немой девушки также не столь загадочна, как кажется читателю в самом начале произведения.

Следовательно, опираясь в целом на цикл В. Ирвинга, Сомов своеобразно осмысляет его и творчески преломляет художественные находки американского писателя сквозь свои эстетические взгляды. Он заимствует у Ирвинга повествовательную модель цикла, но, в свою очередь, наполняет ее новым содержанием, основанным не на освоении фольклорных мотивов, а на художественном воплощении результатов наблюдений писателя над явлениями действительности.

ВЫВОДЫ

В «Рассказах путешественников» все явственнее чувствуется кризис романтической эстетики. К 1830-м годам фольклорные и фантастические начала в творчестве О. М. Сомова служат уже осмеянию чрезмерного увлечения романтизмом, снижению романтических канонов, дискредитации жанров романтизма с их штампами и клише. Базовыми циклообразующими свойствами данного цикла, идея которого была навеяна «Рассказами путешественника» В. Ирвинга, являются: наличие у каждого текста авторского подзаголовка «Из рассказов путешественника», фигура рассказчика – внимательного наблюдателя жизни, общее место и время действия – Европа (Франция и Германия), начало XIX века.

В отличие от В. Ирвинга, целью новелл которого было ироничное изображение романтических ситуаций, Сомов в своих рассказах через судьбу и обстоятельства жизни одного героя показывает историю целой нации. В этом смысле в его произведениях можно усмотреть преддверие реалистического постижения жизни.

Для третьего цикла Сомова характерна некая синкретичность: здесь представлены рассказы мистические, базирующиеся на фантастических мотивах, хотя и осмысленных иронически, и бытовые, основанные на наблюдениях автора над действительностью. Условно цикл можно разделить соответственно на две части: первая – «Приказ с того света», «Вывеска», «Почтовый дом в Шато-Тьерри», «Исполинские горы», вторая – «Странный поединок», «Самоубийца», «Страшный гость». Такое разделение цикла мотивировано как сюжетно, так и особенностями выражения авторской позиции.

Таким образом, «несобранные» циклы О. М. Сомова демонстрируют стратегию открытия текста в реальность за счет активного вовлечения читателя в смыслообразование, причем речь идет не о некоем читательском произволе интерпретации, а о создании иллюзии незаконченности текста, отданности его на волю читателя.

Проза О. М. Сомова сыграла значительную роль в становлении русской прозы, в подготовке условий дальнейшего развития русской литературы.

Список литературы

1. Дарвин, М. Н. Проблема цикла в изучении лирики : учеб. пособие / М. Н. Дарвин. – Кемерово: Изд-во КГУ, 1983. – 62 с.
2. Костылева, О. Б. Проза О. М. Сомова: художественный мир и способы его моделирования: автореф. дис. … канд. филол. наук [Электронный ресурс] / О. Б. Костылева. – Пятигорск, 2009. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/proza-om-somova-khudozhestvennyi-mir-i-sposoby-ego-modelirovaniya (дата обращения 20.04.2021).
3. Сомов, О. М. Купалов вечер. Избранные произведения / О. М. Сомов. – К. : Дніпро, 1991. – 560 с.
4. Шрага, Е. А. Литературность против литературы : Пути развития циклизованной прозы 1820–30-х годов / Е. А. Шрага. – СПб. : ГИЦ «Новое культурное пространство», 2013. – 148 с.
5. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. – Т. 1 / Ф. Шлегель. – М.: Искусство, 1983. – 479 с.

References

1. Darvin M. N. *Problema cikla v izuchenii liriki: ucheb. posobie* [The Cycle Problem in Learning Lyrics: A Study Guide]. Kemerovo: KGU Publ., 1983. 62 p.
2. Kostyleva O. B. *Proza O. M. Somova: hudozhestvennyj mir i sposoby ego modelirovaniya* [Prose by O. M. Somov: the artistic world and methods of its modeling] : avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Elektronnyj resurs]. Pyatigorsk, 2009. Rezhim dostupa: http://www.dissercat.com/content/proza-om-somova-khudozhestvennyi-mir-i-sposoby-ego-modelirovaniya (data obrashcheniya 20.04.2021).

3. Somov O. M. *Kupalov vecher. Izbrannye proizvedeniya* [Kupalov evening. Selected works]. – K.: Dnipro Publ., 1991. 560 p.
4. Shraga E. A. *Literaturnost' protiv literatury: Puti razvitiya ciklizovannoj prozy 1820–30-h godov* [Literary versus Literature: Ways of Developing Cyclized Prose of the 1820s and 30s]. – SPb.: GIC «Novoe kul'turnoe prostranstvo» Publ., 2013. 148 p.
5. Shlegel' F. *Estetika. Filosofiya. Kritika: v 2 t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 volumes.]. T. 1. M.: Iskusstvo Publ., 1983. 479 p.

THE UNITY OF NARRATIVE STRATEGY IN THE CYCLE OF STORIES BY O. M. SOMOV "TRAVELER'S STORIES"

Boiko C. K.

The article analyzes the author's narrative strategy, which ensures the semantic and stylistic unity of O. M. Somov's novels, which made up the unassembled cycle «Travelers' Tales». It is concluded that there is an author's position pervading all the works of the cycle, which manifests itself in polemics in relation to the romantic tradition, in the use of irony, parody and other ways to reduce the canons of romanticism. Somov's trip abroad in the summer of 1819 and his direct observations of European life provided the material for the stories in the series. The works are connected together by the figure of a traveler in Europe. The genre of "travel", popular in Russian literature at the turn of the XVIII-XIX centuries, is reinterpreted by the writer: Somov rejects the traditional idea of travel as a pleasure and an occasion for the artistic embodiment of the emotions of a wandering hero; the writer finds the value of such works in their informative content. Relying in general on the cycle of V. Irving, Somov interprets it in a peculiar way and creatively refracts the artistic findings of the American writer through his aesthetic views. He borrows from Irving the narrative model of the cycle, but, in turn, fills it with new content, based not on the development of folklore motifs, but on the artistic embodiment of the results of the writer's observations on the phenomena of reality.

Keywords: cycle, uncollected cycle, O. M. Somov, narrative strategy, cycling factor, irony, author's position.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 23–35.

УДК 821.161.1

ПРЕТЕКСТЫ ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»: К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА РОМАНА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ XX ВЕКА[1]

Гавриш Т. Р.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
berenica25@yandex.ru.

В статье рассмотрены история и современное состояние проблемы «точки зрения». Термин «точка зрения» введен Генри Джеймсом в эссе «Искусство прозы» (1884) и является, по Б.А. Успенскому, центральной проблемой композиции произведения искусства. В статье дан обзор теоретических исследований понятия «точка зрения» в отечественном и зарубежном литературоведении. Соответственно концепции «повествовательных ситуаций» Ф.К. Штанцеля, являющейся одной из наиболее авторитетных в области теории литературы XX века, выделяются три повествовательных ситуации, характеризующие «Я-роман», аукториальный и персонажный роман. Автор представленной статьи опирается на работу современного исследователя С.И. Сухих «"Жизнь Клима Самгина" и эволюция романной формы в творчестве Горького» (1998), который анализирует художественную эволюцию его произведений крупной прозаической формы от аукториального до персонажного романа и от традиционного типа романной структуры до типа «жизнеописание/хроника», в котором биография, «история» человека органично сопрягается с историей страны. Автор статьи рассматривает процесс эволюции замысла романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»от наброска «Жизнь г. Платона Ильича Пенкина», фрагментов «Яков Иванович» и«Записки доктора Ряхина»до повести «Все то же»и ее отрывка «Ярмарка», анализирует последний претекст как своего рода «набросок» персонажного романа, на страницах которого впервые проступают контуры «Жизни Клима Самгина», и делает вывод о том, что длительный эксперимент Горького над «формо-типом» произведения крупной формы позволил писателю создать уникальный итоговый текст.

Ключевые слова: «точка зрения», аукториальный роман, «Я-роман», персонажный роман, Максим Горький, претекст, «Жизнь Клима Самгина».

Литературный процесс XX столетия отмечен возникновением, развитием и теоретической разработкой новых тенденций, характерных для эволюции жанра романа. В эссе «Искусство прозы» американский писатель Генри Джеймс (*James Henry*. The Art of Fiction, 1884) вводит понятие «точка зрения» [6, с. 127–144], которое представляется «центральной проблемой композиции произведения искусства» [12, с. 5].

Изучение понятия «точки зрения», начатое английским литератором Перси Лаббоком (*Lubbock Percy*. The Craft of Fiction, 1921), продолжено в позднейших работах отечественных исследователей: В.М. Толмачев (Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. – М., 1996), Б.О. Корман (Целостность литературного произведения и экспериментальный

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00325а «Творчество М. Горького в контексте Серебряного века (проблема жанра)».

словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Куйбышев, 1981), Ю.М. Лотман (Структура художественного текста. – М., 1970). Актуальность данной проблематики отражена также в зарубежном литературоведении второй половины XX века. Так, в работе «Нарратология» немецкого исследователя В. Шмида [13] дан краткий обзор основных в теоретической дискуссии и текстуальном анализе подходов к категории «точки зрения»: Франц Карл Штанцель (Stanzel Franz K.) [17]; Жерар Женетт (Genette Gérard) [7]; Мике Бал (BalMieke) [14]; Яп Линтфель (Lintvelt Jaap) [15]; Шломит Риммон-Кенан (Rimmon(-Kenan) Shlomith) [16]. Анализируемая проблематика «в особенности <...> относится к литературе 19–20 вв., где остро стоит вопрос о неизбежной зависимости “картины мира” от своеобразия воспринимающего сознания и о необходимости взаимокорректировки точек зрения разных субъектов для создания более объективного и адекватного образа действительности» [10, стлб. 1078–1079].

По Н.Д. Тамарченко, наиболее корректное определение понятия «точка зрения» дано австрийским теоретиком литературы Ф.К. Штанцелем, концепция «повествовательных ситуаций» (Erzählsituationen) которого является одной из наиболее авторитетных в области теории литературы XX века. На основе определения Штанцеля отечественный исследователь формулирует собственное определение: «Точка зрения – положение “наблюдателя” (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое определяет его кругозор – как в отношении “объема” (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого, и выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [10, стлб. 1078–1079].

«В 1979 г. Штанцель моделирует повествовательную ситуацию на основе трех оппозиций:

1. Оппозиция лица: “идентичность” – “неидентичность” сфер существования нарратора и персонажа;

2. Оппозиция перспективы: “внутренняя” – “внешняя” точка зрения (Innenperspektive — Außenperspektive);

3. Оппозиция модуса: “нарратор” – “рефлектор”.

Каждая из трех различаемых Штанцелем повествовательных ситуаций определяется преобладанием одного из членов названных оппозиций:

1. Повествовательная ситуация от первого лица: преобладание идентичности сфер существования нарратора и персонажа;

2. Аукториальная повествовательная ситуация: преобладание внешней точки зрения;

3. Персональная повествовательная ситуация: преобладание модуса рефлектора» [13, с. 62–63].

Таким образом, первая повествовательная ситуация характеризует т.н. «Я-роман», вторая – аукториальный роман, третья – персонажный роман.

В исследовании эволюции романной формы в творчестве Горького С.И. Сухих оперирует основными понятиями и типологическими принципами концепции

Штанцеля. По мнению исследователя, в своем развитии романная форма в творчестве Горького проходит следующий путь:

– повести «Фома Гордеев» (1899), «Трое» (1901), «Мать» (1907) представляют собой как тип романной структуры – традиционный тип, как повествовательная ситуация – аукториальный роман;

– хроника «Городок Окуров» (1909) – жизнеописание/хроника //аукториальный роман;

– повесть «Жизнь Матвея Кожемякина» (1911) – жизнеописание/хроника // «Я-роман» (отчужденное «*я*»);

– повести «Детство» (1913), «В людях» (1914), «Мои университеты» (1923) – жизнеописание/хроника // «Я-роман» (изображаемое «*я*» под контролем повествующего «*я*»);

– от повести «Дело Артамоновых» (1925), «с <...> тремя “призмами”, в лучах которых развертывается историческое полотно романа», – к повести «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936) – жизнеописание/хроника // персонажный роман [8, с. 64–66].

Определяя жанр перечисленных произведений Горького как «повесть», будем учитывать, что ни в классическом, ни в современном горьковедении нет единой точки зрения на определение жанра «Жизни Клима Самгина»; более того, дефиниция жанра произведения в процессе его создания стала проблемой самого его автора, что отражено в обширной горьковской переписке. Отметим, таким образом, первостепенную значимость авторского жанрового восприятия собственного текста: свои произведения крупной формы Горький определял именно как повести. В названиях исследований, посвященных «Жизни Клима Самгина» и опубликованных в 1930–1970-х годах, встречается несколько определений итогового горьковского произведения: повесть, роман, роман-хроника, роман-эпопея, эпопея; авторы иных работ не дают указания жанрового определения произведения. Литературоведческая дискуссия советского периода о жанре «Жизни Клима Самгина» представляется обусловленной лишь идеологически или во всяком случае факультативной. «Говоря о жанрах, очень важно иметь в виду, что сами по себе они отнюдь не содержат в себе какой-либо качественной характеристики и обращение к тому или иному жанру и жанровой форме ни в коем случае не свидетельствует о том или ином художественном превосходстве», – размышляет Л.И. Тимофеев [11, с. 354]. С.И. Сухих также находит несостоятельной тенденцию придавать тому или иному жанру «пафосно-оценочный характер»: «Все это <...> вряд ли оправданно с научной точки зрения. <...> Каждый жанр выполняет в литературе свою “задачу” и имеет свое специфическое жанровое содержание» [9, с. 118].

Замысел итогового произведения Горького получил длительную эволюцию в художественном сознании и творчестве писателя – от наброска «Жизнь г. Платона Ильича Пенкина» (конец 1890-х – начало 1900-х), фрагментов «Яков Иванович» (приблизительно 1904) и «Записки доктора Ряхина» (1911) до повести «Все то же» (1915–1917) и ее отдельного эпизода «Ярмарка» (1915–1918). Четыре претекста итогового произведения Горького создавались писателем параллельно всему его художественному творчеству соответствующего периода.

Претекст «Жизнь г. Платона Ильича Пенкина» написан Горьким на рубеже веков, одновременно с повестями «Фома Гордеев» (1899) и «Трое» (1901).

«Герой – интеллигент-разночинец. Средних способностей. Происхождение и воспитание внушают ему высокое мнение о силе и оригинальности своего интеллекта и, совершенно скрывая его дилетантство, – развивают в нем честолюбивые желания быть чем-нибудь в жизни.

Резко выставить несоответствие сил с желаниями.

Радикальство – народничество – оппортунизм, консерваторство – декадентство. Полный моральный крах.

Сознание. Раскаяние. Смерть» [1, с. 558].

Н.Н. Жегалов, автор раздела «К творческой истории произведения» тома 25 Полного собрания сочинений М. Горького, характеризует данный фрагмент как заметку [5, с. 42]; мы лишь можем допустить предположение, что в случае реализации художественного замысла это произведение, как и две первые повести писателя, представило бы собой как тип романной структуры – традиционный тип, как повествовательная ситуация – аукториальный роман.

Второй претекст «Яков Иванович» написан Горьким в 1904 г.; он не завершен и представляет собой четыре кратких абзаца. Главный герой – «один из видных представителей местной интеллигенции», у которого «нет ясно сознанных причин быть недовольным <...> жизнью», но который, достигнув сорокалетия, начинает испытывать необычное внутреннее ощущение: «Но вот – что-то случилось со мною, что именно, я не понимаю, только мне как-то вдруг стало неловко, неприятно жить, и вдруг я почувствовал себя неизлечимо утомленным. Как будто бы долгое время я шел, не торопясь, в гору, шел в ясной уверенности, что иду правильным путем, добрался до вершины горы, взглянул и вижу, что я заплутался, попал в какое-то…» [1, с. 385].

На этапе создания второго претекста Горький, сохранив традиционный тип романной структуры (о чем, впрочем, также можно говорить только предположительно), делает первый шаг к созданию новой повествовательной ситуации: в данном фрагменте реализован структурный принцип «Я-романа», центром которого является отчужденное «*я*» («герой, отчужденный от автора и чуждый ему; мир пропущен сквозь призму его сознания» [8, с. 66]).

Далее следуют хроника «Городок Окуров» (1909) и, чуть позже, повесть «Жизнь Матвея Кожемякина» (1911). Это еще один шаг вперед, но на данном этапе – в сфере перехода Горького от традиционного типа романной структуры к новому и, более того, новаторскому в истории русской литературы типу: при сохранении повествовательной ситуации аукториального романа (С.И. Сухих, впрочем, характеризует «Жизнь Матвея Кожемякина» уже как «Я-роман» [8, с. 66]) «в качестве сюжетообразующих опор постепенно и все отчетливее определяются две: история жизни человека (жизнеописание) и хроникальный принцип повествования. <...> человеческая жизнь напрямую сопрягается с историческим процессом; “панорама десятилетий”, вмещающая в себя максимально возможный объем жизненных наблюдений, фокусируется на историю человеческой жизни и души» [8, с. 65]. Одновременно Горький работает над претекстом «Записки доктора Ряхина» (1911).

В этом произведении Горьким дан глубоко исповедальный образ главного героя. «Исповедь» героя, которую он может доверить только своему дневнику, задает основные направления повествования: в существе своем горьковский герой – «чужой человек в своей стране» [2, с. 681], душевная жизнь которого проходит в одиночестве и постоянных суицидальных мыслях и настроениях, надежно скрытых от окружающих посредством непрерывного исполнения несложной роли «скептика», «веселого человека» и «хорошего работника» [2, с. 662]. В «Записках доктора Ряхина» Горьким впервые синтезированы новый тип романной структуры («жизнеописание/хроника») и новая повествовательная ситуация – «Я-роман» (отчужденное «*я*»).

В повестях «Детство» (1913), «В людях» (1914) и «Мои университеты» (1923) Горьким вновь реализован художественный синтез «жизнеописание/хроника» + «Я-роман», с тем отличием, что в данных произведениях в центре повествования не отчужденное, а изображаемое «*я*» под контролем повествующего «*я*» («в автобиографической трилогии сознание Алеши, сквозь призму которого ведется изображение, находится под неусыпным контролем другого "*я*" того же героя, наблюдающего за собой прежним из другого времени, с другим опытом и пониманием жизни, и повествующее "*я*" то и дело вторгается со своими оценками в "*я*" изображаемое (что определяется спецификой автобиографического характера материала» [8, с. 66]). Созданная Горьким в это время повесть «Все то же» (1915–1917) и ее фрагмент «Ярмарка» (1915–1918), как и предпоследний претекст «Записки доктора Ряхина», как тип романной структуры также представляет собой модель «жизнеописание/хроника», но повествовательная ситуация является совершенно иной относительно аукториального и «Я-романа». Возможно, четвертый претекст – это своего рода «набросок» персонажного романа, на страницах которого впервые проступают контуры «Жизни Клима Самгина».

И.С. Сухих выделяет несколько принципиально значимых художественных особенностей персонажного романа, каким является «Жизнь Клима Самгина» [8, с. 66–67]:

– «изображение зафиксировано в "точке зрения" одной из объективированных фигур, отчужденной от автора», – это «высланный административно из Петербурга» в городок Мямлин тридцатилетний Павел Смагин (фамилия центрального персонажа практически совпадает с фамилией «Самгин», отличаясь от нее только двумя переставленными буквами);

– «эта перспектива соблюдается последовательно и строго». В текстах повести «Все то же» и фрагмента «Ярмарка» нет никаких отклонений от избранного Горьким художественного принципа; писатель отступает от него лишь единожды, что обусловлено необходимостью кратко представить героя читателю [3, с. 386–387]).То же происходит на первых страницах «Жизни Клима Самгина», где Горький воссоздает социально-политическую атмосферу жизни России 1870-х – начала 1880-х годов [4, с. 10–12];

– «преобладает не "сообщающее повествование», а "сценическое изображение"». Четвертый претекст «Все то же» представляет собой именно ряд сцен. Сцены, каждая из которых несет специальную смысловую нагрузку, сменяя

друг друга, «перетекая» одна в другую, демонстрируют постепенное освоение новой реальности сознанием главного героя.

Первая сцена, задающая повествованию основную тональность, – это приезд Смагина в Мямлин. Городок расположен в котловине, что сразу же отсылает читательское восприятие к образу ада. Вид города, который Смагин наблюдает с возвышенности, с первого же взгляда вызывает его отторжение; отвечая на реплику извозчика, главный герой из вежливости говорит о просторе, раскинувшемся перед ним, – на что тот реагирует размышлением о «тесноте жизни» [3, с. 355]. Приехав в гостиницу, Смагин рассматривает Мямлин из окна, и в этот момент городок производит на него совершенно иное впечатление, контрастируя с воспоминаниями героя о Петербурге, темном и туманном, и напоминая ему лавки продавцов восточного шелка на нижегородской ярмарке; ясное осеннее утро вызывает ощущение внутреннего тепла и бодрости в его душе.

Однако в последующих сценах Горький начинает постепенно разрушать новое впечатление своего героя. Выйдя из гостиницы, чтобы зарегистрироваться в полицейском управлении, Смагин видит дом бывшего прокурора Маймачинского, одного из первых лиц в городе: на верху шеста, установленного на крыше, висят рваные сапоги – знак того, что хозяин дома («...вижу – стоит человек, смотрит и не верит. <...> трудно интеллигентному человеку в здешней необыкновенной жизни» [3, с. 393], – скажет Смагину позже портной Щукин, человек с «петербургским прошлым», которого главный герой встречает в следующей сцене). Писарь полицейского управления Финогенов открыто требует со Смагина взятку с тем чтобы тот мог избежать официальных хлопот и задает ему единственный вопрос, является ли он законнорожденным. Смысл этого вопроса станет ясен позже: Финогенов считает, что все «бунтующие люди», от сектантов до уголовных преступников, – не имеющие родственной, кровной связи с «законом родителей» незаконнорожденные, которых должно рассматривать как неполноценных людей и лишать прав состояния; также впоследствии Смагин узнает о возможной причине необычного поведения Финогенова: его сын отбывает каторгу за грабеж во время событий 1905–1907 годов; о судьбе его первой жены не упоминается, а вторая, семнадцатилетняя девушка, прожившая в браке с ним только пять месяцев, бежала. Потрясения личной жизни серьезно повлияли на Финогенова: демонстрирующий не вполне адекватное поведение и состояние психики за границами варианта нормы, он, например, боится острых предметов, не посещает парикмахера из боязни случайно и даже намеренно быть зарезанным бритвой; однако, встреченный Смагиным на рождественском базаре в мясных рядах, «приоткрыв рот, сладостно ухмыляясь, Финогенов осторожно водил пальцем по глубокому разрезу вдоль хребта <...>, а в его студенистых глазах светилось такое жуткое умиление, что Смагин даже вздрогнул под толчком темного предчувствия» [3, с. 422]; рассказы писаря постоянно акцентируют склонность человека к безнравственному и даже преступному поведению.

В доме Коптева, где Смагин снимает комнату, он знакомится также с его супругой красавицей Таисьей и ведет беседы и споры с хозяином, бывшим членом «Союза русского народа». С образом Коптева, человека безнравственного и патологически бессострадательного, связан, пожалуй, самый трагичный образ

повести – это его совершенно опустившаяся и умирающая племянница Татьяна, мать десятилетней Раи. Коптев опровергает свою прошлую связь с племянницей и даже в ситуации, когда она при смерти, отказывается помочь ей, живущей милостыней, которую приносит побирающаяся на улицах Рая. Коптев говорит Смагину о том, что когда-то он добровольно оставил «Союз русского народа», тогда как в действительности его уход вызван скандалом из-за истории с Татьяной, получившей огласку вследствие публикации в городской газете. Именно Татьяну Коптев не в состоянии простить за то, что не смог сделать открывшуюся перед ним в свое время карьеру, но, впрочем, вполне удовлетворен тем, что его кормит чудесный яблоневый сад. Настроение Смагина изменяется: «...в этом деревянном городе <...> он начинал чувствовать нечто непримиримо враждебное его правде – другое миросозерцание, темное, запутанное и жуткое» [3, с. 387].

Главный герой начинает общаться с местным «Дон Кихотом» Щукиным, чей образ важен как образ человека, ментально, мировоззренчески и душевно близкого Смагину. Он вспоминает также свой недавний разговор с инженером Зейделем, на предприятии которого работает; тот рассказывает Смагину о Маймачинском, не желающем понимать, что участок прекрасного леса, владельцем которого он является, через некоторое время окажется заболоченным, если он не даст разрешения проводить работы на его земле, примыкающей к осушаемому от болот участку. Напротив, Маймачинский иронически благодарит инженера за информацию и предупреждает, что, когда лес начнет заливать вода, он предъявит иск об убытках. Все попытки Зейделя объяснить Маймачинскому совершенно несложную инженерно-техническую сторону дела, обусловленную особенностями осушаемой местности, встречают лишь его заверения в том, что как юрист он знает свои права и в состоянии их защитить, тогда как в данной ситуации единственный «нарушитель» его прав – естественное положение вещей.

«Клочья жизни плывут один за другим...», – продолжает повествование Горький. Смагин видит, как запряженная мужиком беременная лошадь, везущая воз сена, падает и рожает жеребенка. Свидетели этой сцены ругают мужика, но никто не выражает желания или готовности помочь. Только когда Смагин поднимает с земли испачканную в грязи шапку мужика и кладет ее в сено, пожилая женщина, стоящая в небольшой толпе, подходит к жеребенку и наклоняется к нему. Старый точильщик, точащий ножи, предупреждает мещанина, который, стоя с другой стороны станка, «стачивает на сером камне свои черные звериные ногти» [3, с. 396], о том, что тот рискует пораниться. Мещанин ехидно огрызается точильщику, но в следующий же момент происходит то, о чем только что предупреждал мастер. Реакция мещанина оказывается совершенно абсурдной: он обвиняет в случившемся точильщика, утверждая, что его травмировал именно он, причем сделал это в насмешку, умышленно, и наносит старику столь сильный удар по лицу, что тот, не удержав равновесия, опускается на землю. По утрам, по пути на работу, Смагин подает милостыню маленькой Рае: «Вся она какая-то бесцветная, бескровная, вялая, но на ее худеньком личике горят недетские жгучие глаза; мучительно понятно, что в этом маленьком теле неудержимо разрастается звериная злоба на всех людей, и злобу эту некому погасить» [3, с. 397]. По просьбе умирающей Татьяны Рая приводит к ней, в

помещение, напоминающее темную конуру или узкую щель, Смагина; он «впервые испытал отвращение к нищете и тоскливый, тупой гнев при виде торжества ее» [3, с. 401]. Судьба Татьяны производит самое угнетающее впечатление на горьковского героя: «Из ее нескладного рассказа Смагин понял, что этот человек однажды поверил во что-то, чего-то пожелал и был раздавлен, как лягушка» [3, с. 408]. Татьяна просит его – без всякой надежды – передать Коптеву, чтобы после ее смерти он взял Раю к себе. Стараясь быть убедительным в описании ситуации, свидетелем которой он стал, и спокойно-сдержанным по отношению к Коптеву, Смагин рассказывает ему о положении Татьяны и Раи, но тот излагает ему собственную версию истории Татьяны, отказывается простить ее за то, в чем она невиновна, и, не желая, чтобы окружающие убедились в несомненности его связи с племянницей, после ее смерти отправляет Раю, возможно свою дочь, на воспитание к пожилой женщине – знакомой Финогенова.

Предпоследняя сцена является одной из самых значимых в повести. По приглашению Щукина Смагин посещает вечеринку в месте, похожем на «веселый дом», и находящемся в помещении бывшей бани, уцелевшей после пожара, в котором сгорело большое купеческое хозяйство. Участники вечеринки – хозяйка, три молодые женщины и семнадцатилетний сын городского головы. Щукин приводит сюда Смагина с тем, чтобы познакомить его с Марьей. Эта женщина, уверенная в себе, даже дерзкая, несмотря на тяжелый и очень ранний жизненный опыт, сохранила и сильный характер, и чувство собственного достоинства. Вечеринка, невольным участником, точнее свидетелем которой становится главный герой, также совершенно новое, незнакомое ему до этого нечто: «И завыло, застонало горестное русское веселье, никогда еще не виданное Смагиным во всей драматической красе удали и отчаяния, во всей дикой силе его неутомимой, азиатской тоски» [3, с. 418]. Не в силах более видеть людей, «до смерти обиженных», Смагин покидает вечеринку. На вопрос Щукина о Марье он с грустью отвечает, что она погубит его. Но, несмотря на то, как небрежна Марья с влюбленным в нее Щукиным, он говорит о глубоком сострадании к этой женщине, о том, что не может слышать ее песни («С десяти годов с рук на руки пошла»); как Дон Кихот, герой его любимого романа, он чувствует, «что обязан за всех обиженных женщин одну какую-то божественно любить!» [3, с. 418]. «А может, хоть одному человеку помогу, а? <...> Беспомощно, безобразно живут все и сам я тоже. Пускай я помучаюсь за человека, ведь больше ничего я не сумею сделать в жизни, так вот – хоть помучаюсь, а? <...> Хочется мне отдать себя кому-нибудь, а большие наши дела, мечты наши рассеялись... <...> Я говорю: “Маша, умница, разве можно так жить?” А она: я, говорит, ни на какую жизнь не надеюсь. <...> Не надеется, а ей всего-навсе – двадцать пять лет» [3, с. 418–419]. Возвращаясь домой, Смагин вспоминает минувший вечер, «отрывки бесстыдных и уродливых песен» [3, с. 419], ужас, звучащий в них, и подобные этой вечеринки, виденные им и прежде, но только сегодня воспринятые как исполненные глубокой тоски и отчаяния. «Помучиться – умеем, а помочь – не научились! Видно – легче помучиться, чем действенно помочь», – думает о Щукине Смагин, осознавая, впрочем, что «подвиги русских Дон-Кихотов редко поднимались выше поступка портного» [3, с. 420].

Повесть завершается сценой финального диалога Смагина с Коптевым, в момент, когда главный герой испытывает ощущение «китайской стены» между сознанием интеллигента и человека «из народа»: «Он начинал понимать, что живет где-то на узкой и опасной полоске, между двух непримиримых мироощущений, одно – покорствует тайнам жизни, другое – стремится познать их; одно – жаждет покоя, хочет видеть человека праведником во что бы то ни стало, другое – ускоряет движение жизни силами воли и разума, воспитывает человека борцом за его власть над планетой; одно – верит в чудо и ждет его, другое – создает истину» [3, с. 424].

Фрагмент «Ярмарка» также представляет собой три последовательно сменяющиеся сцены: ярмарка, ее посетители и великолепная, созданная подлинным мастером слова сцена пожара в Мямлине. В этом небольшом тексте Горький показывает, как под впечатлением увиденного на ярмарке в сознании Смагина изменяется самое главное – его понимание народа и прежнее отношение к нему: «Он давно чувствовал, что в суждениях городских людей о душе, о силе русского народа слишком много влияния доброй и мягкой литературы; он знал, что в своем стремлении утешать литература сильно прикрашивает народ. Эти, прежде неясные, догадки Смагина теперь перерождались в точные мысли, он чувствовал, что под каждую из них мог бы подложить широкое основание фактов истории, опыта личной жизни» [3, с. 436]. Смагин пытается сопротивляться открытой для себя правде, однако прежние убеждения еще сильны в его душе и сознании: «Странная у меня позиция, – где-то посредине между... явно непримиримыми да и нет...» [3, с. 437], – размышляет главный герой. Это восприятие жизни, но изображенное Горьким уже как концептуальное, позднее станет одной из главных характеристик образа главного героя итогового горьковского произведения;

– «изложение при этом ведется не от 1-го, а от 3-го лица»;

– «индивидуальный образ повествователя исчезает»;

– «“персонажная” композиционно-повествовательная ситуация ориентирована не на сужение и уплотнение пространственно-временных горизонтов изображения, как в модернистском “романе сознания”, а на беспредельное их расширение». Подобное расширение масштаба «Жизни Клима Самгина» безусловно невозможно в небольшом художественном произведении, однако тенденция очевидна;

– «преобладает акцент на воспроизведение не низшего, “подпольного”, а высшего, интеллектуального уровня сознания». Павел Смагин – интеллигент как минимум во втором поколении, выпускник университета; человек, привыкший «верить в свои силы и уважать себя» достаточно для того, чтобы, вполне осознавая себя как «среднего человека», не замечающего в себе «особенных дарований», проявлять чувство собственного достоинства и принимать сложность жизни и необходимость упорного труда; человек, который уже в ранней юности, будучи студентом второго курса, осознает личную ответственность за происходящее в стране и ее судьбу; человек, разделяющий взгляды Горького на выбор направления развития цивилизации – выбор активного, действенного, преображающего реальность отношения к жизни, характерного для западной цивилизации, в противовес свойственному цивилизации востока пассивно-созерцательному мировосприятию;

– «структурный принцип “персонажного” романа становится интегрирующим началом, уравновешивающим несовместимые, казалось бы, антиномии замысла: необозримое многообразие “адовой суматохи” целого сорокалетия – и ограничение ее рамками “жизнеописания” главного героя». В повести «Все то же» Горьким, конечно, не мог быть дан столь значительный временной отрезок истории страны, как в «Жизни Клима Самгина», но тенденция к изображению определенного длительного периода в рамках жизни человека уже намечена;

– «широчайшая перспектива и масштабность изображения “панорамы десятилетий” во времени и пространстве – и выбор специфической повествовательной ситуации (сквозь “самгинские очки”)», что полностью реализовано в четвертом претексте;

– «резко негативное отношение автора к герою – и установка на невмешательство, подчеркнутая объективация его мировосприятия».Определенно говорить о негативном отношении Горького к Павлу Смагину еще нельзя (в данном случае оно или нейтрально, или не лишено авторской симпатии); художественный принцип объективации мировосприятия главного героя уже реализован;

– «при строгом соблюдении перспективы Самгина – воссоздание масштабного “противомира” других героев, отчужденного и от авторского, и от самгинского сознания».В четвертом претексте Горьким созданы яркие и выразительные образы жителей городка, людей как близких мировосприятию Смагина, так и несходных с ним. С одной стороны – типичные обитатели Мямлина: Коптев, Финогенов, Маймачинский, с другой – Щукин и Зейдель. Щукин, подобно главному герою повествования, воспринимает свою жизнь в Мямлине как ссылку, а уездный городок – как чужбину. Зейдель – резонер Горького: он считает русских удивительным народом, вызывающим исключительную любовь и интерес; главной национальной задачей России, по мнению этого человека, является непрерывный самоотверженный труд множества поколений, смысл которого – осознанное восприятие концептов западноевропейской культуры. Это и другие персонажи повести: Таисья, позднее возлюбленная Смагина («Ярмарка»); Татьяна и Рая – две трагических женских судьбы; участники вечеринки в «черной пещере мучений, набитой бесноватыми» [3, с. 419].

Таким образом, путь Горького к «Жизни Клима Самгина»– это непрерывный, длившийся около двадцати лет художественный эксперимент с «формо-типом» произведения крупной прозаической формы, позволивший писателю создать уникальный итоговый текст.

Список литературы

1. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. [Текст] / М. Горький. – Т. 6. – М.: Наука, 1970. – 584 с.
2. Горький, М.Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. [Текст] / М. Горький. – Т. 10. – М.: Наука, 1971. – 760 с.
3. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. [Текст] / М. Горький. – Т. 11. – М.: Наука, 1971. – 616 с.

4. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. [Текст] / М. Горький. – Т. 21. – М.: Наука, 1974. – 576 с.
5. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. [Текст] / М. Горький. – Т. 25. – М.: Наука, 1976. – 656 с.
6. Джеймс, Г. Искусство прозы [Текст] / Г. Джеймс; пер. Н. Афанасьева; Из предисловий к Собранию сочинений; пер. Т. Морозовой // Писатели США о литературе: В 2 т. – Т. 1. – М., 1982. – 294 с.
7. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс [Текст] / Ж. Женетт // Фигуры: В 2-х томах. Том 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.
8. Сухих, С.И. «Жизнь Клима Самгина» и эволюция романной формы в творчестве М. Горького [Текст] / С. И. Сухих// Горьковские чтения–1997: материалы конференции «М. Горький и XX век». – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1997. – 480 с.
9. Сухих, С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Изд. 2-е, исправленное и дополненное [Текст] / С. И. Сухих. – Н. Новгород: Изд-во ООО «Поволжье», 2007. – 216 с.
10. Тамарченко, Н.Д. Точка зрения [Текст] / Н. Д. Тамарченко// Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стлб.
11. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы. Учебное пособие для студентов педагогических институтов [Текст] / Л. И. Тимофеев. – М.: Просвещение, 1976. – изд. 5-е, испр. и доп. – 548 с.
12. Успенский, Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы [Текст] / Б. А. Успенский. – М.: Искусство, 1970. – 223 с. – (Семиотические исследования по теории искусства).
13. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – (Studiaphilologica).
14. Bal Mieke. Narratologie: Les instances du récit: Essais sur la signification narrative dans quatre romans modernes. Paris, 1977; Narration et focalisation: Pour une théorie des instances du récit // Poétique. 1977. № 29. P. 107–127.
15. Lintvelt Jaap. Essai de typologie narrative. Le «point de vue». Théorie et analyse. Paris, 1981.
16. Rimmon(-Kenan) Shlomith. Narrative Fiction. ContemporaryPoetics. London, 1983.
17. Stanzel Franz K. Die typischen Erzählsituationen im Roman: Dargestellt an «Tom Jones», «Moby Dick», «The Ambassadors», «Ulysses» u. a. Wien, 1963; Typische Formen des Romans. Göttingen, 1964; Theorie des Erzählens. Göttingen, 1979.

References

1. M. Gorkii. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennye Proizvedeniya V 25 T.* [Complete Works. Works of Art in 25 Vols.]. Vol. 6. Moscow: Nauka Publ., 1970. 584 p.
2. M. Gorkii. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennye Proizvedeniya V 25 T.* [Complete Works. Works of Art in 25 Vols.]. Vol. 10. Moscow: Nauka Publ., 1971. 760 p.
3. M. Gorkii. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennye Proizvedeniya V 25 T.* [Complete Works. Works of Art in 25 Vols.]. Vol. 11. Moscow: Nauka Publ., 1971. 616 p.
4. M. Gorkii. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennye Proizvedeniya V 25 T.* [Complete Works. Works of Art in 25 Vols.]. Vol. 21. Moscow: Nauka Publ., 1974. 576 p.
5. M. Gorkii. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennye Proizvedeniya V 25 T.* [Complete Works. Works of Art in 25 Vols.]. Vol. 25. Moscow: Nauka Publ., 1976. 656 p.
6. Dzheims G. *Iskusstvo Prozy* [The Art of Fiction]. *Pisateli SShA o Literature: V 2 t.* Vol. 1. Moscow, 1982. 294 p.

7. Zhenett Zh. *Povestvovatelnyi Diskurs* [Narrative Discourse]. *Figury: V 2-kh Tomakh.* Vol. 2. Moscow: Izd-voim. Sabashnikovyh, 1998. 472 p.
8. Sukhikh S.I. *Zhizn Klima Samgina i Jevolyutsiya Romannoi Formy v Tvorchestve M. Gorkogo* [The Life of Klim Samgin and the Evolution of the Novel Form in the Works of M. Gorky]. *Gorkovskie Chtenija–1997: Materialy Konferentsii M. Gorkii i XX Vek.* Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo Universiteta, 1997. 480 p.
9. Suhih S.I. *Zabluzhdenie i Prozrenie Maksima Gorkogo* [Delusion and Insight of Maxim Gorky]. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Povolzhye, 2007. 216 p.
10. Tamarchenko N.D. Tochka Zreniya [The Point of View]. *Literaturnaya Jenciklopediya Terminov i Ponyati.* Ed. by A.N. Nikolyukina. Institut nauchn. informacii po obshhestvennym naukam RAN. Moscow: Intelvak Publ., 2001. 1600 col.
11. Timofeev L.I. *Osnovy Teorii Literatury. Uchebnoe Posobie Dlya Studentov Pedagogicheskikh Institutov* [Fundamentals of The Theory of Literature. Textbook for Students of Pedagogical Institutes]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1976. 548 p.
12. Uspenskii B.A. *Pojetika Kompozitsii: Struktura Khudozhestvennogo Teksta i Tipologiya Kompozitsionnoi Formy* [Poetics of Composition: The Structure of The Artistic Text and Typology of a Compositional Form]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 223 p.
13. Shmid B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki Slavjanskoi Kultury, 2003. 312 p.
14. Bal Mieke. Narratologie: Les instances du récit: Essais sur la signification narrative dans quatre romans modernes. Paris, 1977; Narration et focalisation: Pour une théorie des instances du récit // Poétique. 1977. № 29. P. 107–127.
15. Lintvelt Jaap. Essai de typologie narrative. Le «point de vue». Théorie et analyse. Paris, 1981.
16. Rimmon(-Kenan) Shlomith. Narrative Fiction. ContemporaryPoetics. London, 1983.
17. Stanzel Franz K. Die typischenErzählsituationenim Roman: Dargestellt an «Tom Jones», «Moby Dick», «The Ambassadors», «Ulysses» u. a. Wien, 1963; Typische Formen des Romans. Göttingen, 1964; Theorie des Erzählens. Göttingen, 1979.

PRETEXTS OF M. GORKY'S NOVELTHE LIFE OF KLIM SAMGIN: ON THE QUESTION OF THE ARTISTIC EVOLUTION OF THE NOVEL GENRE IN THE LITERARY PROCESS OF THE 20th CENTURY

Gavrish T. R.

Summary. The article examines the history and current state of the problem of the point of view. The term point of view was introduced by Henry James in the essay The Art of Fiction (1884). It is, according to B. A. Uspensky, the central problem of the composition of the artwork. The article provides an overview of theoretical studies of the point of view concept in domestic and foreign literary studies. According to the narrative situations concept by F. K. Stantzel, that is one of the most authoritative in the field of literary theory of the 20th century, distinguishes three narrative situations, that characterize the I am-novel, the auctorial and the character novel. The author of the presented article relies on the work of a modern researcher S. I. Sukhikh The Life of Klim Samgin and The Evolution of Novel Form in Gorky's Work (1998), which analyzes the artistic evolution of his large prose works from the auctorial to the character novel

and from the traditional type of novel structure to the biography/the chronicle type, in which biography, a man's story is consubstantial with the history of the country. The author of the article examines the process of evolution of the idea of M. Gorky's novel The Life of Klim Samgin in the sketch The Life of Mr. Platon Iliich Penkin, fragments of Yakov Ivanovich and Dr. Ryakhin's Notes, and the novel All the Same, including its fragment Fair, analyzes the latest pretext as a kind of sketch of the character novel, on the pages of which the contours of The Life of Klim Samgin first appear, and concludes that the long-term Gorky's experiment on formo-type of large form works allowed the writer to create a unique final text.

Keywords: point of view, auctorial novel, I am-novel, character novel, Maxim Gorky, pretext, The Life of Klim Samgin.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 36–47.

УДК 821.111-312.9'06

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СЮЖЕТОВ АРТУРОВСКОГО ЦИКЛА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Корж Т. Н., Дадашева А. Б.

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия
e-mail: korhtatyana@yandex.ru;
amina.dadasheva@yandex.ru

Возросший интерес к средневековым легендам о короле Артуре в XXI веке связан с популяризацией жанра фэнтези и расширением возможностей для воплощения сюжетов с характерным для артурианы элементом фантастического. Сюжеты цикла о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, получили широкое развитие в литературе XIX века, в частности в романах М. Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» и А. Теннисона «Королевские идиллии», на основе которых были проанализированы и выявлены особенности воплощения сюжетов артуровских легенд в эпоху «артуровского возрождения». Исследования показали, что мифы о короле Артуре подстраивались под социальные запросы общества. Писатели, творившие в рамках «средневекового возрождения», идеализировали не только природу и внешнюю эстетику Средневековья, но и «чистоту нравов» и искренность, присущие людям тех времен, раскрывая характеры персонажей артурианы при помощи описания внутренних переживаний, в то время как более поздние интерпретации артуровских сюжетов представляют собой пародию с преобладанием элементов сатиры. Однако образы самого короля Артура и рыцарей Круглого Стола во многом ограничены своей эпохой и сохраняют свои характеристики неизменными – они благородны и доблестны, готовы бороться за справедливость и свою честь.
***Ключевые слова*:** артурианa, артуровский миф, артуровское возрождение, медиевализм, средневековое возрождение,

ВВЕДЕНИЕ

Влияние богатой на легенды и предания кельтской культуры на культуру современности огромно. Сюжеты, зародившиеся в кельтской мифологии, до сих пор находят отражение в творчестве писателей, художников, кинематографистов. Одним из таких сюжетов является сюжет о доблестном короле Артуре и благородных рыцарях Круглого Стола. Начиная с IX века, когда легенда о короле Артуре получила своё первое воплощение в литературе – исторической хронике «История бриттов», написанной валлийским монахом Неннием, – данный сюжет вновь и вновь находит отражение в культуре не только европейской, но и мировой. На протяжении уже более чем тысячи лет он претерпел множество изменений, и для каждой из эпох характерны свои собственные особенности его интерпретации.

Возросший интерес к средневековым легендам о короле Артуре в XXI веке связан с популяризацией жанра фэнтези и расширением возможностей для воплощения сюжетов с характерным для артурианы элементом фантастического.

Цель настоящей статьи – проанализировать особенностей художественного воплощения сюжетов артуровского цикла в произведениях писателей XIX века, в

частности в романах Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» и Альфреда Теннисона «Королевские идиллии».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В системе культурного мироощущения человека мифология во многом выступает в роли базиса: представляя собой «целостную картину мира, в которой элементы религиозного, практического, научного, художественного познания ещё не различены и не обособлены друг от друга» [1, с. 83], она служит фундаментом для дальнейшего развития культуры в целом и литературы в частности. Многие из оригинальных мифологических образов существуют в мировой культуре по сей день, и при этом пользуются большой популярностью: Эдип, Прометей и Одиссей из древнегреческой мифологии, Кикимора и Леший – из славянской, Анубис и Ра из мифологии Древнего Египта. В число таких образов также входит и образ короля Артура, берущий своё начало в кельтской мифологии.

Наиболее ранние упоминания его имени в староваллийской литературе изображают Артура одним из военных вождей, однако уже в истории «Куллвх и Олвен» Красной Гергестской книги персонаж по имени Артур предстаёт сюзереном, вассалами которого являются такие божества, как Амаэтон, Гофаннон, а также короли Британии Нинниау и Пейбоу. Объясняется это, по всей видимости, тем, что конечный образ Артура – это слияние образов двух персоналий: бога Артура, которого почитали на землях кельтов, и военного верховного вождя Артура. В таком виде, представляя из себя смесь мифического и исторического, образ Артура перешёл в народные легенды [11]

Характеризуя развитие артуровских легенд, литературовед и доктор филологических наук А Д. Михайлов выделял два основных этапа. По мнению исследователя, на первом этапе «…это как бы Артур до Артура. Нет ни имени, ни героических деяний, ни привычного нам окружения. Есть лишь «мотивы», которые очень скоро найдут отклик в ранних памятниках кельтской (валлийской) литературы и фольклора» [2, с. 23]. К этому этапу относят раннюю поэзию валлийских бардов (к примеру, «Годдодин» Анарийна и «Добыча Аннона» Талиесина). В их произведениях Артур – воин, племенной герой, смелый и доблестный, но не имеющий ничего общего с тем королём Артуром, которого мы себе обычно представляем. По мнению исследователей, подобное преобразование в образе Артура связано с напряжёнными конфликтами англосаксов и кельтов: у народа была нужда в герое, символе, способном вызвать патриотические чувства и поднять боевой дух.

Таким героем стал Артур, получивший черты не просто сильного воина, но и мудрого правителя. Этот образ был запечатлён в исторической хронике Ненния «История бриттов». Первым же последовательным, структурированным повествованием о жизни короля Артура считается «История королей Британии» Гальфрида Монмутского, написанная на основе трудов Ненния. К образу Артура в «Истории королей Британии» Гальфрид Монмутский добавил личностные черты: «Его врожденная благожелательность настолько привлекала к нему, что не было

почти никого, кто бы его не любил» [3, с. 96]. На этом же этапе в сюжет вводится персонаж Мерлин – прорицатель и мудрый советник.

Далее последовало переосмысление старого материала: на смену мифологическому мышлению пришёл вымысел и литературная фантастика. Произведения поэтов XII–XIII веков отличаются смещением акцента на переживания и мир человеческих отношений. Французский поэт Роберт Вас вносит в сюжет детали, без которых нельзя представить современную артуриану: впервые упоминает Круглый Стол и присваивает мечу Артура имя Эскалибур. Неоценимый вклад в формирование артурианы внёс Кретьен де Труа, который ввёл в сюжет таких персонажей как Эрек, Персиваль, Ланселот. Мир, обрисованный в произведениях де Труа, А. Д. Михайлов определяет как условный. «…Его королевство не имеет четких границ, и это символично: Артур царит там, где существует дух рыцарственности. И наоборот: последний возможен лишь благодаря Артуру, тот его воплощение и высший гарант» [2, с. 44]. Для первого этапа характерна циклизация: автономные эпизоды выстраиваются в логической последовательности, а персонажи, которым отведены главные роли, связываются между собой дружбой, родством, вассальной зависимостью и т.д.

Для второго же этапа, согласно А. Д. Михайлову, характерна обособленность произведений. Отдельные персонажи оказываются в центре отдельных событий, объединяемых общим хронотопом. Развивается сюжет о поиске Святого Грааля. Произведением, закрепившим образ Артура в литературе, по праву считается «Полная книга о короле Артуре и его рыцарях Круглого Стола» Томаса Мэлори, позже получившая название «Смерть Артура», объединившая в себе латинские, французские и английские средневековые мотивы. Автор книги подводил итог и одновременно открывал в эволюции легенды новую страницу.

Образ короля Артура прошёл долгий путь от кельтских мифов до полноценно оформленных рыцарских романов. После Мэлори существенных качественных изменений в сюжеты внесено не было, а спустя время, в эпоху классицизма, сюжеты артуровского цикла и вовсе были преданы забвению. «Возрождена» артуриана была в XIX веке, определив одно из самых ярких явлений в литературе того века – «артуровское (или «средневековое») возрождение».

Людям во все времена было свойственно обращаться к прошлому, идеализировать его, возвышать. Живя в настоящем времени, человек видит его со всеми его недостатками и изъянами. Он остро переживает социально-политические проблемы, так как они отражаются непосредственно на его жизни и благосостоянии. Он живёт в обществе людей, ежедневно контактируя с ними, и люди эти зачастую бывают противоречивы, жестоки, невежественны. Всё происходящее вокруг него воспринимается целостной картиной: картиной, в которой за достижениями стоит череда провалов, а за прогрессом – жертвы и тяжёлый труд тысячи людей.

Викторианскую эпоху принято называть «золотым веком» Британской империи, не в последнюю очередь благодаря промышленной революции, определившей Великобританию как «мастерскую мира» и обеспечившей интенсивное развитие и стремительную урбанизацию. Но этот же процесс стал и катализатором социальной напряжённости: рабочие зачастую были вынуждены трудиться изнуряюще большое

количество часов в условиях полной антисанитарии, в городах увеличивалось число трущоб, а вместе с ними росла и преступность. В условиях новой экономической системы, ставшей причиной как подъёмов, так и спадов, росла безработица, а люди теряли уверенность в завтрашнем дне.

Медиевализм – система верований и практик, вдохновлённых образом Средневековья, которые нашли своё отражение в таких областях, как архитектура, литература, музыка, искусство, философия, наука [12]. Именно в XIX веке в английский язык вошло понятие *medieval*, произошедшее от латинского *medium aevum* («середина лет»), и именно этот период в культуре Англии характеризуется возросшим интересом к культуре, традициям и нравам Средневековья. Анализируя логику этого желания погрузиться в историю и уйти в прошлое, российский литературовед и переводчик, доктор филологических наук А. В. Карельский отмечает, что «…это была не просто мечта о возврате вспять, а попытка возрождения неких духовных традиций прошлого ради будущего» [цит. по: 4].

В 1816 году, после почти двухсотлетнего забвения, было вновь издано произведение Томаса Мэлори «Смерть Артура», и многие исследователи данного периода связывают зарождение медиевализма именно с этой публикацией. Это можно выделить как непосредственную причину, отправную точку, в то время как предпосылок к идеализации Средневековья было куда больше.

Прежде всего, как уже было сказано выше, промышленная революция внесла огромные перемены в повседневное существование англичан, и во многом эти перемены отрицательно сказались на качестве их жизни: работающие заводы загрязняли воздух городов, увеличение численности городского населения неизбежно приводило к суете и шуму. Всё большее и большее количество людей склонялось к превосходству доиндустриального, «простого», пасторального образа жизни над современным, и именно такой образ привлекательнее всего был представлен в работах, описывающих средневековый уклад жизни.

Помимо этого, интенсивная индустриализация стала причиной существенных перемен в сложившихся за многие столетия традициях распределения гендерных ролей. Развитие производства послужило причиной для создания новых рабочих мест, в том числе и тех, на которые могли претендовать женщины. Как следствие, образ жизни типичных мужчины и женщины среднего класса перестал быть таким контрастным, и это вызвало состояние, подобное кризису ощущения стабильности. В то же время идеи средневекового рыцарства, представленные, в частности, в сюжетах о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, воплощали в себе идеал гендерных социальный различий: разделение между мужчиной и женщиной тех времён было очень ярким и выразительным. В «Королевских идиллиях» А. Теннисона хорошо представлены примеры «настоящей мужественности» и «настоящей женственности» в глазах людей викторианской эпохи. Прекрасная, терпеливая и полная готовности пройти через все трудности со своим возлюбленным Энид стала образцом истинной женщины, в то время как доблестные, высоконравственные и храбрые король Артур и сэр Галахад – образцами истинных мужчин.

В рамках общего «средневекового возрождения» развивалось так же более частное «артуровское возрождение» – культурное явление Англии XIX века, связано

со всплеском интереса непосредственно к средневековым сюжетам о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Популярность в XIX веке приобретают произведения средневековой литературы и фольклора, издаются рыцарские романы, кельтские легенды, собрания народных баллад, роман «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», «История правителей Британии» Г. Монмутского. Одновременно появляются многочисленные интерпретации сюжетов о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Центральным произведением «артуровского возрождения» по праву считаются «Королевские идиллии» Альфреда Теннисона. Данный цикл поэм был высоко оценён современниками, которые отмечали живописность, музыкальность произведения и изящество слога автора. В произведении соотнесены проблемы Средневековья и современности, и многими исследователями оно рассматривается как аллегория, отражающая проблемы викторианской Англии.

Альфред Теннисон, по признанию множества исследователей и литературных критиков, является одной из наиболее ярких фигур как английской литературы XIX века в частности, так и мировой поэзии в целом. Его произведения отличаются музыкальностью и живописностью, а изящество слога и «сладозвучие» в его художественной манере можно определить как характерную черту поэта, его «визитную карточку», благодаря которой он завоевал любовь читателей по всему миру. Его талант был отмечен почётным званием поэта-лауреата, данным королевой Викторией, высокой оценкой литературными критиками его творчества и, не в последнюю очередь, временем: поэзия Теннисона публикуется и читается во всём мире по сей день.

Цикл «Королевские идиллии», состоящий из двенадцати идиллий, публиковался в период с 1859 по 1885 года, и хронологически он может быть отнесён к позднему этапу творчества Теннисона. Многие исследователи склонны считать данный период лучшим, так как именно в нём обозначились те свойства поэзии Теннисона, которые впоследствии будут отмечаться как наиболее яркие и характерные, выделяющие этого автора среди прочих. К ним относятся тонкое чутьё природы и умелое воссоздание спокойных, умиротворяющих пасторальных пейзажей, лиризм и сентиментальность, мелодичность и меланхолия. Данный цикл является своего рода пересказом легенд о короле Артуре, основанных на уже существовавших источниках, таких как «История бриттов» Гальфрида Монмутского, «Смерть Артура» Томаса Мэлори и цикла «Мабиногион». В «Королевских идиллиях» по большей части отражены классические сюжеты артурианы; одна часть из них трактуется так же, как и в более ранних произведениях других авторов, а другая – претерпевает некоторые изменения или дополнения с целью соответствия главной задумке произведения – создания образа идеального рыцаря и правителя короля Артура.

Цикл «Королевские идиллии» считается одной из наиболее известных и наиболее ярких адаптаций сюжета о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Более того, «Королевские идиллии» также являются одним из самых характерных произведений «средневекового возрождения», представляя собой отражение идеалов, к воссозданию которого стремились творцы этой эпохи. Французский теоретик искусства и литературы Ипполит Тэн отмечал, что в «Королевских идиллиях» Теннисон, обратившись к легендам о короле Артуре и рыцарях Круглого

Стола, смог в полной мере отобразить «чистый и возвышенный мир: любовь, великодушие, добродетели» [5, с. 190]. В этом произведении отражен значимый для викторианской литературы поиск решений социальных проблем и анализ современной действительности, выраженный в соотнесённости героев и сюжетов Средневековья с нравственно-философскими проблемами настоящей эпохи. Иллюстрацией этой характерной особенности может послужить, к примеру, образ колдовского тумана: образ иллюзий и ложных идеалов, обманувшись которыми, человек может совершать ошибки: «… и к Богу / Взывали павшие, что в небеса / Глядели, но видали лишь туман» [8, с. 388].

Отличительной особенностью «Королевских идиллий» является смещение акцента в повествовании с приключений персонажей на их чувства, эмоции, душевные колебания. Теннисон уделяет большое внимание раскрытию психологии героев, которым свойственно сомневаться, переживать внутренний разлад, становиться жертвами своих чувств и, напротив, преодолевать их. Персонажи не представлены уже сформированными и статичными с точки зрения психологии фигурами: на протяжении всего повествования они развиваются сами и развивают в себе новые черты характера. Наиболее яркий пример – идиллия «Гарет и Линетта», в которой отображено развитие персонажа по имени Гарет. Читатель проходит вместе с ним путь от любимого, изнеженного сына своей матери и поварёнка при дворе короля Артура до доблестного рыцаря, который смог дать отпор четырём братьям-рыцарям: Звезде Зари, Солнцу Полдня, Вечерней Звезде и Смерти, символизирующим этапы жизни человека [8, с. 27-81]. Повествование изобилует монологами, которые помогают читателю понять мысли и стремления персонажей, изучить их внутренний мир.

Помимо этого, очень значимую роль в понимании психологического состояния персонажей играет картина мира в целом, отображение его времени и пространства. Для «Королевских идиллий» характерна соотнесённость внутреннего ощущения героев и общей событийной картины с природными циклами: произведение начинается с условной «весны», для которой характерно появление нового, расцвет и развитие (первые идиллии: «Приход Артура», «Гарет и Линетта», «Женитьба Герейнта», «Балин и Балан», «Мерлин и Вивьен», «Ланселот и Элейн», «Пеллеас и Эттара»), а завершается – «зимой», которая принесла за собой упадок («Уход Артура»). Эта цикличность играет большую роль в композиционной целостности произведения: ею подчёркивается неизбежность конца и вместе с тем превосходство естественного над созданным: король Артур – идеальный, лишённый недостатков правитель, однако даже ему не под силу изменить природный ход вещей и повлиять на недолговечность всего земного. Поэма «Уход Артура» завершается строчками «… и, наконец, пропала в свете солнца, / Приведшего с собою новый год» [8, с. 400], что ещё раз подчёркивает цикличность мира, в котором живут герои произведения: на смену старому году приходит новый, и это – то, что человеку изменить неподвластно.

Пространство в цикле «Королевские идиллии» имеет столь же большое значение, что и время. Прежде всего, на карте артуровской Англии отмечается Камелот – центр мира, в котором живут герои. Его нельзя отнести к одной культуре: в нём совмещены как символы христианства (Дева Озера, которую встречает Гарет,

впервые приближаясь к Камелоту, стоит на камне с простёртыми крестом руками [8, с. 35]), так и символы, традиционно присущие языческой культуре (сам образ Девы Озера). В нём, помимо миров двух противоположных мировоззрений, сливается ещё и реальное с магическим: из слов Мерлина, которому задали вопрос о реальности Камелота и самого Артура крестьяне, нельзя сделать однозначный вывод: создан ли город при помощи магии или он так же реален, как жильё любого из крестьян?

Если в контексте времени в произведении контрастируют сезоны, то в контексте пространства Теннисон делает контраст замкнутого и открытого внешнего мира. Замкнутое пространство – это крепость, башня или замок. Замок Эттары, к примеру, служит символом темницы и заточения, ограничения свободы. Противопоставляется же ему всё то, что находится вне возведённых человеком построений – леса, моря, поля и дороги. Природа предоставляет защиту тем, кто в ней нуждается, и в целом представляется символом безопасности, свободы и естественности. Будет уместно вновь обратиться к идеологии творцов «средневекового возрождения» – идея превосходства природного над созданным прослеживается на протяжении всего цикла, в каждом из стихотворений. Камелот предстаёт перед читателем величественным и вызывающим восхищение, однако развиваются и растут персонажи не в его стенах, а в путешествиях, потому что ни один человек не обладает тем, чем обладает природа, и ни один из них не способен создать место, в котором можно жить лучше, чем на естественных просторах страны.

«Королевские идиллии» Альфреда Теннисона считаются центральным произведением «артуровского возрождения», как это следует из всего вышесказанного, благодаря своей комплексности и многогранности. Мы не ошибёмся, если скажем, что данный цикл является принципиально новой ступенью в интерпретации классического сюжета о короле Артуре. Для него присуще то, что не было присуще произведениям, основанным на этой легенде, до сих пор – тонкий символизм, подкреплённый философскими идеями, и преобладание психологического над событийным. Рыцари Теннисона – это большее, чем просто воины, обязанные защищать честь и справедливость. Женщины Теннисона – это большее, чем фигуры, имеющие значимость только как матери или жёны героев. В конечном итоге, король Артур Теннисона – это большее, чем определённый набор характеристик, которыми должен обладать правитель. Все герои, представленные этим автором, живы в той же степени, что жив он сам. Именно поэтому «Королевские идиллии» должны быть выделены среди тех множественных произведений, что были до них и что будут после.

«Средневековое возрождение» обязано своим существованием особенностям викторианской эпохи – грубой идеологии капитализма, упадку нравов и вместе с тем тенденцией к ханжеству, негативно сказывающимся на повседневной жизни горожан последствиям активной индустриализации и т.д. Творческим людям Англии XIX века нужно было избавление от неприемлемой для них реальности, и они нашли его в сюжетах Средневековья. Далёкое, загадочное и романтическое Средневековье по контрасту с серой, душной и непритязательной реальностью выглядело соблазнительно и давало плодотворную почву для творчества. Но вместе с тем, изучая культуру этого периода, нельзя не задать себе вопрос: а было ли

Средневековье таким, каким его отображали в рамках ставшего популярным «медиевализма» художники и писатели? Следуя из многочисленных научных источников, мы можем сказать наверняка: нет, Средневековье было вовсе не таким. Вместе с рыцарством существовала жестокая эксплуатация человеческого труда, фигура королевской власти часто оттеснялась фигурой произвола церкви, а романтика и «естественность» чувств разворачивались на фоне жестокости и несправедливости, характерной для феодального уклада. Безусловно, эта недостоверная репрезентация исторической эпохи и склонность к её идеализации не могла не остаться незамеченной. И уже в конце XIX века публикуется сатирическое произведение известного писателя Марка Твена, призванное обличить эту склонность к идеализации рыцарства и Средневековья.

Сатира – художественное произведение, остро и беспощадно обличающее отрицательные явления действительности [10]. Мастерство автора-сатирика в первую очередь определяется умением не только выделить особо яркую, выразительно отрицательную черту чего-либо или кого-либо, но и умением тонко, изящно указать на это, не опускаясь до высмеивания или откровенной жесткой критики. Всемирно признанным мастером сатиры, обладающим редким даром подмечать всё то, что могло скрыться от глаз менее внимательных читателей, и обличать это в своей особой манере является американский писатель Марк Твен. И одним из самых ярких сатирических произведений его авторства является роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» [7].

Эта книга была опубликована в 1889 году, и изначально она задумывалась автором как пародия на произведения, созданные в рамках медиевализма. Писатели, творившие в рамках «средневекового возрождения», абстрагировались от неприемлемой для них действительности и переносились в своих произведениях в ту эпоху, которая казалась им наиболее привлекательной, а Марк Твен, в свою очередь, напротив, обращался к предмету своей нелюбви напрямую, в форме увлекательного юмористического повествования отмечая все те моменты, которые он не мог себе позволить оставить без внимания.

Произведение «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» с самого начала погружает читателя в атмосферу «несерьёзности»: автор предугадывает ожидания человека, читающего эту книгу, и делает всё, чтобы их не оправдать. В самом начале произведения даётся намёк на путешествие во времени (в музее рассказчик осматривает рыцарскую кольчугу VI века, каким-то чудом повреждённую не копьём или мечом, а пулей огнестрельного оружия [7, с. 8]), а после представляется главный герой: Хэнк Морган, рабочий оружейного завода, изучивший ремесло инженерии и оружейного дела в совершенстве. О себе он говорит, что он «умел сделать всё, что только может понадобиться – ружья, револьверы, пушки, паровые котлы, паровозы, станки; а если не существовало новейшего образа изготовить какую-нибудь вещь, я сам изобретал такой способ» [7, с. 11]. Читатель предполагает дальнейшее раскрытие темы инженерных способностей героя и, возможно, описание изобретения им машины времени, однако повествование заходит в другую сторону: герой попадает в прошлое не благодаря своим исключительным способностям, а из-за слишком горячей ссоры с другим рабочим, который ударил его по голове так, что тот потерял

сознание, а очнулся уже в зелёной местности VI века. Этим приёмом автор пользуется на протяжении всего произведения, как бы подшучивая над читателем: вместо повестей о доблестных подвигах – в десятки раз приукрашенные самими рыцарями сказки, вместо магии огня – вовремя заложенный порох, вместо гордых завоевательных походов – путешествия по стране с плакатами, призывающими поддерживать гигиену тела, вместо заколдованных дам королевских кровей – случайно попавшиеся под руку свиньи. В этом романе юмористический элемент, безусловно, преобладает. Автор не ставит себе цели воссоздать исторические события: хронотоп в произведении очень условен, и акцент делается на главном персонаже – янки из Коннектикута, современнике самого Твена, глазами которого мы смотрим на быт людей в Средневековье и, что в рамках исследования представляет для нас особый интерес, на самого короля Артура и рыцарей Круглого Стола.

Ярче всего образ короля Артура отражён в главах 29 «Оспа» и 34 «Янки и король проданы в рабство». Сюжетно они обе относятся к той части произведения, в которой главный герой, по личной просьбе короля Артура, сопровождает его в анонимном странствии по Англии: переодевшись в одежду простых крестьян, глава королевства и его ближайший советник ходят по отдалённой от Камелота местности, и перед Артуром раскрывается совершенно новый мир: мир болезней, нищеты и несправедливости. В главе 29 персонажи произведения попадают в дом людей, зараженных оспой. Артур проявляет себя как благородный человек, ответив на предложение Хэнка бежать быстрее из этого дома словами: «…стыдно было бы королю дрожать от страха, и стыдно было бы рыцарю отказать нуждающемуся в помощи» [7, с.249]. В главе 34 герои произведения, став жертвой гнева крестьян, попадают в рабство, и Хэнк отмечает, что хуже раба, чем король, во всей Англии было не найти. «Но силой заставить его изменить королевскую осанку на рабскую было невозможно» [7, с. 308]. В приведённых цитатах король Артур показывается сильной и благородной личностью, не страшащейся трудностей и, что не менее важно, готовой менять свой взгляд на жизнь и действительно стремящейся понять свой народ.

Также нельзя не отметить существенную разницу в интерпретации характеров и образов героев сюжетов артуровского цикла в данном произведении. Особый контраст заметен между отображением таких персонажей как король Артур и чародей Мерлин.

Мерлин является один из наиболее ярких персонажей в произведении, и вместе с тем он же является объектом большей части насмешек автора. За глаза Мерлина называют ужасно скучным, лживым стариком, который только и знает, что рассказывает одну и ту же историю, в которой он прославляет сам себя [7, с. 28]. Образ Мерлина можно соотнести с собирательным образом самого Средневековья, который восхваляли творцы эпохи «средневекового возрождения»: образом всего героического, волшебного, загадочного. На проверку Мерлин оказывается обыкновенным шарлатаном, слава которого – не более чем заслуга передающихся из уст в уста выдуманных историй, в которые жители артуровской Англии верили совершенно искренне. Таким же является образ Средневековья, идеализируемого

художниками и поэтами, – всё той же сказкой, живущей до тех пор, пока в неё готовы верить люди.

Чародею Мерлину противопоставляется король Артур. Безусловно, М. Твен в своём сатирическом, пародийной произведении не ставит себе цель создать идеального героя: Артур, как и все персонажи романа, имеет свои недостатки. Однако нельзя не отметить тот факт, что изъяны короля Артура почти всегда обусловлены средой, в которой живёт герой. Он не знает того, что не свойственно знать правителям эпохи Средневековья, и сомневается в том, в чём засомневался бы любой человек его времени. В то же время характеристики личности короля (как это уже было отмечено ранее в исследовании) остаются практически неизменными. Он доблестный, гордый и благородный человек, и достойный правитель в своих владениях. Несмотря на то, что произведение «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» ярко выделяется среди прочих произведений, основанных на сюжете артурианы, автор продолжает традицию изображения фигуры короля Артура.

Характерной особенностью интерпретации Марка Твена является тот факт, что она, будучи «несерьёзной» и сатирической, наиболее полно раскрывает образ короля Артура, демонстрируя его как доблестного правителя, так и достойного человека.

ВЫВОДЫ

Итак, на протяжении всей истории существования мифа о короле Артуре он подстраивался под социальный запрос, существовавший в обществе. Творившие в рамках «средневекового возрождения» писатели, склонные идеализировать не только природу и внешнюю эстетику Средневековья, но и «чистоту нравов» и искренность, присущие, по их мнению, людям в те времена, раскрывали характеры персонажей артурианы при помощи описания внутренних переживаний. Для Альфреда Теннисона пасторальные пейзажи, рыцарство, схватки и турниры являются фоном, в то время как главной целью идиллий является раскрытие психологии и внутреннего мира героев.

В отличие от такой интерпретации артуровских сюжетов, роман Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» является пародией с преобладающим элементом сатиры. Несмотря на новую трактовку героев артурианы, образ самого короля Артура и рыцарей Круглого Стола во многом схож с образом, воплощённым в более ранних произведениях: герои ограничены своей эпохой и в глазах современного читателя выглядят «недалёкими», но характеристики их личностей остаются прежними – они благородны и доблестны, готовы бороться за справедливость и свою честь.

Список литературы

1. Мечковская Н. Б. Мифы и фольклор [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «Фаир», 1998. – 352 с.
2. Михайлов А. Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы [Текст] / А Д. Михайлов. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 264 с.
3. Монмутский Г. История бриттов. Жизнь Мерлина [Текст] / Г. Монмутский. – М.: Наука, 1984. – 293 с.

4. Панкова Е А. Романтическая модель Средневековья [Текст] / Е. А. Панкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/romanticheskaya-model-srednevekovya-k-postanovke-problemyu. – (Дата обращения: 18.12.2020).
5. Петрова П. В. «Королевские идиллии» А. Теннисона в контексте «артуровского возрождения» в английской литературе XIX века : дис. … канд. филол. наук : 10.01.03 / Н. В. Петрова. – Нижний Новгород, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dslib.net/literatura-mira/korolevskie-idillii-a-tennisona-v-kontekste-arturovskogo-vozrozhdenija-v-anglijskoj.html. – (Дата обращения: 05.05.2020).
6. Рёскин Дж. Лекции об искусстве [Текст] / Дж. Рёскин; пер. с англ. П. Когана под ред. Е. Кононенко. – М. : Б.С.Г. Пресс, 2006. – 319 с.
7. Твен М. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура [Текст] / М. Твен; пер. с англ. Н. Чуковского. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с.
8. Теннисон А. Королевские идиллии: стихотворения [Текст] / А. Теннисон; пер. с англ. И. Бунина, Д. Катар, Г. Кружкова и др. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
9. Тэн И. А. История английской литературы [Текст] / И. А. Тэн. – М. : Директ-Медиа, 2007. –308 с.
10. Толковый словарь Ожегова / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27888. – (Дата обращения: 17.05.2020).
11. Энциклопедия: Кельтская мифология / пер. с англ. С. Головой и А. Голова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/MIFS/kelty.txt_with-big-pictures.html. – (Дата обращения: 25.05.2017).
12. Dictionary.com / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dictionary.com/browse/medievalism. – (Дата обращения: 7.05.2020).

References

1. Mechkovskana N. B. *Mify i Folklor* [Myths and Folklore]. Moscow: Fair Publ., 1998. 352 p.
2. Mikhailov A. D. *Srednevekovye Legendy i Zapadnoyevropeiskie Literatury* [Medieval Legends and Western European Literatures]. Moscow: Yazyki Slavjanskoi Kultury Publ., 2006. 264 p.
3. Monmutskii G. *Istoriya Brittov. Zhizn Merlina* [*The History of the Britons. Life of Merlin*]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 293 p.
4. Pankova E A. *Romanticheskaya Model Srednevekovya* [Romantic Model of the Middle Ages]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/romanticheskaya-model-srednevekovya-k-postanovke-problemy (accessed 18 December 2020).
5. Petrova P. V. *Korolevskie Idillii A. Tennisona v Kontekste Arturovskogo Vozrozhdeniya v Angliiskoi Litearture XIX Veka* [Idylls of the King by A. Tennyson in the Context of the Arthurian Renaissance in English Literature of the 19th Century]. Nizhnii Novgorod, 2002. Available at: http://www.dslib.net/literatura-mira/korolevskie-idillii-a-tennisona-v-kontekste-arturovskogo-vozrozhdenija-v-anglijskoj.html (accessed 5 May 2020).
6. Rjoskin Dzh. *Lektsii ob Iskusstve* [Lectures on Art]. Moscow: B.S.G. Press Publ., 2006. 319 p.
7. Twain M. *Yanki iz Konnektikuta pri Dvore Korolya Artura* [A Connecticut Yankee in King Arthur's Court]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 416 p.
8. Tennyson A. *Korolevskie Idillii* [Idylls of the King]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 448 p.
9. Tven I. A. Istoriya Angliiskoi Literatury [History of English Literature]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2007. 308 p.
10. Tolkovyi Slovar Ozhegova [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. Available at: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27888 (accessed 17 May 2020).

11. Jentsiklopediya: Keltskaya Mifologiya [Encyclopedia of Celtic Mythology]. Available at: http://www.lib.ru/MIFS/kelty.txt_with-big-pictures.html (accessed 5 May 2020).
12. Dictionary.com. Available at: https://www.dictionary.com/browse/medievalism (accessed 7 May 2020).

ARTISTIC PRESENTATION OF THE ARTHURIAN CYCLE LEGEND IN ENGLISH LITERATURE OF THE 19th CENTURY

Korzh T. N., Dadasheva A. B.

Summary. Increased interest to the medieval legend about King Arthur in 21st century was due to a wide readership of fantasy genre and a trend to use fantastic features of Arthurian tales in literary plots. The Arthurian literary cycle has been widely developed in the 19th century literature, namely in the Mark Twain's novel A Connecticut Yankee in King Arthur's Court and Alfred Tennyson's Idylls of the King, which have been analyzed to identify the peculiarities of representation of the Arthurian cycle legends in the time of the Arthurian Renaissance. The current research has stated that the King Arthur's legend has been changed in response to society needs. The writers of the Medieval Renaissance tended to idealize nature and aesthetics of that epoch, as well as the moral elegance and sincerity proper to people of that time, revealing characters of the Arthurian cycle characters through their inner emotions. Later interpretation of the Arthurian cycle looks more like low-burlesque with prevailing elements of satire. Nevertheless, the images of King Arthur and his knights preserved their characteristics unchanged – they remain noble and brave, eager to fight for justice and honor.

Keywords: Arthuriana, Arthur's legend, Arthurian Renaissance, medievalism, Medieval Renaissance.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 48–61.

УДК 821.161.1 + 82.0 + 908

ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ПУШКИНИСТИКИ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Лобков А. Е.

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия
e-mail: alobkow@rambler.ru

В статье рассматривается история возникновения двух книг о пребывании А.С. Пушкина в Крыму – Б.Л. Недзельского и С.Д. Коцюбинского, опубликованных в Симферополе с разницей в несколько лет – в 1929 и 1937 годах соответственно. За каждой из книг стоят разные подходы к подаче материала. При этом методологические предпочтения авторов во многом обусловлены историческим контекстом времени написания обеих книг. Работа Недзельского написана в русле биографического метода. Автор опирается только на имеющиеся фактические сведения и критически подходит к литературе о пребывании Пушкина в Крыму, разрушая сложившиеся вокруг него легенды. Однако и сам Недзельский не удерживается и добавляет в копилку вероятных, но не верифицируемых фактов, ряд своих версий. Книга Коцюбинского написана с позиций социологического подхода. Его привлекают вопросы политической биографии, обстоятельства, ставшие причиной южной ссылки, отношение к поэту царской власти, роль крымского путешествия в идейно-творческой эволюции Пушкина. Раскрывая историческое значение Пушкина, Коцюбинский стремится показать место поэта в современности и раскрыть роль его творчества в строительстве социалистической культуры. Эстетика поэтических текстов Пушкина для обоих исследователей оказалась не столь существенной, за ними они искали жизненной или социальной реальности.

Ключевые слова: Пушкин в Крыму, С.Д. Коцюбинский, Б.Л. Недзельский, биографический метод, социологический подход, Алупкинский дворец-музей, Крымский педагогический институт.

ВВЕДЕНИЕ

Одномесячное пребывание А.С. Пушкина в Крыму с середины августа по середину сентября 1820 г., как может показаться, только один частный эпизод биографии, зачастую теряющийся в насыщенном событиями и впечатлениями южном этапе жизни поэта 1820–1824 гг. Однако неизменное пристальное внимание читателей и исследователей к творчеству Пушкина свидетельствует о том, что в жизни поэта не было проходных эпизодов. За каждым фактом его биографии скрывается высокий смысл, помогающий постичь тайны пробуждения поэзии и творческого прозрения. Не менее важно и то, что единичный биографический факт пушкинского пребывания в Крыму имел и до сих пор имеет важное значение для становления и развития художественной и духовной культуры. Пушкин, хотя и не открывает в русской литературе тему Крыма, но задает устойчивую традицию его восприятия сквозь призму культурных и литературных текстов, а для самого Крыма Пушкин давно превратился в мифическую фигуру и смысл жизни для многочисленных краеведов.

Основные источники для реконструкции пребывания Пушкина в Крыму общеизвестны – письмо брату из Кишинева, написанное под непосредственным впечатлением от поездки 24 сентября 1820 г., письмо А.А. Дельвигу из Михайловского, написанное сразу после прочтения им «Путешествия по Тавриде в

1820 г.» И.М. Муравьева-Апостола в середине декабря 1824 г. и, в свою очередь, носящее литературный характер (опубликовано в сборнике «Северные цветы» за 1826 г.), а также двухтомные «Путевые записки по многим российским губерниям» Г.В. Геракова, в которых он упоминает, среди прочего, о своих встречах с семейством Раевских на Кавказе и в Крыму и которые благодаря этому приобретают силу документального факта. Не будем выпускать из виду крымские стихотворения Пушкина, понимая под этим, во многом условном понятии, произведения, написанные как под влиянием непосредственных впечатлений от поездки по Крыму, так и навеянные поздними воспоминаниями и поэтическими ассоциациями.

Тема «Пушкин в Крыму» неоднократно становилась предметом рассмотрения в научной литературе второй половины XIX – начала XX в. Ее разрабатывали А.М. Маркевич, М.Б. Карский, А.Л. Бертье-Делагард, В.Я. Брюсов и целый ряд других исследователей. Их опыт был обобщен и критически оценен в двух книгах, вышедших под одинаковыми заголовками – «Пушкин в Крыму» в 1929 г. и в 1937 г. Первая была выпущена к 130-летию со дня рождения Пушкина, вторая – к 100-летней годовщине со дня смерти поэта, широко отмечаемой в СССР. Эти книги разделяет не только дистанция в семь лет, но и разные подходы к подаче материала – биографический и социологический.

Неизвестно, встречались ли оба авторы лично, но их имена несколько раз сопрягаются на страницах печати и в библиографических описаниях. Так, книги Недзельского и Коцюбинского рекомендуются к использованию для подготовки докладов в юбилейный гибельный год Пушкина в статье М.М. Калаушина «Пушкинские места»: «Обстоятельное описание жизни Пушкина в Крыму, с приведением многочисленных источников, сделано в работе Б.Л. Недзельского “Пушкин в Крыму” (Крымгосиздат, 1929). Автор указанной книги дает подробный обзор имеющейся по этому вопросу литературы, из которой следует выделить книгу А.Л. Бертье-Делагарда “Память о Пушкине в Гурзуфе” (СПб., 1913); автор книги в свое время пересмотрел всю литературу по этому вопросу и исключил из ее числа значительное количество апокрифических сведений. Новейшей сводной работой в этой области, привлекающей новые материалы, является выпускаемая в ближайшее время книга С.Д. Коцюбинского “Пушкин и Крым” (Крымгосиздат)» [1, с. 329–330].

Целью статьи является раскрытие контекста появления книг Б.Л. Недзельского и С.Д. Коцюбинского о Пушкине в Крыму и рассмотрение особенностей подходов к изложению избранной темы у обоих авторов. Специфику этих подходов необходимо учитывать при обращении к трудам Недзельского и Коцюбинского, продолжающих оставаться актуальными для истории крымской пушкинистики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Автор первой книги – Борис Леопольдович Недзельский (1896 – после 1938). Сведения о нем отрывочны. Больше известно о его брате – поэте Евгении Леопольдовиче Недзельском (1894–1961), эвакуировавшемся из Крыма с врангелевскими войсками и работавшим переводчиком, публицистом и литературоведом в Ужгороде и в Праге. Борис Леопольдович предпочел остаться в России. В 1918–1921 гг. он был секретарем Ялтинского литературного общества

имени А.П. Чехова [30, с. 10–11], а в 1922 г. стал его казначеем [2, с. 2]. Как и брат, он писал стихи и выступал с чтениями. Одно из стихотворений Б. Недзельского было напечатано в сборнике «Обвалы сердца» (Севастополь, 1920), в который также вошли стихи М. Калмыковой, Т. Щепкиной-Куперник, В. Баяна, А. Азовского, М. Решоткина, Н. Еленева, О. Мандельштама и Б. Бобовича.

Вероятно, в 1923 г. Недзельский поступил на педагогический факультет Крымского университета. Имея богатый культурный багаж и широкий круг знакомств, Недзельский явно выделялся среди других студентов. Об этом, например, свидетельствует факт его выступления на торжественном заседании памяти Пушкина (125-летней годовщине со дня рождения), состоявшемся 15 июня 1924 г. в Крымском государственном театре.

Программа заседания была следующей: «1) доклад П.И. Новицкого – Пушкин и революция; 2) доклад Е.В. Петухова – Дневник Пушкина; 3) доклад Б.Л. Недзельского – Пушкин и Байрон; 4) доклад А.И. Лескеса – Пушкин в 1824 году. После доклада – большой концерт, в котором примут участие Ю.Г. Каракаш (чтение), Л.И. Муслин (пение), О.Д. Рудакова (пение), Е.Д. Хорват (пение), И.П. Лебединский (чтение), Б.Л. Недзельский (чтение), И.В. Никольский (пение), П.И. Новицкий (чтение)» [4, с. 5]. То, что имя Недзельского стоит с такими важными для крымской истории именами, как Новицкий, Петухов и Лескес, говорит об очень многом, в частности, о его авторитете в среде крымской интеллигенции.

В декабре 1926 г. на заседании литературного объединения пролетарских поэтов и писателей Симферополя (Л. Вайнштейн, С. Помпеев, М. Мушкин, Кусильман, С. Новожилов, Сафонов, М. Дупленко и др.), существовавшем при редакции газеты «Красный Крым», Недзельский сделал доклад на тему «Словарь поэта и образ»: «в начале своего доклада дал определение понятия о художественной литературе, отметив такие отличительные черты, как, например, эмоциональное заражение и наличие элементов действительности и вымысла. Коснувшись вопроса о вдохновении – этого традиционного атрибута поэтического процесса, – докладчик отметил существовавший чрезвычайно неверный взгляд, по которому вдохновение определялось как “наитие свыше”. Для того, чтобы быть поэтом, нужно знать технику своего ремесла. Поэтическое творчество – такое же ремесло, как и все остальное. Вдохновение представляет собой только известную повышенную физиологическую и психическую возбудимость и играет, как указывал еще Пушкин, в геометрии не меньшую роль, чем в поэзии. Переходя к вопросу о слове как основном материале, которым орудует поэт, докладчик в живой и популярной форме остановился на элементах поэтического словаря, иллюстрируя свои положения выдержками из произведений классиков и современных поэтов» [3, с. 3].

Термин «эмоциональное заражение», восходящий к статье Л.Н. Толстого «Что такое искусство?», принадлежит к лексикону приверженцев Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), для которых искусство было одним из средств познания общественной жизни, образно организующим мысли и чувства читателя. Известная мысль Пушкина, что «вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии», часто цитировалась, чтобы подчеркнуть важность и необходимость четкого плана, лежащего в основе всякого сколь-нибудь значимого художественного

произведения, – единого плана, работа над которым требовала упорного и постоянного труда.

Как удалось установить Л.А. Ореховой, дипломное сочинение Недзельского было посвящено теме «Пушкин в Крыму». В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинском доме) сохранился отзыв на дипломную работу Б.Л. Недзельского, подготовленный проф. кафедры русского языка и литературы Крымского пединститута Е.В. Петуховым, который, очевидно, был его научным руководителем. Похвалив Недзельского за «основательную осведомленность» в научной литературе о Пушкине, «особую внимательность» и «критическую зоркость» касательно различных вопросов, связанных с пребыванием Пушкина в Крыму, Петухов называет в качестве недостатка работы «преобладание» «биографического элемента» над историко-литературным [27, с. 170–171]. Сам Петухов был автором нескольких работ о Пушкине – «Два года из жизни А.С. Пушкина: 1824–1826. Пушкин в селе Михайловском» (1899), «Заметки о Пушкине» (1927) и «Крым и русская литература» (1927).

16 апреля 1929 г. на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) был заслушан и обсужден доклад Недзельского «Пушкин в Крыму». В протоколе заседания дается краткое описание доклада и основные акценты, сделанные докладчиком: «дает точные биографические сведения о пребывании Пушкина в Крыму, утверждает, что поездка эта была решена и до ссылки и что Пушкин был знаком с Раевскими раньше, отмечает бледность первых впечатлений Пушкина в Крыму и останавливается на жизни его в Гурзуфе, на связи с поэзией Байрона и дальнейшем путешествии» [31, с. 284]. В обсуждении доклада приняли участие О. Акчокраклы, Н.Л. Эрнст, А.А. Соколов и А.И. Маркевич. В протоколе заседания также записано, что Б.Л. Недзельского избирали членом ТОИАЭ.

6 июня 1929 г. в центральной симферопольской газете «Красный Крым» выходит статья Недзельского «Пушкин и Крым», приуроченная к 130-летию со дня рождения поэта. В ней представлены основные факты и названы произведения, связанные с пребыванием поэта на крымской земле. Что-то, вероятно, в газетной заметке было «выброшено», об этом смотри отклик Недзельского в письме к Е.В. Петухову, приведенный в публикации Л.В. Ореховой [28, с. 219].

Заканчивается статья в духе времени пассажем о влиянии «классовой сущности» Пушкина на его мировосприятие: «Не следует, однако, думать, что Крым в восприятии и изображении Пушкина является реальным Крымом 20-х годов прошлого столетия. Двадцатилетний романтически-настроенный юноша, хотя и удаленный из столицы в наказание за свои вольнолюбивые стихи против самодержавия и крепостного права, но поставленный в благоприятные условия, к тому же переживавший в то время глубокое личное чувство, воспринял крымскую действительность с точки зрения благополучно-чувствительного настроения, вплоть до мечтательно-идиллического восхищения простотой жизни “благословенной Аркадии”. Он не заметил, например, той жестокой житейской драмы, которую в те годы за свои клочки земли, за свое право на свободный труд переживало бедняцкое татарское население. В таком восприятии крымской действительности и сказалась

классовая психология гениального поэта дворянского периода русской литературы» [24, с. 3]. В рамках небольшой газетной статьи такой реверанс в сторону социологической критики был более чем достаточным.

Вместе с тем в опубликованном вскоре отдельной книгой исследовании «Пушкин в Крыму» автор затрагивает социальную тему, вернее, «отсутствие социальных мотивов» в крымских стихотворениях Пушкина, лишь на двух с половиной страницах (с. 73–75), объясняя это особой «психической настроенностью» поэта, а именно его «утаенной любовью», рассмотрению которой он посвящает весь конец своей книги (с. 75–88) [23]. Конечно, такое осознанное игнорирование социальных связей в пределах материальной среды, столь важных для марксистского литературоведения, будет иметь позднее для молодого автора далеко идущие последствия.

С одной стороны, исследование Недзельского написано с позиций биографического метода и опирается только на имеющиеся фактические сведения. Он критически подходит к литературе о пребывании Пушкина в Крыму и разрушает сложившиеся вокруг него легенды. Тем не менее сам автор не удерживается и добавляет в копилку вероятных, но не верифицируемых фактов, ряд своих версий, как, например, посещение Пушкиным Севастополя, оставшееся без упоминания по причине сильного недомогания поэта (с. 45), или ночевки в доме симферопольского губернатора А.Н. Баранова (с. 56) [23].

Важной чертой работы Недзельского является то, что он говорит о важности круга общения на становление молодого литератора во время пребывания в Крыму (семейство Раевских, С.М. Броневской, А.Н. Баранов), что «крымский» месяц Пушкина не был связан с одиночеством и отчужденностью от мира людей, а, напротив, насыщен встречами и общением. Творчество Пушкина тесно связано с его жизненными впечатлениями, является отзвуком этих впечатлений, поэтому Недзельский нередко прибегает к «поэтическим свидетельствам», фактически уравнивая их с биографическими свидетельствами современников.

Рецензий на книгу Недзельского обнаружить не удалось, однако тот факт, что на нее в своих работах опирались известные отечественные пушкинисты – Н.Л. Бродский, Г.О. Винокур и Б.В. Томашевский, говорит о том, что книга была оценена по достоинству.

По окончании Крымского пединститута Б.Л. Недзельский был оставлен на кафедре русской литературы в качестве преподавателя. Ему было поручено вести курс «Русская литература XX века». Он продолжал литературоведческую деятельность и собирал материалы, связанные с пребыванием А.П. Чехова и С.А. Найденова в Крыму [27, с. 171–172]. Единственная опубликованная им статья «Изучение поэтического текста как метод выявления литературных влияний» [25] подверглась резкой критике в журнале «Литература и марксизм» за игнорирование социологизма, впрочем как и статьи его коллег по институту (А.Н. Деревицкого, Е.В. Петухова, П.М. Михайлова) [22].

В мае 1936 г. крымский пушкинский юбилейный комитет включил в план публикаций второе переработанное издание «Пушкина в Крыму» Недзельского. Планировалось, что к сентябрю 1936 г. книга будет доработана, в октябре – сдана в типографию, а в декабре – выпущена в свет [27, с. 174]. Ответственным редактором

издания был назначен П.М. Михайлов, доцент кафедры русского языка и литературы Крымского пединститута, «не чуждавшийся социологизма» и «делавший робкие шаги к классовому понимаю явлений поэтики» [22, с. 108–113]. Осенью 1936 г. Михайлов читал лекции о жизни и творчестве Пушкина в Центральной областной библиотеке Симферополя, а также посвятил пушкинской теме несколько статей самого общего содержания – «Пушкин в Крыму» в журнале «Литература и искусство Крыма» (№2; 1936), «А.С. Пушкин в Крыму» в областной газете «Крымский комсомолец» (№20; 8 февраля 1937) и «Политическая лирика Пушкина» (на крымско-татарском) в газете «Янъы дюнья» (№22; 9 февраля 1937). Доклад Михайлова о творчестве Пушкина, сделанный 19 февраля 1937 г. на общегородском студенческом вечере в Театре рабочей молодежи (ТРАМ) Симферополя, транслировался Крымрадиокомитетом по всему Крыму.

Однако планы второго издания книги Недзельского не осуществились. В конце сентября 1936 г. в центральной газете «Красный Крым» вышла резкая статья под хлестким названием – «Не издавайте Недзельского!». Ее автор – выпускник Крымского пединститута, молодой литературный критик Владимир Семенович Вихров (Зайко, 1910–1978) – обвинил Недзельского в «академическом» пушкиноведении, понимая под этим «крохоборческое, мелочное копание в десятистепенных фактах и фактиках биографии и творчества поэта» [5, с. 3]. Основной упрек заключался в том, что Недзельский подвергал «сомнению основные события и факты биографии великого поэта», а, именно, причины «южной ссылки», которой, как утверждал Недзельский, как таковой не было, а был перевод по службе, на который Пушкин пошел добровольно [23, с. 34].

Возмущает критика большое внимание Недзельского вопросу «утаенной любви»: не о любовных увлечениях поэта надо писать, а о его общественной деятельности и внимании к материальному быту. Крымский период связан с «живым интересом Пушкина к быту крымских татар, занятиями поэтом историей Крыма, увлечением Байроном и революционным поэтом А. Шенье, интересом Пушкина к революционному движению во Франции и Испании, дружбой с Николаем Раевским – будущим декабристом», – все это, по мнению Вихрова, должно лечь в основу книгу о Пушкине в Крыму. В добавок к этому, критик упрекал автора в пренебрежении и недооценке влияния крымской природы на творчество Пушкина, с возмущением цитируя: «Потому что, пушкинский пейзаж всегда в большей или меньшей степени стилизован и обезличен» [5, с. 3].

Такую заметку в центральной крымской газете явно следует понимать как сигнал к «проработке» чуждающегося социологизма доцента. С 1934 г. среди преподавателей Крымского пединститута начались идеологические чистки. Одни были отстранены от работы (Деревицкий, Акчокраклы), другие предпочли перевестись в далекие вузы (Филоненко). Вероятно, и переработанный вариант книги Недзельского не укладывался в нужные рамки и не отвечал крымским политическим реалиям 30-х годов. Осенью 1936 г. Недзельский уехал из Симферополя в Махачкалу, где занял должность заведующего кафедрой литературы Дагестанского педагогического института.

В начале января 1937 г. крымско-татарская газета «Янъы дюнья» (№5; 6 января 1937) информировала о скором выходе книги С.Д. Коцюбинского «Пушкин в Крыму», при этом сообщалось, что книга Недзельского публиковаться не будет, как не соответствующая требованиям. Случайно, а скорее все-таки нет, статья Вихрова «Не издавайте Недзельского!» в «Красном Крыме» была расположена под статьей С.Д. Коцюбинского, информировавшего о находке Алупкинским дворцом-музеем новых материалов о Пушкине [15, с. 3] и также работавшего над книгой о Пушкине в Крыму. Таким образом, название статьи Вихрова может служить косвенным указанием на то, какого именно автора следует издавать в Крымском госиздате.

21 января 1937 г. Недзельский был арестован, а 10 марта 1938 г. осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей [7]. Реабилитирован в 1956 г., однако подробности его судьбы остаются пока неизвестными.

Автором второй книги о Пушкине в Крыму был Сергей Дмитриевич Коцюбинский (1909–1943?). Выпускник литературного отделения Кубанского педагогического института, он с конца 1932 по 1937 г. трудился научным сотрудником Алупкинского дворца-музея. Коцюбинский принимал самое непосредственное участие в историко-археологических и фольклорных экспедициях, проводимых музеем в 1934–1937 гг. (Более подробно о его биографии и трудах см. [19], [20]).

Пушкинская тема играла в экспозиции музея важную роль. И дело не в том, что в Алупкинском дворце-музее был небольшой выставочный отдел «Крым в эпоху романтизма 20–30-х гг. (Пушкин и Мицкевич)», а в том, что сам «дворец-музей, полный воспоминаний о стихах и образах Пушкина, сохраняет особое очарование для туристов, непосредственно вводя их в тонкую художественную обстановку и пестрый круг знаменитых современников поэта» [6, с. 15]. Это написал крупный литературовед и знаток жизни и творчества Пушкина Леонид Петрович Гроссман (1888–1965), работавший в конце 20-х годов временным научным сотрудником в Алупкинском дворце-музее. Гроссман называет Воронцовский дворец «верным памятником Пушкинской эпохи», который особенно ценен «для понимания нашего культурного прошлого “Пушкинская Россия”» [6, с. 15].

В 1935 г. Алупкинский дворец-музей приступил к подготовке юбилейной Пушкинской выставки. Для сбора материалов и выработки научной концепции экспозиции С.Д. Коцюбинский отправился в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде, где познакомился с рядом выдающихся ученых, входящих в Пушкинскую комиссию АН СССР. Среди них – В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский, А.Л. Слонимский, В.А. Мануйлов. С некоторыми из них он находился в переписке. Благодаря помощи сотрудников Пушкинского дома в августе 1935 г. выставка была открыта [8, с. 4]. Также совместно с ИРЛИ Алупкинский дворец-музей прорабатывал маршрут путешествия Пушкина по Крыму и югу России и подбирал изо-материалы по этой теме.

Большой удачей для музея стала находка в ноябре 1935 г. Коцюбинским у симферопольского счетовода Николая Григорьевича Ушакова остатков семейного архива, в котором хранился ряд биографических материалов, связанных с Пушкиным. Архив был выкуплен музеем, а о находке Коцюбинский сделал ряд сообщений в крымской печати [14], [15], [16], затем последовала академическая публикация [16].

Новые документы и изо-материалы существенно расширили Пушкинскую выставку, вновь открытую в сентябре 1936 г. Представление о том, что включала в себя выставка и как она выглядела, можно в настоящее время составить только по газетным публикациям. Концепция выставки подробном описана в статье Коцюбинского «Пушкинская выставка Алупкинского дворца-музея». Выставка состояла из десяти разделов – первые четыре раскрывали отношение Пушкина, Александра I и царского окружения до ссылки, пятый был посвящен крымскому периоду ссылки, шестой – пребыванию Пушкина в Кишиневе, седьмой – связям Пушкина с декабристами и отношениям с кн. М.С. Воронцовым, восьмой – «Ссылка и Михайловское», девятый – «Пушкин и николаевское правление» и десятый – «Дуэль и смерть» [10, с. 4].

Собранные Коцюбинским материалы легли в основу книги о пребывании Пушкина в Крыму. В книге «Пушкин и Крым» приведена фотография, дающая визуальное представление об организации выставки. Отдельные главы из книги печатались в ялтинской газете «Всесоюзная здравница» в сентябре-октябре 1936 г. [11], [12], [13]. В конце октября 1936 г. книга была сдана в печать и опубликована в начале февраля 1937 г. О сдаче книги в печать и о ее выходе сообщали центральные рупоры власти – «Правда» (29 октября 1936. № 299. С. 6), «Известия» (04 февраля 1937. № 31. С. 3), «Красный Крым» (04 февраля 1937. № 28. С. 2). Небольшие отклики на выход книги, носящие общеинформационный характер, появились в ялтинской газете «Всесоюзная здравница» (16 мая 1937. № 113. С. 6) и в информационно-библиографическом журнале «Книжные новости» (1937. № 6. С. 57).

Книга Коцюбинского имела научно-популярный характер. От других исследований на данную тему (А.И. Маркевича, В.Я. Брюсова, Б.Л. Недзельского и др.) ее отличала живость и образность языка, широкое привлечение фольклорного материала, поэтических текстов, старинных литографий и картин. Выбранная манера подачи материала дала возможность читателю познакомиться с крымским периодом в жизни Пушкина в увлекательной и одновременно простой общедоступной форме. В приложении к основной части приведены библиография работ по вопросу пребывания поэта в Крыму и тексты крымских стихотворений Пушкина.

Среди иллюстраций, украшающих книгу, репродуцированы и три акварели академика живописи Н.С. Самокиша, написанные в 1935–1936 гг. специально по заказу Алупкинского дворца-музея для Пушкинской выставки, – «Пушкин среди татар в Гурзуфе», «Пушкин в Алупке» и «Пушкин и князь Воронцов» [21]. Отметим, что подобранный к Пушкинской выставке богатый иллюстративный материал позже должен был стать основой для отдельной выставки. Так, директор дворца-музея А.Е. Сайкин в апреле 1941 г. планировал «на лестнице, ведущей в библиотеку, организовать выставку живописного и гравюрного материала, связанного с памятью А.С. Пушкина и воспроизводящего его переезд из Гурзуфа в Бахчисарай через Алупку, Симеиз, Шайтан-Мердвень» [29, с. 4].

Тираж книги «Пушкин в Крыму», учитывая большую посещаемость Алупкинского дворца-музея (а в середине 30-х гг. она составляла свыше 100 000 человек в год), был незначительным – всего 15000 экземпляров, причем на 10000

экземпляров был получен заказ из Москвы. С учетом чисто символической цены книги – 30 коп, можно предположить, что книга была раскуплена практически сразу после выхода в свет. Хотя ее могла постичь и другая, более печальная судьба, поскольку директора дворца-музея Яна Петровича Бирзгала (1898–1968), входившего в Пушкинский юбилейный комитет при ЦИК Крымской АССР и выступившего редактором книги, в январе 1938 г. арестовали и полтора года содержали под следствием. Сам Бирзгал 10 февраля 1937 г. выступил с докладом о творчестве и жизни поэта в Центральном клубе им. Ленина в Алупке, а научные сотрудники музея провели во всех ближайших колхозах беседы и собрания, посвященные памяти Пушкина.

Вполне понятно, что на книге молодого С.Д. Коцюбинского лежала жесткая печать времени. Так, в духе эпохи создания единой «социалистической по содержанию культуры», Коцюбинский пишет, что «для нас Пушкин является как бы синонимом того лучшего, что создала вся прежняя культура» и, как учил Ленин, «мы не сможем создать даже фундамента своей культуры, если не усвоим себе всей старой культуры и коммунистически в ней не разберемся» [10, с. 4].

С позиции социологического подхода литература представляет одну из форм общественного сознания, поэтому художественное произведение в обязательном порядке рассматривается на фоне общественной жизни, изучается также его воздействие на социальные явления.

Коцюбинского привлекают вопросы политической биографии, обстоятельства, ставшие причиной южной ссылки, отношение к поэту царской власти, место крымского путешествия в идейно-творческой эволюции Пушкина. Раскрывая историческое значение Пушкина, Коцюбинский стремится показать его место в современности и раскрыть роль его творчества в строительстве социалистической культуры.

Возражая «унылому выводу» А.Л. Бертье-Делагарда о том, что память о поэте в Гурзуфе нигде и ни в чем не сохранилась, Коцюбинский называет источником памяти о Пушкине «фольклор, устное творчество татарского крестьянства» и указывает на татарскую легенду о поэте и соловье, воспетую Н.А. Некрасовым в поэме «Русские женщины», и татарские предания, записанные А.А. Караваевой в 1927 г. в Крыму. Сам он признает, что предания эти, «наивные и непосредственные», лишены исторической достоверности. Но для Коцюбинского важен сам факт живой памяти о Пушкине у татар, подтверждение которой он находит и в постановлении гурзуфских татар-колхозников об организации музея имени Пушкина в доме Ришелье [17, с. 38–46].

Такой акцент на татарах представляется значимым. Политика коренизации (татаризации), проводимая с 20-х годов в Крыму, была направлена на формирование новой национальной элиты. В начале 30-х годов процесс коренизации получил новое осмысление в контексте курса на создание общей социалистической культуры, о котором объявил Сталин на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. В планах научной и просветительской работы Алупкинского дворца-музея был целый ряд мероприятий, связанных с процессом коренизации: это и воспитательная работа с татарами-колхозниками, и создание исторического отдела, где «на общедоступных экспонатах

показана царская национальная политика в Крыму, политика угнетения татарского народа и наша, ленинская политика, впервые открывающая широкие возможности для строительства культуры – национальной по форме, социалистической по содержанию» [17, с. 96], и сбор южнобережного фольклора при поддержке заведующего отдела культуры и пропаганды Крымского обкома Б.С. Ольхового (были опубликованы два фольклорных сборника – «Сказки и легенды татар Крыма» (1936) и «Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахае» (1937), вступительные статьи к которым написал С.Д. Коцюбинский) и многое другое [20]. Отметим также, что к 100-летней годовщине смерти Пушкина Крымгосиздат планировал издание произведений поэта на татарском языке, финансирование которых гарантировал председатель КрымЦИКа И.У. Тархан [26].

Судьба Пушкина в изображении Коцюбинского оказывается тесно связанной с исторической судьбой крымских татар. У Пушкина и татарского крестьянства оказался общий враг – царское правительство и великодержавные колонизаторы. Напротив, как отмечает Коцюбинский, Пушкин говорит о татарах с чувством глубокого уважения, интересуется их культурой и фольклором, чем заслужил долгую память среди крымских татар «как милого, шаловливого и доброго человека и поэта» [17, с. 45].

ВЫВОДЫ

Книги Б.Л. Недзельского и С.Д. Коцюбинского о Пушкине в Крыму убедительно показывают сильные стороны и ограниченность применения одностороннего подхода к художественному творчеству будь то биографического или социологического методов.

Биографический метод, примененный Недзельским, справедливо рассматривает автора как живого человека с уникальной биографией, оказывающей влияние на творение. Однако при этом не делается различия между автором биографическим и автором художественным, а художественное произведение из объекта исследования становится лишь средством познания субъекта, его создавшего. Подчиненный характер художественное творчество имеет и при использовании социологического метода у Коцюбинского, рассматривающего его как продукт всей социальной жизни автора. При этом мировидение автора ограничено социально-идеологическим контекстом его исторического времени. Эстетика поэтических текстов Пушкина для обоих исследователей оказалась не столь существенной, за ними они искали жизненной или социальной реальности.

Список литературы

1. А. Пушкин: 1837–1937. Памятка: статьи и материалы для доклада. – М.: Гослитиздат, 1937. – 340 с.
2. В ялтинском комитете А.П. Чехова // Красный Крым. – Симферополь. – 27 июля 1922. – №165(495). – С. 2.
3. В<айнштей>н, Л. В литературном объединении / Л. Вайнштейн // Красный Крым. – Симферополь. – 19 декабря 1926. – №294(1811). – С. 3.
4. Вечер памяти А.С. Пушкина // Красный Крым. – Симферополь. – 15 июня 1924. – №136. – С. 5.

5. Вихров, В. Не издавайте Недзельского! / В. Вихров // Красный Крым. – Симферополь. – 24 сентября 1936. – №222. – С. 3.
6. Гроссман, Л. Алупкинский дворец-музей. Очерк / Л. Гроссман // Красная Нива. – 1927. – №27. – С. 14–15.
7. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.memo.ru/person/show/164295. – (Дата обращения: 10.09.2019).
8. К-ко, И. Пушкин в Крыму. Выставка в Алупкинском музее / И. К-ко // Крымский комсомолец. – Симферополь. – 28 августа 1935. – №169(573). – С. 4.
9. Коцюбинский, С. По историческим учреждениям. Историко-бытовой музей в Алупке / С. Коцюбинский // Борьба классов. – 1934. – №9. – С. 96.
10. Коцюбинский, С.Д. Пушкинская выставка Алупкинского дворца-музея / С.Д. Коцюбинский // Всесоюзная здравница. – Ялта. – 6 сентября 1936. – № 29. – С. 4.
11. Коцюбинский, С.Д. Приезд Пушкина в Гурзуф / С.Д. Коцюбинский // Всесоюзная здравница. – Ялта. – 23 сентября 1936. – №43. – С. 4.
12. Коцюбинский, С.Д. Жизнь Пушкина в Гурзуфе / С.Д. Коцюбинский // Всесоюзная здравница. – Ялта. – 26 сентября 1936. – №45. – С. 4.
13. Коцюбинский, С.Д. Поездка Пушкина по Южному берегу Крыма / С.Д. Коцюбинский // Всесоюзная здравница. – Ялта. – 20 октября 1936. – №50. – С. 4.
14. Коцюбинский, С.Д. Новые документы об А.С. Пушкине / С.Д. Коцюбинский // Всесоюзная здравница. – Ялта. – 8 августа 1936. – №3. – С. 5.
15. Коцюбинский, С.Д. Находка Алупкинского дворца-музея / С.Д. Коцюбинский // Красный Крым. – Симферополь. – 24 сентября 1936. – №222. – С. 3.
16. Коцюбинский, С.Д. Новые данные к творческой биографии А.С. Пушкина. По материалам Ушаковского архива Алупкинского дворца-музея / С.Д. Коцюбинский // Литература и искусство Крыма. – 1936. – №2. – С. 119–128.
17. Коцюбинский, С.Д. Пушкин в Крыму / С.Д. Коцюбинский; под. ред. Я.П. Бирзгала. – Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1937. – 121 с.
18. Коцюбинский, С.Д. Пушкин по документам архива Ушаковых / С.Д. Коцюбинский // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. С.Д. Балухатого, Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. – Л.–М., 1938. – Т. I. – С. 222–229.
19. Коцюбинский, С.Д. Работы по французской литературе XVII века / С.Д. Коцюбинский; вступ. ст., сост. и прим. К.Ю. Кашлявик, З.И. Кирнозе, А.Е. Лобков. – Нижний Новгород: Радонеж, 2018. – 217 с.
20. Коцюбинский, С.Д. Избранные работы о Пушкине и крымском фольклоре. Дневниковые записи разных лет / С.Д. Коцюбинский; вступ. ст., сост. и прим. К.Ю. Кашлявик, З.И. Кирнозе, А.Е. Лобков. – Нижний Новгород: Радонеж, 2019. – 291 с.
21. Лобков, А.Е. Крымский период творчества Н.С. Самокиша: история сотрудничества художника с Алупкинским дворцом-музеем / А.Е. Лобков // Причерноморье. История, политика, культура. Научный журнал (сетевое издание). №XXVIII (XIII). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы XIV Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения». – М.– Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – С. 29–46.
22. Н.Б. Реакция в литературоведении / Н.Б. // Литература и марксизм. – 1931. – Кн. 1. – С. 108–117.
23. Недзельский, Б. Пушкин в Крыму / Б. Недзельский. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – 90 с.
24. Недзельский, Б.Л. Пушкин и Крым (К 130-летию со дня рождения поэта: 1799–1929) / Б.Л. Недзельский // Красный Крым. – Симферополь. – 6 июня 1929. – № 125. – С. 3.

25. Недзельский, Б.Л. Изучение поэтического текста как метод выявления литературных влияний / Б.Л. Недзельский // Известия Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе / Отв. ред. Г.П. Вейсберг. – Симферополь: издание КПИ, 1930. – Т. III. – С. 116–132.
26. Орехова, Л.А. Крым, 1936 год: подготовка к столетию со дня смерти А.С. Пушкина / Л.А. Орехова // Наследие А.С. Пушкина в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции. – Псков: Псковский государственный университет, 2016. – С. 62–75.
27. Орехова, Л.А. «Пушкин в Крыму» Б.Л. Недзельского: к истории книги / Л.А. Орехова // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. ИРЛИ (Пушкинский Дом) / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. – СПб.: Пальмира, 2017. – С. 170–177.
28. Орехова, Л.А. Из истории крымской пушкинистики: 1937 год / Л.А. Орехова // Болдинские чтения 2018. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 217–226.
29. Сайкин, А.Е. В Алупкинском дворце-музее / А.Е. Сайкин // Красный Крым. – Симферополь. – 13 апреля 1941. – №87. – С. 4.
30. Филимонов, С.Б. Запретно-забытые страницы истории Крыма: поиски и находки историка-источниковеда / С.Б. Филимонов. – Симферополь: Н. Оріанда, 2012. – 210 с.
31. Филимонов, С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) / С.Б. Филимонов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. – 316 с.

References

1. *A. Pushkin: 1837–1937. Pamjatka: Stat'i i Materialy dlja Doklada* [A. Pushkin: 1837–1937. Collection of Articles and Materials for Presentations]. Moscow: Goslitizdat, 1937. 340 p.
2. *V Jaltinskom Komitete A.P. Chekhova* [In the Yalta Chekhov Committee]. *Krasnyj Krym* (Simferopol'), 27.07.1922, no 165(495), p. 2.
3. V<ajnshtej>n L. *V Literaturnom Objedinenii* [In the Writers Association]. *Krasnyj Krym* (Simferopol'), 19.12.1926, no. 294(1811), p. 3.
4. *Vecher Pamjati A.S. Pushkina* [A.S. Pushkin Memorial Evening]. *Krasnyj Krym* (Simferopol'), 15.06.1924, no 136, p. 5.
5. Vihrov V. *Ne Izdavajte Nedzel'skogo!* [Don't Publish Nedzelsky!]. *Krasnyj Krym* (Simferopol'), 24.09.1936, no 222, p. 3.
6. Grossman L. *Alupkinskij Dvorec-Muzej* [Alupka Palace-Museum]. *Krasnaja Niva*, 1927, no 27, pp. 14–15.
7. *Zhertvy Politicheskogo Terrora v SSSR* [Victims of Political Terror in the USSR]. Available at: https://base.memo.ru/person/show/164295. (accessed 10 September 2019).
8. K-ko I. *Pushkin v Krymu. Vystavka v Alupkinskom Muzee* [Pushkin in the Crimea. Exhibition in the Alupka Museum]. *Krymskij Komsomolec* (Simferopol'), 28.08.1935, no 169 (573), p. 4.
9. Kotsyubinsky S. *Po Istoricheskim Uchrezhdenijam. Istoriko-Bytovoj Muzej v Alupke* [About Historical Institutions. Historical and Everyday-Life Museum in Alupka]. *Bor'ba Klassov*, 1934, no 9, p. 96.
10. Kotsyubinsky S.D. *Pushkinskaja Vystavka Alupkinskogo Dvorca-Muzeja* [Pushkin Exhibition in the Alupka Palace-Museum]. *Vsesojuznaja Zdravnica* (Jalta), 6.09.1936, no 29, p. 4.
11. Kotsyubinsky S.D. *Priezd Pushkina v Gurzuf* [Pushkin's Arrival in Gurzuf]. *Vsesojuznaja Zdravnica* (Jalta), 23.09.1936, no 43, p. 4.
12. Kotsyubinsky S.D. *Zhizn' Pushkina v Gurzufe* [Pushkin's Stay in Gurzuf]. *Vsesojuznaja Zdravnica* (Jalta), 26.09.1936, no 45, p. 4.

13. Kotsyubinsky S.D. *Poezdka Pushkina po Juzhnomu Beregu Kryma* [Pushkin's Trip along the Southern Coast of the Crimea]. *Vsesojuznaja Zdravnica* (Jalta), 20.10.1936, no 50, p. 4.
14. Kotsyubinsky S.D. *Novye Dokumenty ob A.S. Pushkine* [New Documents about A. Pushkin]. *Vsesojuznaja Zdravnica* (Jalta), 8.08.1936, no 3, p. 5.
15. Kotsyubinsky S.D. *Nahodka Alupkinskogo Dvorca-Muzeja* [Discovery of the Alupka Palace-Museum]. *Krasnyj Krym* (Simferopol'), 24.09.1936, no 222, p. 3.
16. Kotsyubinsky S.D. *Novye Dannye k Tvorcheskoj Biografii A.S. Pushkina. Po Materialam Ushakovskogo Arhiva Alupkinskogo Dvorca-Muzeja* [New Facts Regarding the Creative Biography of A. Pushkin. Based on the Materials of the Ushakov's Archive of the Alupka Palace-Museum]. *Literatura i Iskusstvo Kryma*, 1936, no 2, pp. 119–128.
17. Kotsyubinsky S.D. *Pushkin v Krymu* [Pushkin in the Crimea], ed by Ja.P. Birzgal. Simferopol': Gosizdat Krym. ASSR, 1937. 121 p.
18. Kotsyubinsky S.D. *Pushkin po Dokumentam Arhiva Ushakovyh* [Pushkin According to the Documents in the Ushakov's Papers]. *Literaturnyj Arhiv: Materialy po Istorii Literatury i Obshhestvennogo Dvizhenija*. Leningrad, Moskow, 1938. Vol. I. Pp. 222–229.
19. Kotsyubinsky S.D. *Raboty po Francuzskoj Literature XVII Veka* [Works on French Literature of the 17th Century], ed. with intr., notes by K.Ju. Kashljavik, Z.I. Kirnoze, A.E. Lobkov. Nizhnij Novgorod: Radonezh Publ., 2018. 217 p.
20. Kotsyubinsky S.D. *Izbrannye Raboty o Pushkine i Krymskom Fol'klore. Dnevnikovye Zapisi Raznyh Let* [Selected Works on Pushkin and the Crimean Folklore. Diary Entries for Various Years], ed. with intr., notes by K.Ju. Kashljavik, Z.I. Kirnoze, A.E. Lobkov. Nizhnij Novgorod: Radonezh Publ., 2019. 291 p.
21. Lobkov A.E. *Krymskij Period Tvorchestva N.S. Samokisha: Istorija Sotrudnichestva Hudozhnika s Alupkinskim Dvorcom-Muzeem* [Crimean Period in the Work of Nikolay Samokish: History of Painter's Collaboration with the Alupka Palace-Museum]. *Prichernomor'e. Istorija, Politika, Kul'tura. Nauchnyj Zhurnal (Setevoe Izdanie). No XXVIII (XIII). Serija B. Novaja i Novejshaja Istorija*. Moskau, Sevastopol': Filial MGU v g. Sevastopole, 2019. Pp. 29–46.
22. N.B. *Reakcija v Literaturovedenii* [Reaction in Literary Studies]. *Literatura i Marksizm,* 1931, no. 1, pp. 108–117.
23. Nedzelsky B. *Pushkin v Krymu* [Pushkin in the Crimea]. Simferopol': Krymgosizdat, 1929. 90 p.
24. Nedzelsky B.L. *Pushkin i Krym (K 130-letiju so Dnja Rozhdenija Pojeta: 1799–1929)* [Pushkin in the Crimea. On the 130th anniversary of Pushkin's Birth*:* 1799–1929]. *Krasnyj Krym* (Simferopol'), 6.06.1929, no 125, p. 3.
25. Nedzelsky B.L. *Izuchenie Pojeticheskogo Teksta kak Metod Vyjavlenija Literaturnyh Vlijanij* [Study of Poetic Texts as a Method to Identify Literary Influences]. *Izvestija Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M.V. Frunze*. Simferopol': KPI Publ., 1930. Vol. III. Pp. 116–132.
26. Orekhova L.A. *Krym, 1936 God: Podgotovka k Stoletiju so Dnja Smerti A.S. Pushkina* [The Crimeaa, 1936: Preparations for the Centenary of Alexander Pushkin's Death]. *Nasledie A.S. Pushkina v Sovremennom Mire. Materialy Mezhdunarodnoj Nauchno-Prakticheskoj Konferencii*. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2016. Pp. 62–75.
27. Orekhova L.A. *«Pushkin v Krymu» B.L. Nedzel'skogo: k Istorii Knigi* ("Pushkin in the Crimea" by B.L. Nedzelsky: To the History of the Book]. *Pushkin i Drugie (Dvadcat' Let Spustja): Sbornik Statej k 80-letiju Sergeja Aleksandrovicha Fomicheva*. St. Petersburg: Pal'mira Publ., 2017. Pp. 170–177.
28. Orekhova L.A. *Iz Istorii Krymskoj Pushkinistiki: 1937 God* [From the History of Pushkin Studies in the Crimea: 1937]. *Boldinskie Chtenija 2018*. Nizhnij Novgorod: NNGU Publ., 2018. Pp. 217–226.
29. Sajkin A.E. *V Alupkinskom Dvorce-Muzee* [In in the Alupka Palace-Museum]. *Krasnyj Krym* (Simferopol'), 13.04.1941, no 87, p. 4.

30. Filimonov S.B. *Zapretno-Zabytye Stranicy Istorii Kryma: Poiski i Nahodki Istorika-Istochnikoveda* [Forbidden and forgotten Pages of the Crimean History: Searches and Discoveries of the Historical Researcher]. Simferopol': N. Orianda Publ., 2012. 210 p.
31. Filimonov S.B. *Hraniteli Istoricheskoj Pamjati Kryma: O Nasledii Tavricheskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii i Tavricheskogo Obshhestva Istorii, Arheologii i Etnografii (1887–1931 gg.)* [The Keepers of the Historical Memory of the Crimea. On the Legacy of the Taurida Academic Archival Committee and the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography (1887–1931)]. Simferopol': ChernomorPRESS, 2004. 316 p.

TO THE HISTORY OF PUSHKIN STUDIES IN THE CRIMEA IN THE 1920S AND 1930S

Lobkov A.E.

The article traces the history of two books about Pushkin's stay in the Crimea written by Boris Nedzelsky and Sergei Kotsyubinsky and published in 1929 and 1937 in Simferopol. Each of the books has different approach to the presentation of material. Moreover, the methodological preferences of the authors are largely due to the historical context of the time when both books were written. Nedzelsky's work is written in accordance with the biographical method. The author relies only on available factual information and critically assesses the literature on Pushkin's stay in the Crimea, destroying the legends that have sprung up around him. However, Nedzelsky himself does not hold back and adds a number of his own versions to the collection of possible, but not verifiable facts. Kotsyubinsky's book is written from the perspective of a sociological approach. Kotsyubinsky takes an interest in questions of political biography and of the circumstances that caused Pushkin's southern exile, the tsar's power attitude toward the poet, the place of the Crimean journey in Pushkin's ideological and creative evolution. By revealing the historical significance of Pushkin, Kotsyubinsky seeks to show his place in the present and to reveal the role and importance of his work in the construction of socialist culture. The aesthetic nature of Pushkin's poetic texts was not very significant for both researchers, and they were looking for life or social reality behind them.

Key words: Pushkin in the Crimea, S.D. Kotsyubinsky, B.L. Nedzelsky, biographical method, sociological approach, Alupka Palace-Museum, Crimean Pedagogical Institute

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 62–70.

УДК 82-14

ЯЗЫК ЦВЕТОВ: ЛАВР В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Ненарокова М. Р.

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия
mail: maria311@inbox.ru

Статья посвящена лавру как элементу языка цветов, культурного феномена XVIII-XIX веков. Объектом изучения стали французские, немецкие, английские, американские словари языка цветов и стихотворения русских поэтов эпохи романтизма, в которых встречается слово «лавр». Предметом изучения стал комплекс значений, которые придаются лавру в русской поэзии эпохи романтизма. Автор поставил себе цель описать значения слова «лавр» и проследить развитие новых значений, определяющихся контекстом. Исследование показало, что лавр представляет собой одно из частотных «слов» как европейского, так и русского языка цветов. Это растение упоминается в художественной литературе со времен античности. Укорененность в античной мифологии и культуре определила пути развития значений, которые придавались лавру в текстах различных жанров. Первоначальный комплекс значений, приписывавшихся лавру, сложился с учетом всех европейских традиций. Основным значением лавра в русском языке цветов, как и в его европейских вариантах, стало значение «слава». С течением времени это значение получило дальнейшее развитие: «военная слава» и «слава поэта». Лавр становится символом не только «вечной славы», но и вечности. Контекстными значениями, которые приобретает лавр в сочетании с другими растениями, являются «вечность», «любовь», «победа над смертью».

Ключевые слова: романтизм, русская поэзия, язык цветов, словарь, лавр

ВВЕДЕНИЕ

Изучение языка цветов началось сравнительно недавно, хотя этот феномен европейской и русской культуры известен с начала XIX в. Интерес к языку цветов пробудился в последнее десятилетие XX в., когда в Европе и США стали выходить красиво оформленные, богато иллюстрированные книги, рассказывающие о значениях цветов. Одной из первых книг, привлекших к языку цветов внимание не только читателей, но и исследователей, стала работа И. Фрэн «Гирлянда Жюли» (1991) [3], представляющая собой не только альбом, в котором собраны картины европейских мастеров XVII в., но и публикацию редкого литературного памятника этого же времени – сборника стихотворений, посвященных цветам, а также академической статьи и примечаний. Среди англоязычных изданий, посвященных этой теме, стоит упомянуть книгу Дж. А. Лафер «Говорящие букеты» (1993) [8], адресованную современным флористам. Значительную часть книги занимает статья Дж. А. Лафер о бытовании языка цветов в Викторианскую эпоху. Научное изучение языка цветов начинается в 1995 г., с публикации монографии Б. Ситон «Язык цветов. История» (1995) [9]. Исследовательница затронула проблемы возникновения этого явления в наполеоновской Франции и распространения его на Британские острова и далее в США., проанализировала и сделала сводную таблицу пяти ранних словарей языка цветов, однако она не ставила себе задачей изучить распространение языка цветов на восток – в Германию, славянские страны, Россию. Тем не менее, книга

Б. Ситон вызвала интерес к языку цветов у филологов, искусствоведов, культурологов разных стран. Первым российским исследователем, обратившимся к этой теме, стала К.И.Шарафадина. Ее книги и статьи рассказывают о языке цветов в русской поэзии Золотого века и – шире – всего XIX столетия [38, 39]. С 2003 г., когда вышла первая книга К.И.Шарафадиной, по нынешнее время диапазон отечественных исследований, посвященных языку цветов, значительно расширился: появились работы о языке цветов во французской литературе XIX в. [16], в прозе русских писателей XIX в. [14, 35], в русской поэзии Серебряного века [23].

Обращение к самим словарям языка цветов, издававшимся с 1810-ых по 1910-ые годы, позволяет выявить направление исследования, которое можно охарактеризовать как мультидисциплинарное. Создатели языка цветов смотрели на него не как на салонную игру, а как на систему знаков, обеспечивающую обмен информацией в области человеческих чувств. Недаром они часто сравнивали их с египетскими и китайскими иероглифами: «Цветочный сад можно сравнить с панорамой иероглифов, являющей не жалкую мирскую мудрость смертных, записанную мертвыми буквами, но изречения бессмертной философии, выраженные в живых формах со всеми особенностями их различий» [11, p. 23]. Отдельные растения рассматривались составителями словарей языка цветов как слова, поэтому многозначность таких «слов» принималась как должное: «Там, где авторитетные источники давали разные значения, мы тщательно отыскивали наиболее правильное; и в некоторых случаях, когда оба казались равно хороши, приведены два значения» [5, p. 6]. Как кажется, в исследовании языка цветов необходимо использовать не только возможности литературоведческих исследований, к которым ученые обращаются по уже сложившейся традиции, но к методам семиотики и лингвистических дисциплин, в частности, семантики, лексикологии, лексикографии. Данная статья посвящена исследованию значений, которые существительное «лавр» имеет в европейских и русском вариантах языка цветов – как в словарях, так и в художественной литературе, в основном в поэзии эпохи романтизма.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Лавр относится к наиболее древним «иероглифам» языка цветов, к античному ядру. Значения, накопленные лавром к концу XVIII в., были довольно многообразны: «Лавр вообще приемлется знаком победы. Лавровая ветвь в руке значит одоление, завоевание, торжество. Лавровый венец на главе поставляется наградою за храбрость, мужественные подвиги, добродетель и бессмертие» [7, с. XL]. Известно, что «в лавровых венцах» [7, с. XL] изображались Аполлон, бог света и покровитель искусств, в том числе поэзии, прославленные правители, полководцы, поэты.

Во французских словарях языка цветов в течение долгого времени лавр означал «победу» и «славу» [2, p. 151], с середины столетия к этим значениям прибавилось значение «талант» [6, pp. 44–45]. В английской традиция языка цветов сохраняется значение «слава», но прибавляется значение «честолюбие» [10, p. 12]. В американский вариант языка цветов попадают английские «слава» и «честолюбие», но обнаруживаем новое значение, выраженное коротким предложением: «Добродетель очаровательна» [4, p. 255].

Наиболее развитая система значений лавра образовалась в немецком языке цветов, который был тесно связан с традицией барочной эмблемы. В самых ранних немецких словарях языка цветов значения лавра разделялись на три группы. К первой группе относились «победа» и «слава» [12, p. 81], к которым позже прибавились «неизменяемость» и «вечность» [1, p. 527]. Вторая группа объединяла значения с общим смыслом «увенчание поэта» [12, p. 91]. Третья группа значений образовалась благодаря тому, что лавр рассматривался как «символ милости, благосклонности и достоинства» [12, p. 92]. Русская традиция языка цветов сложилась позже, чем европейские, и восприняла их достижения равно.

Лавр часто упоминается в русской поэзии эпохи романтизма, причем основным его значением является «слава» - слава поэта и слава воина. Как уже говорилось выше, Аполлон как покровитель искусств, а также поэзии, изображался в лавровом венке. Такой же венок могла носить и муза: «Восходом утра пробужденный,/Я поднял очи: надо мной,/ Склоняясь главою вдохновенной,/ Венком лавровым осененной,/ Стояла дева…» (М. Д. Деларю, «Муза») [17, с. 505]. Лавр становится синонимом поэзии. Так, в стихотворении Е.Ф.Розена «Видение Тасса» великий итальянский поэт говорит о себе: «…за лавр святой/ Я демону искусства продал душу…» [28, с. 559], где лавр символизирует талант к стихотворству. Лавровым венком награждают самого лучшего из поэтов. Ф. А. Туманский, познакомившись с А.С.Пушкиным, когда тот был в южной ссылке, в стихотворении «Пушкин» создал аллегорическую картину жизни великого русского поэта: «Он пел в степях, под игом скуки/ Влача свой страннический век, – /И на пленительные звуки/ Стекались нимфы чуждых рек. / Внимая песнопеньям славным, / Пришельца в лавры облекли…» [34, с. 307]. «Облечение в лавры», увенчание лавровым венком, становится в этом стихотворении символом безоговорочного признания таланта поэта. Лавровый венок даруется поэту не только за мелодичность стиха и отточенность поэтической формы. Не менее важно и содержание его произведений: «Нет! не заблещет лавр бессмертный на челе / Рабов общественного мненья, / Привыкших истину вещать – без убежденья, / Неправду и порок щадящих на земле» (В. И. Туманский, «К кн. Н. А. Цертелеву») [32, с. 262]. Однако не только лавровый венок может быть наградой поэту. Признание друзей может выразиться и в букете простых полевых цветов, которые вполне заменяют лавры в обществе близких по духу людей: «А я букет цветочков скромный/ Наместо лавровых венков / Творцу элегий посвящаю» (Н. М. Коншин «Боратынскому») [21, с. 350].

Воинская слава также отмечена лаврами. В поэзии начала XIX в. встречаем «витязя, лаврами венчанного» [28, с. 285], «венчанных лаврами героев» [25, с. 180]. Поэт Н. Анненков так изображает чествование героя: «Вот пышны торжества для храброго готовы! / Вот девы юные плетут венки Лавровы, / И подвиги его поет сам Аполлон! / Уж слава, воспарив над юною главою, / Трубит дела его – дивится свет герою!..» [13, с. 426]. Согласно поэту В. С. Филимонову, эта традиция уходит своими корнями в эпоху античности: «…в Капитолии торжествовал Камилл, / В лавроволиственной короне…» [37, с. 142]. Здесь имеется в виду Марк Фурий Камилл, римский полководец, спасший Италию от варваров в 387 г. до н. э. Образ жизни воина

иногда сочетается с талантом поэта: «Я жил, как рыцарь и певец, / Награды сладкой ожидая, / И вот лавровый мне венец / Сплела красавица младая» [19, с. 19].

Монарх тоже увенчивается лаврами. Аноним, написавший «Стихи Его Императорскому Величеству на всерадостнейший день рождения», изображает императора Александра I в лавровом венке по причине военных побед России: «МОНАРХ! победа пред ТОБОЮ, / Победа вслед ТЕБЕ парит; / О Славе дел ТВОИХ трубою, / Где ТЫ ни ступишь, говорит! / Едва ТЫ в мирный град явился – / И новым лавром осенился!» [29, с. 71].

Для поэтов и воинов слава не оканчивается с их смертью. Лавр как символ «вечной славы» украшает их могилы и напоминает о них потомкам. Поэт, скрывший свое имя под литерой «Н», опубликовал сокращенный перевод оды Ж.-Ж. Лефран де Помпиньяна «На смерть Жан-Батиста Руссо», в котором читаем: «Так, над гробницею Марона, / Как над любимцем Аполлона, / Лавр вечно-юный стелет тень» [23, с. 7]. И сам поэт может предчувствовать свою славу в веках. В своем стихотворении «На кончину М. В. Милонова» В. И. Панаев обращается к своему другу и собрату-поэту: «Так! встретить смерть всегда готовый, / Предвидя близкий свой конец, / Ты знал, что прорастет лавровый / Сквозь крышку гроба твой венец…» [26, с. 285]. Такая же вечная слава ожидает героев, павших за родину: «Отчизны глас зовет – и воин восхищенный/ От милой в битву уж кровавую летит, / И первенцу она лишь лавром осененный/ С слезой укажет холм, где прах отца сокрыт!» [31, с. 422–423].

Слава ожидает не только человека, но и страну. В стихотворении В. Жуковского «Могущество, слава и благоденствие России» «На троне светлом, лучезарном» [18, с.1] видим персонификацию страны, царственную женщину: «Венец лавровый осеняет/ Ее высокое чело» [18, с.1].

Приведенные примеры показывают, что значение «слава» в русском языке цветов является для лавра основным и реализуется в различных контекстах, обретая добавочные оттенки значения.

В использовании лавра как символа стран, где он растет, проявляется связь поэзии эпохи романтизма с барочной эмблематической традицией. Так, лавр упоминается в описаниях Крыма («Средь лавров» [33, с. 277].), Италии («Тенистый лавр в величии цветет» [20, с. 96]), Греции («Под густою лавров сенью» [27, с. 77]).

В русской поэзии эпохи романтизма лавр часто встречается в сочетании с другими растениями, например, с розами и виноградом: «Пусть боец в кровавом деле/ Пожинает лавр мечом: / Розы дышат на постеле, / Виноградник за столом» [15, с. 105], где лавр становится символом славы, полученной в боях, и противопоставляется растениям «мирной жизни» - розе, означающей «плотскую любовь», и винограднику, то есть множеству виноградных лоз, передающим идею «праздник», «удовольствие», «веселье».

В стихотворении «Солома», подписанном буквами «П.М.» (П. А. Межаков) лавр встречается в одном контексте с соломой. Автор обращается к собрату по перу: «А ты, товарищ мой, поэт / Неутомимый и бездарный! / Прими мой дружеский совет…» [22, с. 121]. Совет заключается в том, чтобы не писать дурных стихов, ибо «Ты мнишь на лаврах опочить, / И ах! проснешься на соломе» [22, с. 121]. Поэт обыгрывает выражение «опочить на лаврах» со значением «наслаждаться достигнутым успехом»,

понимая глагол в его первом значении «лечь спать», что подкрепляется глаголом «проснуться» в следующей строке. В этом контексте лавр означает «непреходящую славу поэта», в то время как солома, то есть сухие стебли пшеницы или ржи без колосьев, становится символом бесплодных усилий и, следовательно, бесславия.

В небольшом отрывке стихотворения В. Тило «Эвадна» находим упоминание о трех растениях – дуб, мирт и лавр: «Лишь там цветет в сени безмолвныя дубравы / Гимена счастие средь мирных пастухов; / Увы! где с митрами сплелись священны лавры, / Там слезы некогда прольет рекой любовь!...» [31, с. 421] Во французском языке цветов дуб символизировал любовь к родине, силу и защиту [2, p. 148], мирт был посвящен богине любви Афродите, то есть означал любовь, а лавру в этом контексте придается редкое значение «любовь побеждает» [1, p. 528], пришедшее в русскую поэзию из немецкого языка цветов. Все растения становятся символами мирной и счастливой семейной жизни героев стихотворения в родных местах. Такая расшифровка значений подкрепляется словосочетанием «Гимена счастие» [31, с. 421]. Сочетание лавра с оливой, обычно символизирующей мир, выводит на первый план значение лавра «вечность». Так, в стихотворении В.И. Туманского «Моя любовь» Крым описывается как «тихий рай» [33, с. 277], который для человека «В тени олив и лавров дышит» [33, с. 277]. Сочетание двух растений здесь может означать «вечный, ничем не нарушаемый мир». Контекстное значение «победа над смертью» лавр приобретает в противопоставлении кипарису, символизирующему смерть и скорбь. Согласно поэту Б. М. Федорову, слава «Не кипарис, но лавр растит!» [36, с. 206].

ВЫВОДЫ

Литературные и культурные связи между европейскими странами и Россией привели к тому, что язык цветов стал частью русского литературного обихода. Его легко усвоили литераторы и столь же легко понимали читатели и читательницы, знавшие иностранные языки.

Лавр представляет собой одно из частотных «слов» как европейского, так и русского языка цветов. Это растение упоминается в художественной литературе со времен античности. Укорененность в античной мифологии и культуре определила пути развития значений, которые придавались лавру в текстах различных жанров.

Поскольку разные варианты языка цветов были практически одновременно приняты в России, первоначальный комплекс значений, приписывавшихся лавру, сложился с учетом всех европейских традиций.

Основным значением лавра в русском языке цветов стала «слава». С одной стороны, оно развивалось под влиянием античных культурных традиций, с другой, под влиянием античной мифологии. Так у лавра появились значения «военная слава» и «слава поэта». Поскольку память о подвигах героев, о мудрых правителях и талантливых литераторах сохраняется надолго, лавр становится символом не только «вечной славы», но и вечности. Контекстные значения, которые приобретает лавр, зависят от того, что означают растения, с которыми он выступает в сочетании. Это может быть и «вечность», и «любовь», и «победа над смертью».

Список литературы

1. Анненков, Н. К И…Е…В… Послание [Текст] / Н. Анненков // Благонамеренный. – 1820. – июнь № 12. – с. 426.
2. Бельская, А.А. Ольфакторные и флористические знаки портретов в поэме А.К. Толстого «Портрет» и повести И.С. Тургенева «Фауст» [Текст] / А.А. Бельская // Вестник Брянского Государственного Унивеститета. – 2017. – № 3 (33). – С. 102–111.
3. Вяземский, П.А. Стол и постеля [Текст] / Вяземский П.А. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 542.
4. Горбовская, С.Г. Флорообраз во французской литературе XIX века [Текст] / С. Г. Горбовская. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. – 274 с.
5. Деларю, М. Д. Муза [Текст] / М. Д. Деларю // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В. Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
6. Жуковский, В. Могущество, слава и благоденствие России [Текст] / В. Жуковский // Утренняя заря. Книжка 1. – Москва, в Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1800. – VII. – 211 с.
7. Козлов, В.И. Мечтатель [Текст] / В.И. Козлов // Благонамеренный. – 1819. – июль № 13. – с. 18.
8. Козлов, В.И. Сонет. А.А. Б-вой [Текст] / В.И. Козлов // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
9. Коншин, Н.М. «Боратынскому» [Текст] / Н.М. Кошин // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
10. М[ежаков] П.А. Солома [Текст] / П.А. Межаков // Благонамеренный. – 1824. – №8. – С.120–121.
11. Н. На смерть Ж.Б. Руссо [Текст] // Благонамеренный. – 1819. – Январь №1. – С.7.
12. Налегач, Н.В. Образы цветов в поэтическом мире И. Анненского [Текст] / Н.В. Налегач // Studia Litterarum. – 2017. – № 2. – С. 212–229.
13. Норов, А.С. К Дафне [Текст] / А.С. Норов // Благонамеренный. – 1821. – Июнь № 11–12. – С. 180.
14. Панаев, В.И. На кончину М.В. Милонова [Текст] / В.И. Панаев // Благонамеренный. – 1821. – Декабрь № 23–24. – С. 284–285.
15. Плетнев, П. Эндимион [Текст] / П. Плетнев //Благонамеренный. – 1821. – Июль № 14. – С. 77
16. Розен, Е.Ф. Видение Тасса [Текст] / Е.Ф. Розен // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
17. Стихи Его Императорскому Величеству на всерадостнейший день рождения [текст] // Аглая. – 1810. – Часть IX. – Кн. 1. – С. 71.
18. Таскин, А. Артур (Из Pierret de St.Severin) [Текст] / А. Таскин // Благонамеренный. – 1824. – № 10. – С. 285.
19. Тило, В. Эвадна [Текст] / В. Тило // Благонамеренный. – 1820. – Июнь № 12. – С. 420–424.
20. Туманский, В.И. К кн. Н.А. Цертелеву [Текст] / В.И. Туманский // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
21. Туманский, В.И. Моя любовь [Текст] / В.И. Туманский // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
22. Туманский, Ф.А. Пушкин [Текст] / Ф.А. Туманский // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
23. У Луцянь. О языке цветов в романе И.С. Тургенева «Дым» [Текст] / У Луцянь // Вестник Московского Университета. Сер. Филология. – 2014. – № 2. – С. 149–154.

24. Федоров, Б.М. Ободрение [Текст] / Б.М. Федоров // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – 792 с.
25. Филимонов, В.С. Дурацкий колпак [Текст] / В.С. Филимонов // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л.,1972. – 792 с.
26. Шарафадина, К.И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы [Текст] / К.И. Шарафадина. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 544 с.
27. Шарафадина, К.И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы [Текст] / К. И. Шарафадина. – СПб: Петербург. ин-т печати, 2003. – 309 с.
28. Breysig A. Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. Leipzig, bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830, S. 972.
29. Delachénaye B. Abécedaire de Flore ou language des fleurs. Paris, L'Imprimerie de P. Didot L'Ainé, 1811. 160, [4] p.
30. Frain I. La Guirlande de Julie. Paris: France Loisirs, 1991. 200 p.
31. Hale S.H. Flora's Interpreter, or the American Book of Flowers and Sentiments. Boston, Thomas H. Webb, 1833. 264 p.
32. Ildrewe M. The Language of Flowers. Boston: De Vries, Ibarra, and Company, 1865. 218 p.
33. L'Ancien et nouveau langage des fleurs. Paris, Le Bailly, 1850. P. 108
34. Maksimovič-Ambodik N.M. Emvlemy i Simvoly (1788). The First Russian Emblem Book. ed., tr., intr. A. Hippisley. Leiden, Brill, 1989. P. LX, 286, 56.
35. Laufer G.A. Tussie-Mussies. The Victorian Art of Expressing Yourself in the Language of Flowers. New York: Workman Publishing, 1993. – 160 p.
36. Seaton B. The Language of Flowers. A History. Charlottesville-London: University Press of Virginia, 1995. 236 p.
37. The Language of Flowers or An Alphabet of Floral Emblems. London, N. Nelson and sons, 1858. 24 p.
38. The Language of Flowers with Illustrative Poetry. Philadelphia: Lea & Blanchard, 1839. 362 p.
39. Voigt C. Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmahler und Stickerinnen. Leipzig: bei Ludwig Herbig, 1822, S. 248.

REFERENCES

1. Annenkov N. *K I...E...V... Poslanie* [To I…E…V… Epistle]. Blagonamerennyi, 1820, No 12, p. 426.
2. Bel'skaya A.A. *Olfaktornye i Floristicheskie Znaki Portretov v Poeme A.K. Tolstogo Portret i Povesti I.S. Turgeneva Faust* [Olfactory and Floristic Signs of Portraits in the Poem by A.K. Tolstoy Portrait and the Novel by I.S. Turgenev Faust]. *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Univestiteta*, 2017, No 3 (33), pp. 102–111.
3. Vyazemskii P.A. *Stol i Postelya* [The Table and the Bed]. Stikhotvoreniya. L.: Sovetskii Pisatel' Publ., 1986, p. 542.
4. Gorbovskaya, S. G. *Floroobraz vo francuzskoj literature XIX veka* [Tekst] [The Flower Imagery in French literature of the 19th century]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2017. 274 p.
5. Delaryu M.D. *Muza* [The Muse]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
6. Zhukovskii V. *Mogushchestvo, Slava i Blagodenstvie Rossii* [Power, Glory and Prosperity of Russia]. Utrennyaya Zarya. Knizhka 1. Moscow, Tipografiya u Ridigera i Klaudiya Publ., 1800, VII, 211 p.
7. Kozlov V.I. *Mechtatel'* [The Dreamer]. Blagonamerennyi, 1819, No 3, pp. 18–19.

8. Kozlov V.I. *Sonet. A.A. B-voi* [A Sonnet. To A.A. B-va]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
9. Konshin N.M. *Boratynskomu* [To Boratynsky]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
10. M[ezhakov] P.A. *Soloma* [The Straw] Blagonamerennyi, 1824, No 8, pp. 120–121.
11. N. *Na smert' Zh. B. Russo* [On the Death of Zh. B. Russo]. Blagonamerennyi, 1819, No 1, pp. 7–8.
12. Nalegach N.V. *Obrazy Tsvetov v Poeticheskom Mire I. Annenskogo* [The Flower Imagery in I. Annensky's Poetic World]. Studia Litterarum, 2017, No 2, pp. 212–229.
13. Norov A.S. *K Dafne* [To Daphne] Blagonamerennyi, 1821, No 11-12, p.180.
14. Panaev V.I. *Na Konchinu M.V. Milonova* [On the Death of M.V. Milonov]. Blagonamerennyi, 1821, No 23-24, pp. 284–285.
15. Pletnev P. *Endimion* [Endimion]. Blagonamerennyi, 1821, No 14, p.77.
16. Rozen Ye.F. *Videnie Tassa* [Tasso's Vision]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
17. *Stikhi Yego Imperatorskomu Velichestvu na Vseradostneishii Den' Rozhdeniya* [A Poem to His Imperial Majesty on the Most Joyful Birthday]. Aglaya, 1810. Part IX. Book.1, pp. 71–73.
18. Taskin A. *Artur* (Iz Pierret de St. Severin) [Arthur (From Pierret de St. Severin)] Blagonamerennyi, 1824, No 10, pp. 285–286.
19. Tilo V. *Evadna* [Evadne]. Blagonamerennyi, 1820, No 12, pp.420–424.
20. Tumanskii V.I. *K Kn. N.A. Tsertelevu* [To Prince N.A. Zsertelev]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
21. Tumanskii V.I. *Moya Lyubov'* [My Love]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
22. Tumanskii F.A. *Pushkin* [Pushkin]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
23. U Lutsyan'. *O Yazyke Tsvetov v Romane I.S. Turgeneva Dym* [On the Language of Flowers in I.S. Turgenev's Novel *The Smoke*]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. Filologiya*, 2014, No 2, pp. 149–154.
24. Fedorov B.M. *Obodrenie* [Encouragement]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
25. Filimonov V.S. *Durackij kolpak* [A Jester's Cap]. Pojety 1820-1830-kh Godov. Biblioteka Poeta Bolshaya Seriya. Ed. by V.E. Vacuro, Vol. 1. L., 1972. 792 p.
26. Sharafadina K.I. *Selam, Otkroisya! Floropoetika v Obraznom Yazyke Russkoi i Zarubezhnoi Literatury* [Selam, Open Up! Floropoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. 544 p.
27. Sharafadina K.I. Alfavit Flory v Obraznom Yazyke Literatury Pushkinskoi Epokhi: Istochniki, Semantika, Formy [Flora's Alphabet in the Figurative language of the Pushkin Era Literature: Sources, Semantics, Forms]. SPb: Peterburg. In-t Pechati Publ., 2003. 309 p.
28. Breysig A. Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. Leipzig, bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830, S.972.
29. Delachénaye B. Abécedaire de Flore ou language des fleurs. Paris, L'Imprimerie de P.Didot L'Ainé, 1811. 160, [4] p.
30. Frain I. La Guirlande de Julie. Paris: France Loisirs, 1991. 200 p.
31. Hale S.H. Flora's Interpreter, or the American Book of Flowers and Sentiments. Boston, Thomas H. Webb, 1833. 264 p.
32. Ildrewe M. The Language of Flowers. Boston: De Vries, Ibarra, and Company, 1865. 218 p.
33. L'Ancien et nouveau langage des fleurs. Paris, Le Bailly, 1850. P. 108

34. Maksimovič-Ambodik N.M. Emvlemy i Simvoly (1788). The First Russian Emblem Book. ed., tr., intr. A. Hippisley. Leiden, Brill, 1989. P. LX, 286, 56.
35. Laufer G.A. Tussie-Mussies. The Victorian Art of Expressing Yourself in the Language of Flowers. New York: Workman Publishing, 1993. – 160 p.
36. Seaton B. The Language of Flowers. A History. Charlottesville-London: University Press of Virginia, 1995. 236 p.
37. The Language of Flowers or An Alphabet of Floral Emblems. London, N.Nelson and sons, 1858. 24 p.
38. The Language of Flowers with Illustrative Poetry. Philadelphia: Lea & Blanchard, 1839. 362 p.
39. Voigt C. Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmahler und Stickerinnen. Leipzig: bei Ludwig Herbig, 1822, S. 248.

THE LANGUAGE OF FLOWERS:

LAUREL IN THE 19th CENTURY RUSSIAN POETRY

Nenarokova M. R.

The article deals with the laurel as an element of the language of flowers, a cultural phenomenon of the 18th-19th centuries. The objects of the study are the French, German, English, and American dictionaries of the language of flowers and the Russian Romantic poetry, where the word laurel is used. The subject of study is the complex of meanings attached to the laurel in the Russian Romantic poetry. The study materials are Russian poems of the first half of the 19th century. The research's main objective is to describe the meanings of the word laurel and to trace the development of new meanings determined by the context. The study showed that laurel is one of the frequent words of both the European and Russian languages of flowers. This plant has been mentioned in fiction since antiquity. Its close connection with ancient mythology and culture determined the development of the meanings ascribed to laurel in the texts of various genres. The initial complex of meanings had as its source all European traditions. The main meaning of laurel in the Russian language of flowers and its European variants is glory. Further on this meaning was developed: military glory and poet's glory. Laurel became a symbol of eternal glory and of eternity itself. The contextual meanings that laurel acquires in combination with other plants are eternity, love, victory over death.

Key words: romanticism, Russian poetry, language of flowers, dictionary, laurel.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 71–86.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'42:27-27=111

BIBLICAL INTERTEXT OF THE POLITICAL DISCOURSE IN THE CURRENT POLITICAL ENVIRONMENT (BASED ON THE ENGLISH AND SPANISH-LANGUAGE POLITICAL MEDIA TEXTS)

Abramicheva Ye. N., Zaitseva V. V., Sokol A. A.

Институт общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия
helenn2018@gmail.com; sokolaa@gmail.com

The article studies biblical intertext in the contemporary political discourse. Both direct and semantically modified quotations of the biblical prototext, as well as allusion, are regarded as linguistic mechanisms of biblical intertext formation. The objectives pursued in the article are to define a biblical expression as a precedent phenomenon functioning as an intertextual element and realizing a certain pragmatic function in the political communication; study the functions of biblical intertext in the political discourse; consider biblical intertext implementation in the current political environment. Mainstream American, British and Spanish media resources, such as *The Guardian, The Time, The Nation, The New York Post, La Nación, El Mundo* etc. as well as news scripts of American, British and Spanish politicians' speeches over the past year, serve as the material for the research covered in the article. Methodological framework of the research includes biblical expressions studies, the Bible translation and interpretations studies, political discourse analysis, theory of intertextuality and precedent phenomena. Peculiarities of Biblical intertext implementation in the political discourse are studied in the context of the current political environment.
Keywords: biblical expression, biblical intertext, precedent situation, political environment, political discourse.

INTRODUCTION

The role of the main Christian prototext on the modern media scene remains highly significant: biblical expressions are widely represented in different types of discourse, and their use not only reflects the seamless integration between culture, religion and social life, but also frequently becomes an effective tool for manipulating public mind. This trend is immediately obvious in the political discourse where current political situations are often compared with stories from the Bible. Biblical precedent phenomena allow for more precise definition and interpretation of an event, its proper evaluation, they create new connotations and produce an emotional impact on the mass recipient.

Biblical expressions as multifunctional precedent units that can be reproduced in speech generating new meanings form the object of the study, the results thereof will be presented in this article. The objectives of the study were as follows: 1) to examine *biblical expressions* as intertextual elements performing a special pragmatic function in the language

of politics; 2) explore the functions of biblical intertext in the political discourse; 3) trace the tendencies of the use of biblical expressions in the context of present-day political environment.

Though biblical expressions have been given many linguistic definitions, all of them are united by a number of common features characteristic of these language units: genetic relation to the text of the Holy Scripture, stability, reproducibility, heterogeneity of the structure (from a single word to a whole sentence), complete or partial semantic modification of components. For example, E. M. Vereshchagin defines biblical expressions as separate words, collocations, groups of words or whole phrases originating from the Bible, either borrowed from the Bible, or subjected to semantic influence of biblical texts, including those which are no longer associated with the Scripture in modern linguistic consciousness [6].

We share E. I. Bolliger's opinion and regard biblical expressions as any intertextual implementation of the biblical text in any other text or discourse [2, p. 10]. At the same time, we consider intertextuality as *a technique* for composing a text, an instrument for text production, which includes an author's strategy for creating a text using the resources of other texts, non-verbal systems and discourses [9, p. 16]. According to Nathalie Piegay-Gros, intertextuality is a device with the help of which one text rewrites another text, and an intertext is an entire set of texts reflected in a given writing, regardless of whether it is related to the writing *in absentia* (for example in case of an allusion) or *in praesentia* (in case of a quotation) [10, p. 48].

Discussing the *biblical intertext*, we should note that biblical expressions, as precedent phenomena incorporating precedent texts, utterances, names and situations, present minimal cultural signs that perform a specialized pragmatic function [7], serve as indigenous culture bearers, and, according to the definition by D. B. Gudkov, form units of speech that are familiar to the vast majority of the community, stored in its collective memory and regularly actualized in speech [3].

The precedent phenomena of biblical origin are exceedingly diverse and variable, having a profound impact on the global culture. They include a large number of universal biblical concepts such as *light, evil, darkness, love, God,* etc., and precedent names, as well as precedent situations which are easily recognized by a recipient familiar with the biblical prototext (Judgment upon Sodom and Gomorrah, Moses and the Ten Commandments, brothers Cain and Abel, etc.). The texts of the Bible can undoubtedly be considered as 'precedentedly strong' texts described by V. N. Toporov in his works as a mythopoetic space with an aesthetic source, discourse potential and inner freedom [8].

Providing ample opportunities for interpretation, precedent phenomena can be widely used in different areas of the media landscape and various types of discourse. Biblical precedent phenomena are no exception; they actively function not only in the works of fiction, but also in advertising, political and media discourse, forming a dynamic biblical intertext of the modern communication environment while remaining symbolic indicators of various cultural values and universal criteria for assessing current developments.

When it comes to the use of biblical expressions in the political environment, it is, primarily, dictated by the fundamental pragmatic tasks and functions of political communication, wherein biblical intertext plays an important part – instrument (struggle for

power), regulatory (influencing), magical (based on the mythologized perception, belief in the magical powers of words and the use of manipulative techniques), ritual (in some types of political discourse, for example, inaugural speeches), and creative (by which, according to L. M. Terentii, the desired response of the public to a political situation or select political figures is created, whereby an imaginary world built with the help of the language can completely replace the existing reality) [12, p. 29].

K. Ju. Rybachuk's reflections on the role of intertext in the political discourse enabled him to differentiate a whole range of functions of which intertext is capable. According to K. Ju. Rybachuk, they include: the capacity to reinforce the speaker's vigour of an argument by appealing to authority, self-citing, or joint opinion; the function of refuting an argument; informative, illustrative, decorative, euphemistic, referential (when the reference is made to the original text, its content and related associations), phatic, and didactic functions [11].

From M. V. Belyakov's perspective, functioning in the political context, intertext allows for the manifestation of the Friend-or-Foe opposition (in case of a rational use of the intertext, the speaker could be counted among Friends), as well as the implementation of a euphemistic function since it permits covert criticism of the opponent avoiding direct insult [1].

Yet another important aspect of political communication ought to be brought to notice. Politicians are well aware of the fact that political persuasion is primarily associated with the influence on emotions and the subconscious, rather than reason and logical thinking [13, p. 78]. This is especially true for the politicians' way of interacting with the public, when suggestive techniques prevail over rationality, and the success of communication is based on winning the addressee's sympathy and trust [ibid.]. Frequently, the politician's direct citation of the biblical prototext becomes an efficient way of gaining the addressee's trust, producing a major emotional impact by triggering the same irrational mechanisms of faith and confidence that religion resorts to.

Thus, being a 'strong' precedent text, a unit of cultural code and an effective rhetorical means at the same time, a biblical expression used in the political environment is capable of enhancing the recipient's comprehension of the information received, producing both rational and irrational impact, as well as shaping the recipient's political views and sentiments by influencing his or her associative thinking.

RESULTS AND DISCUSSION

For the purposes of illustration, let us turn to the political discourse around the COVID-19 pandemic which has provided fresh impetus for dynamic transformations of the biblical intertext. Conventional wisdom says that in times of calamities, diseases and great changes people tend to seek help from God. So do politicians and journalists.

For one, *The Daily Beast* news site published an article headed "*The Biblical, Primal Terror of the Coronavirus*" (J. Michaelson // The Daily Beast: March 11, 2020 [26]). The article opens with a direct citation from the Bible, the Book of Leviticus 13:46, *"As long as they have the disease, they remain unclean. They must live alone; they must live outside the camp"* [26]. The publication argues that the isolation of the healthy population from the diseased has been a common practice in every nation in all times. Jay Michaelson, the author of the article, lists diagnoses that turn people into pariahs and reflects on what the new virus

holds for the Americans. Criticizing President Trump's response to the coronavirus situation and accusing him of germophobia (a pathological fear of germs and infection), the journalist is outraged that Trump, for his personal reasons, minimizes the severity of the threat which the coronavirus pandemic poses to his country. The use of a biblical quote in this case serves to draw the public attention to the serious social problems caused by the pandemic. The idea that COVID-19 became the cause for global social distancing has deeply entrenched in the society: "*Covid is the disease of stoppage, of social distancing, of self-isolation, of no-handshakes-no hugs, no flights, no passing through.*" (criticallegalthinking.com // March 13, 2020).

In a less restrained manner Donald Trump is criticized by the authors of the article in *The Nation* weekly magazine. Its headline *"Prayer Will Not Stop the Coronavirus"* (J. Wilson-Hartgrove, Rev. Dr. W. J. Barber // The Nation, March 15, 2020 [29]) is a direct reaction to the first phrase of the speech delivered by Trump on March 15, 2020, on the day of prayer for coronavirus victims: *"In our times of greatest need, Americans have always turned to prayer to help guide us through trials and periods of uncertainty"* [33]. President Trump is accused of failure to adequately respond to public health crisis, reluctance to prepare for the pandemic and a number of actions exacerbating an already critical situation. *"It's time for repentance, not just prayer",* says the author and cites the Epistle of James (2:26): "*Faith without works is dead*" [29].

On March 21, 2020, *The New York Post* published an article about the drug combination potentially effective in treating COVID-19 patients. The article cites the words of the President who called the drug a "gift from God" and expressed optimism about its upcoming use: *"This would be a gift from heaven, this would be a gift from God if it works"* [30]. The biblical expression *"the gift of God"* (Ecclesiastes, 3:13) means that everything that is good, kind and useful in a person is given to him by God [5, p. 93]. The following day, on March 22, 2020, *Real Clear Politics*, a political news website, posted a caustic article headlined *"Trump's Faith-Based Pivot: Anti-Viral Rx Would Be God's 'Gift'"* (P. Wegmann // Real Clear Politics, March 22, 2020 [25]), manifesting the media reaction to the President's tumid political prose. The author of the article believes that the change in Trump's rhetoric and his trust in God is but an attempt to hide his failure or reluctance to curb the problem, and that the methods to fight back the pandemic proposed by the President simply do not work. Furthermore, the journalist is outraged and highly skeptical of the "God's gift" drug that has not gone through trials yet: *"The doubting Thomases of the White House press corps did their job by questioning the president on whether it was prudent to push an untested drug cocktail on the public"* [25]. The precedent biblical story, to which the expression "*doubting Thomas*" (John 20:25) refers the reader, describes Thomas's disbelief after the other disciples told him about the resurrection of Jesus; later, he changed his mind on seeing Jesus in flesh with crucifixion wounds. In the present-day language, "a doubting Thomas" is an inveterate skeptic [5, p. 59]. This way, an allusion to the Gospel contributes to the critical nature of the article, emphasizing absurdity of Trump's premature statements. Speaking the same language with the President, the language of quotations from the Bible, the journalist holds an allegorical political conversation with the President, thus subtly undermining the authority and credibility of the American leader.

The article published on *The Guardian* website on May 22, 2020, pertains to the economic after-effects of the pandemic on the British government's budget: *"…the two main parties were committing themselves to spending plans that implied the need for increases in taxation that they regarded as politically anathema"* (W. Keegan / The coronavirus outbreak has made the budget irrelevant // The Guardian, May 24, 2020 [28]). The authors of the article speculate that the politicians must be well aware of the fact that tax increases would be an extremely unpopular decision, especially amidst the pandemic, and those who took this step would be "politically anathema" with no electoral support. The meaning of *"anathema"*, its biblical sense, is based on the ancient Jews' history of sacrificing the defeated enemies and their weapons in the Lord's name: "If any man love not the Lord Jesus Christ, let him be the Anathema" (1 Corinthians 16:22); over time, the term has undergone semantic changes and, separating from its biblical context, acquired a more general meaning of "excommunication, curse, exile, damnation" [5, p. 12]. A thick negative connotative meaning of the biblical expression allows the journalist to give an explicit description of the political repercussions of the forced economic policies.

An article from the Spanish newspaper *El Mundo*, dated April 22, 2020, quotes the words of Pablo Casado Blanco, the leader of the People's Party of Spain, accusing the government of failure to provide special institutions for the isolation of COVID-19 patients: *"¿Dónde está el millón de test que dijo usted que se iban a hacer? ¿dónde están las arcas de Noé?*" (M. Cruz // El Mundo, Abril 22, 2020 [18]) ("Where is the million tests that you said you were going to do? Where are Noah's arks?")[1]. The expression "Arca de Noé" (Noah's ark, Genesis 6–9) cannot be found in the Bible as a fixed collocation, but it summarizes the precedent situation from the Book of Genesis – the Flood: God instructed Noah to build an ark in which he, his family, and "two of all living creatures" would be saved from the Flood. In modern English "Noah's ark" means an emergency refuge or shelter [5, p. 163]. The analogy to the salvation of mankind on a biblical scale gives extra weight to the politician's concern over the fate of his nation, and Pablo Casado resorts to this analogy more than once. Casado's accusations against Pedro Sánchez, the Prime Minister of Spain, are built upon the same biblical metaphor: *"…y ha recalcado que el "arca de Noé se construyó antes del diluvio" y, por lo tanto, el Gobierno debería haberlo previsto "antes", no "casi un mes después de reconocer la pandemia"* (D. Mudarra // Europa Press, Abril 7, 2020 [19]) (… and [Casado] stressed that "Noah's ark was built before the flood", and therefore, the Government should have thought about it "before", and not "almost a month after the pandemic had broken out").

In case when the biblical quotation is incorporated to form the structure of the discourse, thus performing a text-building function, the biblical intertext contributes directly to the communicative function of influencing the reader. On March 19, 2020, an American news site *Time* published an article by Laura Turner expressing her feelings about the sheltering order enacted in San Francisco. The headline of the article *"The Best Way to Love Your Neighbor Right Now Is to Stay Home"* [31] contains an allusion to the precedent biblical expression "*Thou shalt love thy neighbour as thyself*" taken from the Gospel of Matthew 12:29–31 and considered one of the Golden Rules [5, p. 150].

[1] All Spanish examples in this article are translated into English by the authors of the article.

In the article Laura Turner shares her own experience and understanding of the restrictions introduced to combat the coronavirus pandemic. The author makes a point that American culture, built on the principles of business competition and individualism, makes it hard to put the interests of the majority first, and therefore advises to behave responsibly and remember the lifelong biblical wisdom. In an attempt to convince her readers to observe the sheltering order, Turner refers to the precedent event of Cain murdering his brother Abel. The article starts with a direct citation from the Bible: *"Where is your brother Abel?" God asks. <…> "I do not know," he says. "Am I my brother's keeper?"* (L. Turner // The Time, March 19, 2020 [31]). Voicing her opinion on many people's refusals to "shelter in place", the author goes back to directly citing the biblical text: *"After Cain asks God about being his brother's keeper, God responds with thunder. "Listen; your brother's blood is crying out to me from the ground!"* [31]. Summing up her thoughts, the journalist modifies the biblical quotation in order to promulgate her message: *"If I were to do anything to add to that number, the blood of <u>those who died</u> would cry out from the ground"* [31]. The comparison of people's refusal to stay home with crimes of negligence and omission produces a profound psychological effect on the reader.

On March 19, 2020, a Spanish news magazine and website *Menorca* (named after one of the Balearic Islands where its publishing house is located) posted an article headlined *"El coronavirus, la undécima plaga"* (J. J. Quetglas // Menorca, Marzo 19, 2020 [21]) (The Coronavirus, the Eleventh Plague). Despite being protected by UNESCO and designated a biosphere reserve, as well as generally considered an expensive tourist destination and thus being not a very populous area, Menorca suffered a gradually rising number of COVID-19 diagnoses, and the quarantine order on the island was the same as in the rest of Spain. In the first paragraph, Joan J. Quetglas, the author of the article, helps his reader identify and comprehend the biblical allusion used in the headline. Quetglas retells an episode from the biblical precedent story, the source of the set phrase *"Las diez plagas de Egipto"* (The Plagues of Egypt, Exodus 7–12). The story tells about God's desire to deliver the Israelites from slavery and lead them out of Egypt. The Pharaoh does not allow it, and then God inflicts ten "plagues" on Egypt. The tenth Plague (death of firstborn), which took the Pharaoh's son, broke his resistance, and the Israelites led by Moses left Egypt. Today, the biblical expression "the Plagues of Egypt" means successive disasters and terrible misfortunes, implying that "one doesn't mess with God as He will always have the last word" [5, p. 177]. Reminding his readers of how severe the wrath of God can be, the journalist recaps on the recent epidemics that posed a serious threat to the life and health of people and required strict measures be taken to combat them, including massive lockdowns. However, the author cannot remember any similar epidemics as to the scale and consequences as the coronavirus. On the one hand, comparing COVID-19 with the devastating biblical plagues is a good way to ramp up the spread of panic, which can be highly beneficial; many political and media experts believe that the widespread panic is designed to take people's attention away from more important issues, such as the global economic crisis or blatant attempts at creating police states with total control over population. Yet, on the other hand, the author of the article seeks to calm down his readers and raise the spirits of the fellow-Spaniards: "No creo que el COVID-19 sea un castigo divino" [21] (I don't believe that COVID-19 is a divine punishment) – the journalist

renounces his "apocalyptic scenario" proposed in the headline and tries to convince his readers that the Spanish government has the situation under control.

Another Spanish journalist J. Velarde holds a dissenting opinion. The heading of his article of March 22, 2020 *"El coronavirus y los 7 pecados capitales de Pedro Sánchez"* (J. Velarde // Periodista Digital, Marzo 22, 2020 [23]) (Coronavirus and seven deadly sins of Pedro Sanches) contains the biblical expression "*los siete pecados capitales*" (Seven deadly sins, 1 John 5:16–17). Though the list of sins is actually not found in the Bible, it is provided in the ecclesiastical writing and is generally known to have a biblical origin [5, p. 198]. In contemporary discourse the phrase implies somebody's faults, wrongdoings and unforgivable acts. Expressing their bitterness about inaction and don't-care attitude of Spanish prime-minister Pedro Sanches in the face of pandemic emergency, the authors mention seven outrageous facts of his political negligence equating them with seven deadly sins. Thus, being exposed to semantic modification within a new 'coronavirus context', the biblical phrase serves to shape a distinctly negative attitude towards the politician and performs evaluative and conative functions.

Quite often the original biblical text becomes subject to occasional semantic modification when it is dictated and, hence, justified by the intentions and objectives of an author, e.g. in achieving comic or ironic effect. Thus, a popular American political commentator Michael Savage tried to ease public tension and diminish mass hysteria caused by the pandemic with an ironical commentary on his Facebook page: *"MAN CANNOT LIVE BY TOILET PAPER ALONE"* [22]. M. Savage resorts to semantic modification of a well-known biblical expression "*Man shall not live by bread alone*" (Matthew 4:4), mocking the so-called *covidiots* (one of the recent 'coronavirus' coinages derived from *covid* and *idiot*) and scaremongers, at their inability to act reasonably and rationally in the exceptional circumstances of pandemic realia. The way a man of today thinks and acts in the face of new challenges appears comic if compared to the instructive and exemplary biblical narrative. The Bible tells us about Jesus who before starting His earthly mission was to spend forty days in the wilderness to be tempted by the devil. When the devil came to entice Him to turn stones into bread Jesus answered with these famous words of His, showing His will to combat the need to satisfy the flesh [5, p. 154].

Very often an intertextual dialogue between politicians and journalists is brought about by some internal political crisis, election campaign, in-party leadership race, etc. On March 25, 2019, *The Evening Standard* published an article on the conflict between B. Johnson and T. May over Brexit. Inner-party disputes on Britain's leaving EU at that time were almost deadlocked, the contenders for Tory leadership race clashed over delivering Brexit, the UK was facing the worst political crisis in its modern history. An ardent Brexiteer B. Johnson sounded acerbic when he spoke on T. May's vacillating policy: *"It is time for the PM to channel the spirit of Moses in Exodus, and say to Pharaoh in Brussels – LET MY PEOPLE GO"* (J. Morris // Evening Standard, March 25, 2019 [20]).

In the biblical context the phrase "*Let my people go*" refers to the precedent situation "Exodus" (the liberation of the people of Israel from slavery in Egypt under the leadership of Moses, Exodus 5:1). When Moses and his brother Aaron came to Pharaoh to ask him to liberate the people of Israel, Pharaoh refused and later was punished by Lord with Plagues [5, p. 139]. The precedent phrase is not just associated with the well-known biblical plot,

but symbolizes people's strivings for independence in general. The phrase has become a slogan of those struggling for freedom. For example, it is used in one of the popular Negro spirituals: "Go down Moses, / Way down in Egypt Land, / Tell old Pharaoh / Let my people go" [5, c. 139].

The strategy of semantic modification of the original biblical expression employed by Johnson seems rather effective as it enables him to simultaneously achieve several practical goals: promote the idea of Britain's liberation from EU, demonstrate his linguistic resourcefulness and quick wit as well as his political decisiveness, undermine the authority and debase the political image of the opponent by creating a rather comical image of a politician who could no longer influence the decisions of the European Commission.

Against the background of another internal crisis, this time in the US political life, *The Nation* news website published the article *"True Religious Faith Demands an Unwavering Rebuke of Trumpism"* (J. Wilson-Hartgrove, Rev. Dr. W. J. II Barber // The Nation, Dec. 23, 2020 [29]) featuring harsh criticism of Trump and Trumpism. Blaming Trump for his immoral policies and threats of violence, and Trumpism for the distorted moral narrative it has created, the authors of the article speak of the Revolution of Values necessary for the revival of the US democracy. Supporting president Trump's impeachment and alluding to the biblical metaphor, they admit that in itself impeachment of Trump cannot change the political agenda (the main evil of which they see in the 'dangerous Christian nationalism') and would serve a symbolic victim to be sacrificed for the sake of democratic values: *"If an extreme personality becomes the scapegoat for immoral policies and the distorted moral narrative that has long justified them, then we deceive ourselves into thinking that we can address the moral crisis by simply getting rid of the man"* [29]. The origin of biblical "*scapegoat*" (from "*escape"* and *"goat"*) is related to the Book of Leviticus (16:7–22), describing an ancient Hebrew ritual held on the Day of Atonement. The high priest would bring the two goats before the Lord – one to be sacrificed and slaughtered as a sin offering for the Lord and the other, bearing the sins of Israelites, to be sent away into the wilderness and escape. In present-day English it means the one who is blamed or punished for the mistakes or sins of the others [5, p. 193].

Reproaching Trump and his evangelical defenders for their outrage provoked by the call for Trump's impeachment from the editor of *Christianity Today* magazine Mark Galli, the authors allude to the biblical precedent name Herod (Matthew 2:1–16; Luke 23:7–15), which in the Modern English metaphorically implies "a villain and evildoer: *"And when the Herods of this world are challenged, their backlash can be violent"* [29]. There were two Herods mentioned in the Bible: Herod, the King of Judea, who, according to the New Testament, ordered the Massacre of the Innocents in attempt to kill Jesus, and his son Herod Antipas, a Roman governor in Palestine, who ordered the killing of John the Baptist and later took part in the events that led to the execution of Jesus [5, p. 108–109]. It's obvious that the biblical allusions eliciting so strong negative associations can hardly create a positive image of the US president. Besides, by suggesting these very biblical stories the journalists might have hoped for getting a predetermined response from the audience that was likely to affect the outcomes of the presidential race. Their implicit call on 'sending an acting president away to wilderness for all sins of his administration' was likely to find a broad response among the pro-democratic opponents of Trump.

Quite often the use of biblical expressions is imposed by the convention. Thus, an important ceremonial function is performed by biblical expressions in the official protocol discourse that usually attends inaugurations, state and royal leaders' official addresses to their nations, etc. In this type of discourse, the references to the Biblical prototext are usually made in the form of direct citation. The significance of the event as well as the eminence of the source quoted from, often exclude the very possibility of semantic modifications of the quotation. We have already mentioned Trump's Presidential Proclamation on the National Day of Prayer for all Americans affected by Coronavirus Pandemic, of March 14, 2020 [33], in which he encouraged the US citizens to pray for the health and well-being of their fellow Americans and "remember that no problem is too big for God to handle" [33]. In his Proclamation Trump made three direct references to the Holy Bible. His first quotation comes from 1 Peter 5:7 *"Casting all your care upon him, for he careth for you"* [33], and was intended to remind millions of Americans of God's presence, protection and love during the period of unique challenge 'posed by coronavirus pandemic'. For the second time Trump alluded to Psalm 91 (New International Version) while expressing his warmest thanks to all who worked tirelessly to treat the infected patients and to ensure the health and safety of American people: *"He is my refuge and my fortress: my God; in him will I trust"* [33]. This very Psalm might have been chosen for quotation because the original context in the New International Version (the verse that follows the one cited by Trump) suggests a certain relevance to the situation of pandemic to which Trump addresses: "*Surely he will save you from the fowler's snare and from the deadly pestilence*" ("pestilence" is a fatal infectious disease that spreads quickly and kills a lot of people; plague). A good knowledge of the Bible exposed by the majority of Americans is likely to call to their minds the missing part of the quoted verse. And finally, Trump's third quotation is derived from Luke (1:37): *"For with God nothing shall be impossible"* [33]. It enabled Trump to sound promising and optimistic to those who unite in prayer and acts of compassion, but on the other hand, might have been an implicit recognition of people's helplessness in facing the pandemic. The nature of biblical citation in Trump's Proclamation (the choice of quoted verses, their recurrence and manner of inclusion in the discourse) bear more than a passing resemblance to a sermon delivered by a true upholder of the faith ensuring the salvation of his congregate through genuine faith in God. It should be mentioned here that a considerable part of Trump's electorate was, in fact, made up of white evangelical Christians, and as one of them says, "Millions of Americans Believe God Made Trump President" (A. Sullivan / Politico, Jan. 27, 2018 [24]). Such bold rhetoric from his supporters might explain Trump's frequent, if compared to other American presidents', references to the Bible and his zeal in meeting his voters' expectations.

References to the Bible are also regularly featured in the American presidents' farewell addresses, though pragmatics of their usage can vary. Thus, in his Farewell Address 2017, the 44th US president B. Obama spoke about the main threats to American democracy, prosperity and national security, among which were terrorism, extremism, intolerance, chauvinism and nationalistic aggression. Obama claimed that the only way to protect American way of life from this evil was to save and expand their democracy, respect the rule of law and American Constitution: "*Democracy can buckle when we give in to fear. So just as we, as citizens, must remain vigilant against external aggression, we must guard*

against a weakening of the values that make us who we are. < …> So let's <u>*be vigilant*</u>*, but not afraid. ISIL will try to kill innocent people. But they cannot defeat America unless we betray our Constitution and our principles in the fight"* [27]. The phrase "*be vigilant*" originates from 1 Peter (5:8): "*Be sober, be vigilant; because your adversary the devil, as a roaring lion, walketh about, seeking whom he may devour*" (King James Version (KJV)) [15]. Frequently used in sermons, the phrase adds some preaching tone to the president's speech, triggering those irrational mechanisms of influencing the audience that are likely to strengthen people's faith in democracy and its advocates, and shake their faith in those who betray it. Obama's fears did not seem groundless, and his implicit message as well as the main implied threat to the American democracy could be inferred from what he was saying, taking into consideration that the Presidential campaign 2016 was won by a Republican D. Trump, who'd been branded a *Trumpenstein* by the mainstream news media long before Trump won his presidency. This journalistic creation became "a verbal and conceptual embodiment of everything bad that has been ascribed to Trump" [14, p. 131] by the media biased against US Republicans, along with another political neologism *Trumpocalypse* that, according to Macmillan Dictionary, implies "the potential catastrophe that would be triggered by the election of Trump as US president". The exhaustive explanation of the "potential catastrophe" is offered by the popular Urban Dictionary: "the universal wide spread destruction, disaster and collapse of the United States due to Donald Trump's corruption, lack of experience and hard work, malignant narcissism and his relationship with Putin of Russia. Which includes the encouragement of the extreme military right wing" [34].

As far as the functions of the traditional ending of a presidential Farewell Address "*Thank you. God bless you. God bless the United States of America*", they embrace the conventional illocutionary act of farewell blessing, thanksgiving and well-wishing, and secondly, the ceremonial function of the protective ritual embedded in the history of English-speaking nations.

Biblical allusions are commonly found in the official and diplomatic discourse of Latin American politicians. This can be illustrated by the speech of the president of the Republic of Cuba Miguel Diaz-Canel, of December 23, 2019, on the occasion of the 60th anniversary of the Cuban Ministry of Foreign Affairs (MINREX) creation. Recalling glorious and tragic pages of the Cuban diplomacy Diaz-Canel mentioned the well-known biblical names related to the precedent biblical story "David and Goliath" from 1 Samuel 17:49 *"Comenzaba la pelea de David contra Goliat"* [17] (The fight of David against Goliath began). Goliath is known to be a well-armed Philistine giant who terrified the Israeli and was eventually defeated by the young shepherd David, who killed the giant warrior with a sling and a stone; later known as the King of Israel [5, p. 98–99]. This remarkable biblical metaphor has been over time enrooted in the national consciousness of the Cubans, and the knowledge of the biblical parable alone is not sufficient to understand why. The process of embedding the images of David and Goliath into the revolutionary history of Cuba began with an outstanding figure of Fidel Castro, a Cuban politician advocating the ideas of socialism, who was the first to compare Cuba with David 'engaged in combat against Goliath of the "nuclear era" represented by the USA [4]. Later, being made a national romantic hero, Fidel Castro himself was often equated with David. Thus, in Diaz-Canel's speech, the symbolic

for the Cuban history metaphor assumes an essential pragmatic content and is furnished with rhetorical, conative, and euphemistic functions.

Euphemisation is one of the important strategies commonly implemented in the contemporary political discourse through various semantic and stylistic mechanisms, including, *inter alia*, references to the Bible. For example, the Minister of Foreign Affairs, European Union and Cooperation of Spain (MAEUEC) Arancha Gonzales Laya at the press conference on April 14, 2020 was very reserved in her official response to the president Trump's disparaging statements that 'Spain was being decimated', by which he was blaming the Spain's government for lifting some lockdown measures at the height of the pandemic. Arancha Gonzales said: *"Podría decir que es fácil ver la paja en el ojo ajeno y no la viga en el propio pero no lo voy a hacer porque no es la forma en que tenemos que enfrentarnos a la pandemia"* [19] (I could say that it's easy to see the mote in your brother's eye and not the beam in your own, but I am not going to do this because it's not the way we should face the pandemic). The biblical expression '*mote in the eye'* (Matthew 7:3) is a curtailed variant of the phrase of Jesus from the *Sermon on the Mount*: "Y porqué miras la paja que está en el ojo de tu hermano, y no echas de ver laviga que está en tu propio ojo?" (And why beholdest thou the mote that is in thy brother's eye, but considerest not the beam that is in thine own eye?). This biblical expression has turned into a proverb long before and its sense "Judge not, that you be not judged*"* is familiar to everyone. Biblical quotation enabled the Spanish politician to evade an offensive tone in her official comment on Trump's words and sound, as opposed to the US president, politically correct.

However, politicians' references to the Bible can sometimes badly affect their image. Misinterpretation or misquotation from the sacred prototext is likely to provoke the journalists' justifiable criticism over a politician's ignorance, false piety, or thoughtlessness towards the Holy text. Conscious of the fact or not, a politician undermines one of the maximes of the cooperative principle of communication (formulated by P. Grice in his Theory of Conversational Implicatures) that prescribes an utterance to be truthful, by which, subsequently, abuses the trust of his more educated adherers. For example, during his first presidential campaign, D. Trump referred to the Bible as his favourite book but failed to produce an accurate quote from it when was requested to. The phrase *"never bend to envy"* suggested by Trump, brought about an immediate scathing irony of *The Washington Post* journalist J. Johnson, in her article headlined *"Donald Trump likes that Proverbs verse that might not exist"* (J. Johnson // The Washington Post, Sept. 16, 2015 [32]).

According to the *Business Insider* website report, Speaker of the US House of Representatives and a Democratic Party opponent of D. Trump, Nancy Pelosi was also repeatedly condemned for her excessive ingenuity in quoting the Bible. One of her recent misquotations runs: "*To minister to the needs of God's creation is an act of worship. To ignore those needs is to dishonor the God who made us*" (E. Relman: Nancy Pelosi loves to quote a Bible verse that isn't actually in the Bible at all // Business Insider, Feb. 5, 2019 [16]). Pelosi claims that she is sure this quotation comes from the Bible, though she is not certain about the exact place of its occurrence in the Book: "*I can't find it in the Bible, but I quote it all the time*" [16]. Such misapplication of the biblical text is a mere political manipulation and when detected, can be ruinous for a sound political reputation.

CONCLUSIONS

As can be seen from the above, biblical expressions have not lost their value in the modern political discourse; on the contrary, as new global threats and crises arise, they become more frequently used in one form or another. In addition to supporting traditional conservative views and ritualizing certain types of political communication, the biblical intertext is used to 1) form the image of political figures; 2) characterize and assess political situations; 3) shape and manipulate public opinion; 4) discredit opponents; and 5) implement a euphemistic strategy.

The biblical intertext manifests itself in the political environment in various forms: anywhere from the direct citation of the prototext and biblical allusions, to the deliberate semantic modification of the precedent text, which allows the author (a politician or journalist) to express a judgment on any developments with a hint of irony or sarcasm, make the speech more emotional or demonstrate learnedness and humor. And, conversely, inept citation of the well-known prototext can undermine the politician's image and discredit him or her in the eyes of the media and the public.

The nature and structure of the political communication intertext can be studied both in the context of general cultural and linguistic knowledge required to interpret new information in a quick and accurate manner, and with regard to political linguistics which explains the mechanisms of influencing the mass audience. As symbolic signs of common cultural values that elicit similar associations from the representatives of different linguistic cultures, biblical intertext elements let an addressee easily recognize and interpret their meaning, at the same time allowing an addresser to actively use this language means relying on the addressee's knowledge of the precedent text. Thus, biblical precedent phenomena often form the intertext of political discourse, including the discourse of critical situations.

References

1. Belyakov M. V. *Interpretatsiya Interteksta v Politicheskom Diskurse* [Intertext Interpretation in a Political Discourse]. *Vestnik MGIMO*, 2009, no 6. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-interteksta-v-politicheskom-diskurse (accessed 15 September 2020).
2. Bolliger E. I. *Sopostavlenie Ispol'zovaniya Bibleizmov v Institutsional'nom Diskurse Raznykh Kul'tur: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Comparison of the Use of Biblicalisms in the Institutional Discourse of Different Cultures. Abstract of Thesis]. Tver, 2005.
3. Gudkov D. B. *Nekotorye Osobennosti Funktsionirovaniya Pretsedentnykh Vyskazyvanii* [Some Features of the Functioning of Precedent Statements]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, 1997, no 4, pp. 106–118.
4. Dannenberg A. N. *Katolicheskaya Tserkov' i Vlast' na Kube (k Pyatnadtsatiletiyu Vizita Papy Rimskogo Ioanna Pavla II)* [Catholic Church and Authorities in Cuba (on the 15th Anniversary of the Visit of Pope John Paul II]. *Sotsium i Vlast'*, 2013, no 2 (40). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/katolicheskaya-tserkov-i-vlast-na-kube-k-pyatnadtsatiletiyu-vizita-papy-rimskogo-ioanna-pavla-ii (accessed 20 December 2020).
5. Zagot M. A. *Ishchite i Naidete, ili Anglo-Russkii Slovar' Bibleizmov dlya Vsekh i Kazhdogo* [Seek and You Will Find, or the English-Russian Dictionary of Biblicalisms for Everyone]. Moscow: R. Valent Publ., 2014. 260 p.

6. Klimovich N. V. *Osobennosti Perevoda Intertekstual'nykh Elementov Bibleiskogo Proiskhozhdeniya v Khudozhestvennom Tekste* [Features of Translation of Intertextual Elements of Biblical Origin in a Literary Text]. *Vestnik TGPU*, 2013, no 10 (138). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-intertekstualnyh-elementov-bibleyskogo-proishozhdeniya-v-hudozhestvennom-tekste (accessed 20 October 2020).
7. Miftakhova M. M. *Yavlenie Pretsedentnosti kak Yazykovoi Fenomen* [Precedence as a Linguistic Phenomenon]. *Vestnik Kazanskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii*, 2014, no 2 (16). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-pretsedentnosti-kak-yazykovoy-fenomen (accessed 15 September 2020).
8. Orlova N. M. *Pretsedentnye Fenomeny Bibleiskogo Istoka v Russkoi Filologicheskoi Traditsii* [Precedent Phenomena of the Biblical Source in the Russian Philological Tradition]. *Vestnik TGU*, 2008, no 5. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-bibleyskogo-istoka-v-russkoy-filologicheskoy-traditsii (accessed 15 September 2020).
9. Prokhorova L. P. *Intertekstual'nost' v Zhanre Literaturnoi Skazki (na Materiale Angliiskikh Literaturnykh Skazok): Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Intertextuality in the Genre of a Literary Fairy Tale (Based on the Material of English Literary Fairy Tales). Thesis]. Kemerovo, 2003.
10. Piegay-Gros Nathalie. *Vvedenie v Teoriyu Intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Moscow: LKI Publ., 2008. 240 p.
11. Rybachuk K. Yu. *Funktsionirovanie Intertekstual'nykh Elementov v Sovremennom Politicheskom Diskurse Velikobritanii* [The Functioning of Intertextual Elements in the Modern Political Discourse of Great Britain]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2017, no 1-1 (67). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-intertekstualnyh-elementov-v-sovremennom-politicheskom-diskurse-velikobritanii (accessed 15 September 2020).
12. Terekhova E. V. *Rekurrentnye Konstruktsii v Angliiskom Politicheskom Diskurse kak Lingvisticheskii Instrument Monitoringa Izmenenii Obshchestvennogo Soznaniya* [Rucurrent Constructions and English Political Discourse: Linguistic Instrument of Monitoring Social Changes in the Society]. *Politicheskaya lingvistika*, 2010, no 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rekurrentnye-konstruktsii-v-angliyskom-politicheskom-diskurse-kak-lingvisticheskiy-instrument-monitoringa-izmeneniy-obschestvennogo (accessed 15 September 2020).
13. Sheigal E. I. *Semiotika Politicheskogo Diskursa: Dis. ... Doktora Filol. Nauk* [Semiotics of Political Discourse. Thesis]. Volgograd, 2000.
14. Abramicheva E. N., Kliueva M. D. Trump, Trumpism, Trumpedy: Linguistic Aspect. *Aktual'nye Problemy Sovremennoi Gumanitarnoi Nauki: Otechestvennye Traditsii i Mezhdunarodnaya Praktika*. Simferopol, IT ARIAL Publ., 2017, pp 123–136.
15. Bibleonline. Available at: https://www.biblegateway.com.
16. Business Insider. Available at: https://www.businessinsider.com.
17. Díaz-Canel: Que la política exterior cubana siga siendo una diplomacia de ¡Patria o Muerte! *Granma*. Available at: http://www.granma.cu/discursos-de-diaz-canel/2019-12-24/diaz-canel-que-la-politica-exterior-cubana-siga-siendo-una-diplomacia-de-patria-o-muerte (accessed 10 September 2020).
18. El Mundo. Available at: https://www.elmundo.es/espana
19. Europa Press. Available at: https://www.europapress.es
20. Evening Standard. Available at: https://www.standard.co.uk/news/politics/
21. Menorca. Available at: https://www.menorca.info/opinion
22. Michael Savage. Facebook Post of 22 March 2020 at 11:31. Available at: https://www.facebook.com/permalink.php?id=123040616847&story_fbid=10157221684036848 (accessed 10 September 2020).

23. Periodista Digital. Available at: https://www.periodistadigital.com/politica
24. Politico. Available at: https://www.politico.com
25. Real Clear Politics. Available at: https://www.realclearpolitics.com
26. The Daily Beast. Available at: https://www.thedailybeast.com/
27. The Full Transcript of President Barack Obama's Farewell Speech. The Time. Available at: https://time.com/4631007/president-obama-farewell-speech-transcript (accessed 20 December 2020).
28. The Guardian. Available at: https://www.theguardian.com
29. The Nation. Available at: https://www.thenation.com/article/archive
30. The New York Post. Available at: https://nypost.com
31. The Time. Available at: https://time.com
32. The Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com
33. The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/proclamation-national-day-prayer
34. Urban Dictionary. Available at: https://www.urbandictionary.com

Список литературы

1. Беляков, М. В. Интерпретация интертекста в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / М. В. Беляков // Вестник МГИМО. – 2009. – № 6. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-interteksta-v-politicheskom-diskurse (дата обращения: 15.09.2020)
2. Боллигер, Е. И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. И. Боллигер. – Тверь, 2005. – 17 с.
3. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний [Текст] / Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Вест. Моск. ун-та. – 1997. – № 4. – С. 106–118.
4. Данненберг, А. Н. Католическая Церковь и власть на Кубе (к пятнадцатилетию визита папы римского Иоанна Павла II) [Электронный ресурс] / А. Н. Данненберг // Социум и власть. – 2013. – №2 (40). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/katolicheskaya-tserkov-i-vlast-na-kube-k-pyatnadtsatiletiyu-vizita-papy-rimskogo-ioanna-pavla-ii (дата обращения: 20.12.2020)
5. Загот, М. А. Ищите и найдете, или Англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого [Текст] / М. А. Загот. – М.: Р. Валент, 2014. – 260 с.
6. Климович, Н. В. Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте [Электронный ресурс] / Н. В. Климович // Вестник ТГПУ. – 2013. – №10 (138). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-intertekstualnyh-elementov-bibleyskogo-proishozhdeniya-v-hudozhestvennom-tekste (дата обращения: 20.10.2020)
7. Мифтахова, М. М. Явление прецедентности как языковой феномен [Электронный ресурс] / М. М. Мифтахова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – №2 (16). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-pretsedentnosti-kak-yazykovoy-fenomen (дата обращения: 15.09.2020)
8. Орлова, Н. М. Прецедентные феномены библейского истока в русской филологической традиции [Электронный ресурс] / Н. М. Орлова // Вестник ТГУ. – 2008. – №5. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-bibleyskogo-istoka-v-russkoy-filologicheskoy-traditsii (дата обращения: 15.09.2020)

9. Прохорова, Л. П. Интертекстуальность в жанре литературной сказки (на материале английских литературных сказок) [Текст] : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. П. Прохорова. – Кемерово, 2003. – 218 с.
10. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности [Текст] / Н. Пьеге-Гро. – М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.
11. Рыбачук, К. Ю. Функционирование интертекстуальных элементов в современном политическом дискурсе Великобритании [Электронный ресурс] / К. Ю. Рыбачук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №1-1 (67). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-intertekstualnyh-elementov-v-sovremennom-politicheskom-diskurse-velikobritanii (дата обращения: 15.09.2020)
12. Терехова, Е. В. Рекуррентные конструкции в английском политическом дискурсе как лингвистический инструмент мониторинга изменений общественного сознания [Электронный ресурс] / Е. В. Терехова // Политическая лингвистика. – 2010. – №3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rekurrentnye-konstruktsii-v-angliyskom-politicheskom-diskurse-kak-lingvisticheskiy-instrument-monitoringa-izmeneniy-obschestvennogo (дата обращения: 15.09.2020)
13. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 432 с.
14. Abramicheva, E. N., Kliueva, M. D. Trump, Trumpism, Trumpedy: linguistic aspect [Текст] / Е. Н. Абрамичева, М. Д. Клюева // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, Симферополь, 4–5 мая 2017 г. / гл. ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 123–136.
15. Bibleonline [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.biblegateway.com
16. Business Insider [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.businessinsider.com
17. Díaz-Canel: Que la política exterior cubana siga siendo una diplomacia de ¡Patria o Muerte! [Электронный ресурс] / Granma. – Режим доступа: http://www.granma.cu/discursos-de-diaz-canel/2019-12-24/diaz-canel-que-la-politica-exterior-cubana-siga-siendo-una-diplomacia-de-patria-o-muerte (дата обращения: 10.09.2020)
18. El Mundo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elmundo.es/espana
19. Europa Press [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europapress.es
20. Evening Standard [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.standard.co.uk/news/politics/
21. Menorca [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.menorca.info/opinion
22. Michael Savage (2020) Запись в Facebook: 22 марта в 11:31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/permalink.php?id=123040616847&story_fbid=10157221684036848 (дата обращения: 10.09.2020)
23. Periodista Digital [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.periodistadigital.com/politica
24. Politico [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.politico.com
25. Real Clear Politics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.realclearpolitics.com
26. The Daily Beast [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thedailybeast.com/
27. The Full Transcript of President Barack Obama's Farewell Speech [Электронный ресурс] / The Time. – Режим доступа: https://time.com/4631007/president-obama-farewell-speech-transcript (дата обращения: 20.12.2020)
28. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.theguardian.com

29. The Nation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thenation.com/article/archive
30. The New York Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nypost.com
31. The Time [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://time.com
32. The Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com
33. The White House [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/proclamation-national-day-prayer
34. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.urbandictionary.com

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

Абрамичева Е. Н., Зайцева В.В., Сокол А. А.

Статья посвящена исследованию библейского интертекста в политическом дискурсе. В качестве основных механизмов создания библейского интертекста рассматриваются прямое цитирование библейских прецедентных текстов, использование семантически модифицированных библейских единиц (квазицитация), аллюзия. В задачи исследования входило: изучить *библеизм* как прецедентную единицу и одновременно как интертекстуальный элемент, выполняющий особую прагматическую функцию в языке политики; изучить функции библейского интертекста в политическом дискурсе; проследить тенденции использования библеизмов в условиях современной политической ситуации. Материалом исследования послужили тексты электронных и печатных американских, британских и испанских медиаресурсов: The Guardian, The Time, The Nation, The New York Post, La Nación, El Mundo и др., а также тексты публичных выступлений американских, британских и испанских политиков за последний год. Методологической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные библеизмам, переводу и интерпретации Библии, анализу политического дискурса, теории прецедентности и интертекстуальности. Особенности функционирования библейского интертекста рассматриваются на примере политического дискурса кризисных ситуаций текущего периода.

Ключевые слова: библеизм, библейский интертекст, прецедентная ситуация, политическая ситуация, политический дискурс.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 87–95.

УДК 811.161

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ ИМПЕРАТИВА И ОБРАЩЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Алиева Э. А.

Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан
e-mail: alieva.elvina@rambler.ru

В статье представлены результаты комплексного анализа функционально-семантического потенциала императива и обращения в монологическом тексте орнаментальной прозы первой трети XX века. Комплексный анализ данных языковых средств на материале художественных произведений самых ярких представителей орнаментализма: А. Белого, К. Федина, В. Набокова, Ю. Тынянова – показал модификацию функций и семантики данных субъектно-экспрессивных форм синтаксиса на горизонтальном (в синтагматике речевой цепи) и вертикальном (на уровне целого текста) срезах художественного орнаментального произведения.

Проведенный анализ использования императива и обращения в орнаментальной прозе позволил выявить схожие со стихотворной речью, а также специфичные для поэтического стиля названных авторов семантико-функциональные особенности названных речевых форм устного диалога. Формы повеления развивают в художественно-прозаической речи функциональную асимметрию по типу отношений омонимии, полисемии и синонимии. Изменение условий коммуникаций также, как и в стихотворной речи, приводит к совмещению в обращениях функций адресации с номинацией или характеризацией, либо усложнению апелляции эмотивной функцией. Полифункциональные обращения и повелительные высказывания оказываются средством выражения сложной информации, свойственной орнаментальной прозе, ориентированной на язык лирической поэзии. Делается вывод, что на уровне макротекста данные синтаксические категории участвуют в осуществлении игры пространственных планов, чередовании повествовательных форм, в субъективизации повествования, в создании полифонизма речевой структуры художественного текста и лейтмотива центральной темы, в выполнении изобразительно-выразительной функции.

Ключевые слова: субъектно-экспрессивные средства синтаксиса, речевые формы устного диалога, вопрос, императив, обращение, орнаментальная проза.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение экспрессивных синтаксических средств, стилистического их использования отдельными писателями представляется одним из актуальных направлений в области лингвистики.

До сих пор в лингвистике нет точного списка экспрессивных синтаксических средств, каждый лингвист, занимающийся проблемой экспрессивного синтаксиса, приводит свой набор названных единиц (А.П. Сковородников [12], Н.Г. Акимова [3], И.И. Ковтунова [11], Э.М. Береговская [6], Бао Хун [4], Н.В. Князева и

Е.Е. Королькова [9] и мн. др.). Этим объясняется неутихающий интерес лингвистов к данной теме.

В 20-х годах XX века творческие искания многих писателей шли по пути обновления формы художественного текста, что сказалось и на языке. Одним из принципов искусства слова провозглашается прием «затрудненной формы», который воспроизводился различными способами. На место классическому типу объективного повествования приходит орнаментальная проза, ориентированная на язык лирической поэзии, что проявлялось в передаче эмоционального восприятия мира субъектом речи, а также в воспроизведении идеологической позиции героя, в имитации его внутренний речи. Этому способствовало использование в языковой структуре орнаментальных произведений экспрессивных форм синтаксиса. Образцами орнаментальной прозы считаются произведения А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар». Речевая структура названных романов характеризуется экспрессивностью и использованием большого количества субъектно-экспрессивных средств синтаксиса, отличающихся своеобразием функционального потенциала (В.И. Забурдяева [8], А.А. Хамракулов [14], И.Н. Чеплыгина [15], Д.М. Халилова [13] и др.). В языковой структуре названных романов среди субъектно-экспрессивных средств синтаксиса выделяются речевые формы устного диалога (далее РФУД). К ним относятся вопрос, повеление, обращение и формы второго лица глаголов и местоимения. И.И. Ковтунова [10], рассматривая функциональный потенциал этих языковых единиц в поэзии, распределила их на две группы: сильные и слабые. К сильным, она отнесла вопрос и повеление, которые «предполагают определенную реакцию собеседника» [10, с. 61], а к слабым – обращение и второе лицо глаголов и местоимений, «не требующие определенной реакции со стороны адресата» [10, с. 61]. Лингвист отмечала, что изменение, усложнение и преобразование функций данных языковых категорий происходит под влиянием своеобразия поэтического языка и условий коммуникативных ситуаций.

Анализ особенностей использования вопроса в названных произведениях, способов его выражения, типов включения в текст, отношений и видов связи с окружающим контекстом, показал его богатый семантико-функциональный статус как на микро-, так и на уровне макротекста. Этому посвящена наша монография «Семантико-функциональный потенциал вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века)» [1]. При описании функционального своеобразия названной языковой единицы мы не раз обращали внимание [1] на то, что вопросу сопутствуют все названные РФУД, включаясь либо в состав вопросительного предложения, либо в окружающий его контекст. В данной статье мы рассмотрим своеобразие двух РФУД, а именно повеления (императива) и обращения.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Формы императива приобретают различные типы модально-эмоциональных значений: долженствования, эмоционально-окрашенного пожелания, просьбы – мольбы, заклинания; могут совмещать сообщение о факте с модально-волевой

оценкой или значения повеления и условия. То есть формы повеления развивают в художественно-прозаической речи функциональную асимметрию по типу отношений омонимии, полисемии и синонимии. Так как грамматическая форма повелительного наклонения не утрачивает зачастую своего первичного значения, то возникает «частичная асимметрия между формой и функцией – асимметрия на фоне симметрии» [10, с. 169-179]. Анализ также показал, что формы повелительного наклонения глаголов, употребляясь в монологической речи, могут становиться би- и полифункциональными (то есть выполняющие две или несколько функций). Полифункциональные повелительные высказывания оказываются средством выражения сложной информации, свойственной орнаментальной прозе, ориентированной на язык лирической поэзии. Так, например, в речевой ткани романа «Смерть Вазир-Мухтара» повеления, встречающиеся в пространном монологе Сипягина и в диалоге Грибоедова со своей совестью, в связи с тем, что они непосредственно направлены к собеседнику, не теряют своей первичной функции – апеллятивной и выражают волеизъявление: приказ, просьбу и т.д. Например: *Нет, вы* ***скажите****, полковник!* В данном случае форма синтаксического побудительного наклонения, образованная постановкой спрягаемого глагола во втором лице множественного числа, в сочетании с местоимением *Вы* выражает настойчивость адресанта речи, Сипягина, то есть передает его эмоционально-экспрессивную интенцию. Кроме того, все повеления в этом монологе в сочетании с обращением и местоимением во втором лице множественного числа создают эффект присутствия безмолвного собеседника, то есть возникает диалогизация монолога.

При автоадресации (в разговоре Грибоедова со своим вторым «Я») волеизъявление актуализируется, но в связи с тем, что в этом разговоре наблюдается раздвоение личности при обращении героя ко второму «Я» как к обыкновенному собеседнику, то в формах повеления наблюдается расширение значения. Так, например, в отрывке: - ***Присядь, подумай***. – *Ты сегодня пнул ногой собаку на улице,* ***вспомни***. – формы повелений, кроме побуждения к действию, выражают и желание, чтобы адресат осуществил это действие. Кроме того, формы повеления в сочетании с местоимением второго лица («*я*» – «*ты*») единственного числа создают дистанцию, воплощают раздвоенность внутренней позиции героя, способствуют диалогизации монолога [1].

Утрата и ослабление прямого побудительного значения и появление модальных значений в данных формах возникает в связи с необычным характером адресованности речи. Так, в приведенном ниже примере повествователь-рассказчик адресует свою речь неопределенному адресату, читателю как непосредственно не присутствующему в момент речи лицу. В связи с этим в форме повелительного наклонения глагола значение побуждения к действию уступает место выражению желания выполнения названного действия адресатом, например: *Тридцать нолей: это ужас; да:* ***зачеркните вы единицу*** *– провалятся тридцать нолей. («Петербург»)* Так как между предикативными частями второго компонента этого бессоюзного сложного предложения усложненной конструкции устанавливаются условно-следственные отношения, то морфологическая форма второго лица множественного числа повелительного наклонения выражает синтаксическое условное наклонение и

относится к плану неопределенно-будущего времени. Осуществление пожелания, выраженного субъектом речи, окажется тем условием, которое повлечет за собой закономерное следствие.

Отсутствие адресата в момент речи или адресации к неодушевленному предмету обусловило утрату прямого значения побуждения и приобретение «значения желательности» [5, с. 94], что сближает побудительные предложения с оптативными, то есть возникает синонимия между этими типами предложения.

В ниже приведенном примере наблюдается противоположная картина: *Вечером город кажется неизведанным, таинственным, модным. Огни магазинов переряжают человека на каждом шагу. Вот он мрачен и загадочен, вот ласков и простодушен, вот печален, вот радостен. Если хочешь перелить свое счастье в мускулы и кости и пробовать его на ощупь ладонью – **выйди** на улицу в час, когда только что засветились фонари и лавки, пробеги сквозь снующие по тротуарам девичьи выводки, **разминись** с ловеласом, бездельником жуиром, **посторонись** занятого озабоченного человека… («Города и годы»).* В сложноподчиненном предложении усложненной конструкции часть, включающая формы повеления, – главная. Глагол в морфологическом повелительном наклонении выражает не столько требование, сколько модальное значение долженствования, совета. Форма повелительного наклонения, не связанная с передачей воли говорящего, служит только «образным» обозначением возможности действия. Выражение возможности действия указывается специальным лексическим окружением «если хочешь». Связь действия с субъектом «представляется уже навязанной субъекту» [15, с. 52], которым в данном случае посредством обобщенного второго лица является любой, всякий вообще. Обобщенный смысл, высказанный формами повелительного наклонения, помимо «неопределенного адресата придает им модальное значение, позволяющее частично соотнести их с модальными суждениями» [10, с. 81]. Данные формы повеления являются знаком переключения с объективно-авторского на субъективно-авторское повествование.

Этот своеобразный монолог повествователя, адресованный читателю, представляет собой лирическое отступление, внутренне связанное с повествованием, и является композиционно-структурной формой когезии[1].

В других случаях наблюдается ослабление первичной функции повеления и приобретение не одной, а нескольких несвойственных данной форме устного диалога функций. Так, в ситуации, где субъектом речи выступает герой и сближенный с ним повествователь, адресующие свою речь к не лицу, формы повелительного наклонения утрачивают прямое значение побуждения, в связи с необычной адресацией, и приобретают более сложные языковые значения. Обратимся к

[1] В орнаментальном субъективном повествовании можно наблюдать связь между отдельными частями текста, отстоящими иногда друг от друга на значительном расстоянии. Для обозначения подобной связи используется термин «когезия». По определению И. Р. Гальперина, это «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную), взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» См. об этом: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – С. 74.

примерам: *Ветер взморья рванулся: посыпались последние листья: и Александр Иванович все знал наизусть:* ***Будут, будут кровавые,*** *полные ужаса дни, и потом – все провалится; о,* ***кружитесь, о вейтесь,*** *последние дни!* ***О, кружитесь, о вейтесь*** *по воздуху вы, - последние листья! («Петербург»)* В данном отрывке формы повелительного наклонения от глаголов несовершенного вида с лексическим значением длительности обозначают одновременно желаемое действие и относящееся к плану неопределенно будущего времени, и реальное действие, которое уже происходит в момент речи. В этом случае повелительное по форме высказывание сообщает о том, что происходит сейчас и желательно, чтобы происходило в будущем. Это сближает подобные формы с изъявительным наклонением. Но в отличие от изъявительного наклонения сообщение в форме повеления одновременно передает и эмоционально-оценочное отношение к нему со стороны субъекта речи-повествователя: его желание, чтобы это происходило и продолжалось, на что указывает повтор повелительных форм. В то же время двукратный повтор с лексическим распространением, усиливая значение желательности, придает этим формам и всему отрывку значение заклинания. В связи с тем, что здесь временной отрезок уподобляется предмету, возникает индивидуально-авторская метафора. Под влиянием специфических условий коммуникаций (то есть адресация героя и сближенного с ним повествователя к заведомо некоммуникабельному адресату – не лицу) данное обозначение становится коммуникативной метафорой. Субъективная ассоциация, связывающая протекание временных отрезков (дни) с полетом осенних листьев, позволяет приписать этим «дням» изначально несвойственные им действия, что усиливает поэтическую функцию форм повеления «*кружитесь, вейтесь*».

Итак, повеления, выполняющие функцию сообщения, становятся частичными синонимами повествовательных предложений. Но так как формы повелительного наклонения, кроме функции сообщения, несут в себе еще модально-оценочное и волевое значение, то в рамках определенного контекста возникает полисемия.

Изменение условий коммуникаций, также, как и в стихотворной речи, может приводить к совмещению в обращениях функций адресации с номинацией или характеризацией, либо усложнению апелляции эмотивной функцией. Так, в ситуации, где речь повествователя обращена к внешнему адресату, читателю, представлено обращение, выраженное простым субстантивным словосочетанием, сопровождающееся междометием «о»: ***О, достойный читатель****, явили наружность бриллиантовых знаков без юмора мы: как она предстояла бы всякому наблюдателю…* («Петербург») Оно представляет собой обращение-характеризацию (по Ковтуновой), так как оно заключает в себе квалификативные признаки адресата (обращение-отношение, по Формановской) и сигнализирует об отношении адресанта к адресату, сообщая последующему высказыванию дополнительную вежливость, в которой чувствуется авторская ирония. В тоже время, посредством обращения к читателю, создается эффект присутствия, приближения адресанта к адресату.

Аналогичный пример: *Дай руку,* ***дорогой читатель****, и выйдем со мной в лес. Смотри: сначала – сквозистые листы, с островками чертополоха, крапивы или царского чая.* («Дар») Данное обращение тоже создает эффект присутствия адресата в момент речи. Совместно с глаголом второго лица повелительного наклонения,

призывающим внешнего адресата к совместному действию, к сотворчеству, оно переносит читателя в романный мир, то есть раскрывает перед ним возможность, которую в силах осуществить «волшебник» автор.

В ситуации, когда автор приближен к герою, передает его мысли, переживания, чувства, обращения также не теряют первичную функцию апелляции. Например: *Тогда Мари скользит по мутно-серым фасадам старых домов, слепыми улицами, бегущими от ратуши черной пятерней к беззвучным променадам… в нее. Потом по лестнице – шестьдесят семь ступенек, если через одну – тридцать четыре шага. Если придешь точно – в восемь вечера по часам ратуши, – приоткрытый вход на четвертой площадке. В него. Через переднюю, прямо. Там. Только точно в восемь вечера по часам ратуши,* ***Мари****! Только точно****, Мари****! («Города и годы»).* Присутствие в контексте глагола 2 лица усиливает адресацию речи. На значение адресации, свойственное всему высказыванию «*Только точно…*», накладывается модальное значение, которое несет в себе, контекст, содержащий диалогические формы: глагол во 2 лице ед.ч., дейктические местоимения, неполные и эллиптические структуры, побудительные предложения. Они свидетельствуют о глубинной внутренней связи между адресантом и адресатом, создают иллюзию присутствия субъекта речи, одновременности его восприятия действительности и речи.

Анализ показал, что основная функция обращений в орнаментальной прозе состоит в том, чтобы создавать эффект присутствия субъекта речи, иллюзию непосредственного восприятия читателем отраженной в произведении художественной реальности. Апелляция речевого субъекта к странам, городу, явлениям природы и т.д., ставшими его внутренними адресатами, представляет собой коммуникативную метафору, усиливающую характерные для речевой ткани романа выразительность и эмоциональность.

Они участвуют в создании субъективизации повествования. Например: *В полдень послышался клюнувший ключ, и характерно трахнул замок: это с рынка домой Марианна пришла Николаевна; шаг ее тяжкий под томный шумок макинтоша отнес мимо двери на кухню пудовую сетку с продуктами.* ***Муза Российския прозы****, проснись навсегда с капустным гекзаметром автора «Москвы»*. В предшествующем контексте В. Набоков пародирует стиль А. Белого. Обращение к Музе и содержание последующего побудительного предложения не оставляет сомнений в том, что предшествующий текст – стилизация. Обращение и повеление акцентируют внимание читателя на этом, следовательно, они выполняют метатекстовую функцию. Вместе с тем столь «пышное», приподнятое с устарелым книжным окончанием прилагательное *Российския* в обращении, контактирующее с нейтральной тональностью текста, свидетельствует об иронической авторской оценке ритмизированной прозы Белого.

В то же время все обращения к нелицам, к заведомо некоммуникабельным объектам, выступают в роли «коммуникативной метафоры» [10, с. 90]. Подобные обращения используются в речевой ткани романов для воплощения акта коммуникации между разными внутренними сторонами речевого субъекта. Тексты, заключающие обращения к нелицам, могут не нести никакой информации, а воплощать духовные поиски или передавать душевное состояние субъекта речи. В

обращении к нелицам значение адресации ослабевает, оно свидетельствует о близости, о глубоком внутреннем контакте субъекта речи с адресатом. Такие обращения, сопровождающиеся речью во 2 лице, вклиниваются в объективно-авторское повествование, несобственно-прямую речь героев или прерывают диалог героев без какой-либо подготовки.

ВЫВОДЫ

Анализируемые синтаксические категории на уровне макротекста участвуют:

- в осуществлении игры пространственных планов (переход от 3 ко 2 лицу); чередовании повествовательных форм: игра внешней и внутренней точками зрения осуществляется с помощью императива и обращения не только в рамках всего художественного целого, но и в отдельных фрагментах текста, на уровне сложного синтаксического целого;
- в субъективизации повествования;
- в создании полифонизма речевой структуры художественного текста;
- в создании лейтмотива центральной темы, лежащей в основе произведения;
- в раскрытии внутреннего состояния субъекта речи (повествователя или героя), его идеологических позиций, то есть выполнении изобразительно-выразительной функции.

Список литературы

1. Алиева, Э.А. Семантико-функциональный потенциал вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века): монография [Текст] / Э.А. Алиева – Ташкент, 2016. – 128 с.
2. Алиева, Э.А. Функциональный статус второго лица местоимений и глаголов в языке орнаментальной прозы [Текст] / Э.А. Алиева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Выпуск 120, № 3 (437), 2020. – С. 7–11.
3. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст] / Г.Н. Акимова. – М., 1990. – 168 с.
4. Бао, Хун. Экспрессивные средства русского синтаксиса в структуре текста [Текст] / Хун Бао. – М., 2003. – 252 с.
5. Белошапкова, В.А. Современный русский язык. Синтаксис [Текст] / В.А. Белошапкова. – М., 1977. – 248 с.
6. Береговская, Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису [Текст] / Э.М. Береговская. – М., 2004. – 208 с.
7. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1980. – 360 с.
8. Забурдяева, В.И. Вставные конструкции в романе В. Набокова «Дар» [Текст] / В.И. Забурдяева // Актуальные вопросы преподавания и изучения русского языка и литературы на современном этапе. – Ташкент, 1994. – С. 34–39.
9. Князева, Н.В., Королькова, Е.Е. К вопросу об экспрессивных синтаксических средствах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html.
10. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис [Текст] / И.И. Ковутнова. – М., 1986. – 208 с.
11. Ковтунова, И.И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века [Текст] / И.И. Ковтунова // Очерки истории языка

русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. – М., 1993. – С. 106–154.
12. Сковородников, А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка [Текст] / А.П. Сковородников. – Томск, 1981. – 255 с.
13. Халилова, Д.М. Семантико-функциональные особенности номинативных рядов в русской орнаментальной прозе XX века [Текст]: авт. дис… канд. фил. наук / Д.М. Халилова. – Ташкент, 2011. – 26 с.
14. Хамракулов, А.А. Вставные конструкции в русской художественной прозе первой трети XX в. [Текст] : авт. дис… канд. фил. наук / А.А. Хамракулов. – Ташкент, 1998. – 22 с.
15. Чеплыгина, И.Н. Языковые средства экспрессивности в художественной прозе В. Набокова [Текст] : авт. …докт. фил. наук / И.Н. Чеплыгина. – Ростов-на-Дону, 2002. – 26 с.
16. Шмелев, Д.Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке [Текст] / Д.Н. Шмелев. – РЯШ, 1961, № 5. – С. 52–61.

References

1. Alieva Je.A. *Semantiko-Funktsionalnye Osobennosti Voprosa v Khudozhestvenno-Prozaicheskom Monologe (Na Materiale Yazyka Russkoi Prozy Pervoi Treti XX Veka): Monografiya* [Semantic and Functional Features of the Issue in the Artistic and Prose Monologue (Based on the Material of the Russian Prose Language of the First Third of the Twentieth Century). A Monograph]. Tashkent, 2016. 128 p.
2. Alieva Je.A. *Funktsionalnyi Status Vtorogo Litsa Mestoimenii i Glagolov v Yazyike Ornamentalnoy Prozyi* [The Functional Status of the Second Person of Pronouns and Verbs in the Language of Ornamental Prose]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*. Iss. 120, No. 3 (437), 2020, pp. 7–11.
3. Akimova G.N. *Novoe v Sintaksise Sovremennogo Russkogo Yazyka* [New in the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, 1990. 168 p.
4. Bao Hun. *Jekspressivnye Sredstva Russkogo Sintaksisa V Strukture Teksta* [Expressive Means of Russian Syntax in the Structure of the Text]. Moscow, 2003. 252 p.
5. Beloshapkova V.A. *Sovremennyi Russkiy Yazyk. Sintaksis* [Modern Russian Language. Syntax]. Moscow, 1977. 248 p.
6. Beregovskaya E.M. *Ocherki po Jekspressivnomu Sintaksisu* [Essays on Expressive Syntax]. Moscow, 2004. 208 p.
7. Vinogradov V.V. *O Yazyke Khudozhestvennoy Prozy* [About the Language of Fiction]. Moscow, 1980. 360 p.
8. Zaburdyaeva V.I. *Vstavnye Konstruktsii v Romane V. Nabokova Dar* [Linking Structures in V. Nabokov's Novel The Gift]. *Aktual'nye Voprosy Prepodavaniya i Izucheniya Russkogo Yazyka i Literatury na Sovremennom Jetape*. – Tashkent, 1994, pp 34-39
9. Knyazeva N.V., Korolkova E.E. *K Voprosu ob Jekspressivnykh Sintaksicheskikh Sredstvakh* [On the Question of Expressive Syntactic Means]. Available at: http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html.
10. Kovtunova I.I. *Pojeticheskii Sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow, 1986. 208 p.
11. Kovtunova I. I. *Printsip Nepolnoi Opredelennosti i Formy Yego Grammaticheskogo Vyrazheniya v Pojeticheskom Yazyke XX Veka* [The Principle of Incomplete Certainty and the Form of Its Grammatical Expression in the Poetic Language of the Twentieth Century]. *Ocherki Istorii Yazyka Russkoy Pojezii XX Veka. Grammaticheskie Kategorii. Sintaksis Teksta*. Moscow, 1993, pp. 106–154

12. Skovorodnikov A.P. *Jekspressivnye Sintaksicheskie Konstruktsii Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Literary Language]. Tomsk, 1981. 255 p.
13. Khalilova D.M. *Semantiko-Funktsional'nye Osobennosti Nominativnykh Ryadov v Russkoi Ornamental'noi Proze XX Veka: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Semantic and Functional Features of Nominative Series in Russian Ornamental Prose of the Twentieth Century. Abstract of Thesis]. Tashkent, 2011. 26 p.
14. Khamrakulov A.A. *Vstavnye Konstruktsii v Russkoi Khudozhestvennoi Proze Pervoi Treti XX V. Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Linking Structures in Russian Fictional Prose of the First Third of the Twentieth Century. Abstract of Thesis]. Tashkent, 1998. 22 p.
15. Cheplygina I.N. *Yazykovye Sredstva Jekspressivnosti v Khudozhestvennoi Proze V. Nabokova* [Linguistic Means of Expressiveness in V. Nabokov's Fiction. Abstract of Thesis]. Rostov-na-Donu, 2002. 26 p.
16. Shmelev D.N. Vneimperativnoe Upotreblenie Formy Povelitelnogo Nakloneniya v Sovremennom Russkom Yazyke [Non-Imperative Use of the Imperative Mood in Modern Russian]. RYASH Publ., 1961, No 5, pp. 52–61.

FUNCTIONAL-SEMANTIC SPECIFICITY OF SPEECH MEANS OF IMPERATIVE AND APPEAL AS KEY ELEMENTS OF EXPRESSIVE SYNTAX IN THE LANGUAGE OF THE WORKS OF THE ORNAMENTAL PROSE

Aliyeva Je. A.

The article presents the results of a comprehensive analysis of the functional and semantic potential of imperative and appeal in the monologue text of the ornamental prose of the first third of the 20th century. A comprehensive analysis of speech forms of the oral dialogue is based on the material of works of art by the most prominent representatives of ornamentalism (A. Bely, K. Fedin, V. Nabokov, Y. Tynyanov). It shows modification of the functions and semantics of these subject-expressive forms of syntax on the horizontal (in the syntagmatics of the speech chain) and vertical (at the level of the whole text) sections of an artistic ornamental work. An analysis of the use of the imperative and appeal in the ornamental prose made it possible to identify semantic and functional features of the above-mentioned speech forms of the oral dialogue similar to those of poetic speech and specific to the poetic style of the named authors. Forms of command in artistic and prosaic speech develop functional asymmetry. Types of relations are homonymy, polysemy, and synonymy. Changes in the conditions of communication, as well as in poetic speech, leads to the combination of addressing functions with nomination, characterization, or complication of the appeal with an emotive function. Multifunctional addresses and imperative statements turn out a means of expressing complex information, characteristic of ornamental prose, oriented to the language of lyric poetry. It is concluded that at the macrotext level these syntactic categories are involved in the implementation of the game of spatial plans, alternation of narrative forms, in the subjectivization of narration, in the creation of polyphonism of the speech structure of a literary text and the leitmotif of the central theme, in the performance of a pictorial and expressive function.
Key words: subjective-expressive means of syntax, speech forms of oral dialogue, question, imperative, appeal, ornamental prose.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 96–103.

УДК 811.161.1:32

КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА *ШУТ* В КУЛЬТУРЕ И КОММУНИКАЦИИ[1]

Бычина Ю. Н.

Институт филологии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
E-mail: yuliya.bychina@mail.ru

В предлагаемой статье выявляются особенности реализации ключевой единицы *шут* в современных медиатекстах с учетом ее семантического, прагматического и ассоциативного потенциала. В исследовании отмечается культурная составляющая лексемы, историческая, а также проводится лексикографический анализ ключевой единицы. В исследовании подчеркивается, что важную роль при метафоризации политических событий играют языковые единицы из неполитических сфер. Данные слова и конструкции транслируются на определенные сюжеты и ситуации и особенно характерны для социально-политических реалии последних лет. Обзор современных медиатекстов, приведенный в данной статье, позволяет говорить о том, что в последнее десятилетие наблюдается расширение арсенала образных средств, несущих ироничную коннотацию, что отражает реалии современной социально-политической системы. Лексема *шут* является одной из ярких языковых единиц, глубоко и полно характеризующих субъектов политики в ироничном ключе. Отмечаются и приводятся коннотативные характеристики ключевой лексемы, закрепленные лексикографически и в сознании носителей языка. В статье рассматриваются современные политические реалии и их отражение в массмедийном дискурсе, которые определяют значимость ключевой единицы *шут* как источника для ассоциирования.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, *шут*, политическая коммуникация, медиакоммуникация, метафора, коннотация.

ВВЕДЕНИЕ

Современный медиадискурс апеллирует к историческим и культурным фактам, реалиям, отражение которых приобретает в тексте определенную коннотацию. В частности, ценной представляется метафоризация языковых единиц, которые транслируются на тех или иных политических субъектов, эксплицируя и интерпретируя особенности их характера, поведения, действий. **Цель статьи.** Установление лексикографического потенциала и особенностей текстовой реализации ключевой единицы *шут* на материале медиатекстов 2010–2020 гг. Специфика метафоризации ключевой единицы *шут* в современном массмедийном дискурсе определяется исторически сложившимися и культурно обусловленными характеристиками.

[1] Исследование выполнено в рамках поддержанного ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» гранта № ВГ20/2018

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Происхождение данной лексемы имеет интересную и сложную историю, как и появление самих *шутов*. Первые упоминания о *шутах* появились в XIII–XIV веках, а их активное распространение пришлось на XV–XVI столетия. *Шутовство* зародилось в европейских дворах, при которых были люди, умевшие не только веселить господ, но и музицировать, жонглировать, проявлять актерские способности. В Россию *шутовство* пришло позже и в качестве прототипов имело таких персонажей, как Иван-дурак и юродивые, которые зачастую были противопоставлены Царю как обладатели некого тайного знания. Первое официальное упоминание о *шутах* в России мы находим во времена правления Ивана Грозного. Несмотря на стереотипные представления об Иване Грозном как о царе с жестоким правлением, он не отказывался от веселья, держал скоморохов и *шутов*. И хотя во многих исторических памятниках отмечается, что Иван Грозный любил тешиться вместе со своими *шутами*, мы находим множество заметок и о его жестоком отношении к ним. *Шутовство* было распространено также при Петре Первом, отличавшемся от предыдущего правителя отсутствием жестокости по отношению к *шутам*.

Культурная составляющая образа *шута* неразрывно связана с лингвистической составляющей слова-репрезентанта. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечается лексемы *шут* родство с лит. siaũsti, siaučiù, siaučiaũ, что значит «бушевать, бешенство, ярость», siusti – беситься, аналогично в латышском «злиться», siaũstis – «веселиться», лтш. šaũlis – «дурак» [8, с. 491]. Интересным представляется первоначальное значение – обозначение пустого, полого. Таким образом, мы можем говорить о том, что изначально ядерным значением лексемы *шут* было не веселье, а антонимичные дефиниции – ярость и злость, не типичные при формировании образа *шута* в современной русской лингвокультуре. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отсутствует словарная статья *шут*, но в определении лексемы дурак мы находим следующее: «*шут*, промышляющий дурью, *шутовством*» [2, с. 516]. Ядерной семой, таким образом, становится компонент ‘глупость’, который в этимологическом словаре был на периферии.

В следующих словарях отметим одну из позиций с пометой «разговорное»: *шут* – то же, что черт. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова приводится следующая интерпретация: 1. В старину лицо при барском доме или при дворце, в обязанности которого входило развлекать забавными выходками господ и госте; 2. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях, паяц; 3. перен. человек, паясничающий и балагурящий на потеху другим, являющийся общим посмешищем (пренебр.); 4. употр. как эвфемизм вместо чорт, дьявол в некоторых выражениях (разг. фам.) [7, с. 541]. Схожее определение дефиниции *шут* дается в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова: «1. Острослов и ~ник, специально содержащийся при дворце или при богатом барском доме для развлечения господ, гостей забавными выходками; 2. Комический персонаж в балаганных представлениях, паяц; 3. перен. Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим (разг. неодобр.); 4. В некоторых устойчивых сочетаниях: то же, что черт [6, с. 85]. Для полного понимания рассматриваемой нами

лексемы обратимся к словарной статье для слова черт в современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой: «сверхъестественное существо, олицетворяющее собою злой дух, злое начало мира; Дьявол, Сатана (обычно в образе человека, но с рогами, хвостом и копытами)» [4, с. 715]. Таким образом, ядерной становится сема ‘злость’. Отметив, что во всех лексикографических источниках зафиксировано определение «черт», можем предположить, что сама ключевая единица *шут* пришла к нам из язычества, сохранив родство между понятиями *шут* и черт. Данный тезис подтверждается языковыми фактами из паремиологии: например, вместо фразы «черт с ним» часто употребляют «*шут* с ним», зафиксированы такие параллели, как «черт его знает»/ «*шут* его знает», «на кой черт/на кой *шут*» и т.д.. В Словаре русского языка *шут* – это в первую очередь «лицо при дворце или барском доме, в обязанности которого входило развлекать своих господ и их гостей забавными выходками, остротами, шутками. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях; паяц» [3, с. 652]. В словарной статье зафиксированы пометы переносное, разговорное и пренебрежительное – «тот, кто паясничает и балагурит на потеху другим, является общим посмешищем; употребляется в составе некоторых бранных выражений (например: *шут* его знает, *шут* с ним, на кой *шут* и т. п.) в значении черт» [3, 652].

Таким образом, при анализе лексикографических источников, мы отмечаем превалирование отрицательной коннотации и сем ‘злость’ и ‘глупость’. Сема ‘комичность’ акутализируется в только прямом значении лексемы. Именно данная сема, как покажет анализ медиатекстов, становится ядерной при реализации слова *шут* в СМИ.

Для более детального и глубокого понимания особенностей функционирования данной единицы проанализируем контексты с ключевой единицей *шут*. Основным отличием от других лексем, имеющих преимущественно нейтральную коннотацию и относящихся к сфере «субъекты театра / цирка», лексема *шут* во всех контекстах указывает на определенного человека. Так, например, если лексема *режиссер* могла обозначать некую совокупность лиц и использовалась чаще во множественном числе [1], то лексема *шут* преимущественно употребляется в единственном числе. Данная особенность говорит о том, что лексема *шут* используется не для скрытого указания на политического деятеля, а для усиления отрицательной коннотации с прямым указанием на личность. Анализ русскоязычных политических СМИ показал, что данная лексема весьма активно номинирует такого политического деятеля, как Владимир Жириновский: *Эпатажный* ***шут российской политики Владимир Жириновский*** *изначально являлся проектом КГБ, а затем стал марионеточной оппозицией. Сначала Ельцина, потом Путина. Сейчас он предлагает упразднить выборы, вернуть Российскую империю и пойти войной на соседние страны. Эксперты уверены: это было бы смешно, если бы не было вполне реальными планами Кремля, вложенными в уста скомороха.* (Факты, 2018. 17 марта). Данный контекст усиливается адъективом *эпатажный*. Эпатаж – это поведение, которое противоречит общепринятым нормам; особенностью которого является скандальность [4]. Кроме этого, в контексте говорится о принадлежности *шута* определенным лицам, что мы можем соотнести с лингвокультурологической справкой, в которой говорится о том,

что *шуты* – это люди, находящиеся при высокопоставленных личностях, при этом в обязанности *шутов* входило развлекать и угождать. Данный тезис подтверждается и следующим контекстом: *Может быть, в глубине души Джонсон не думает о более высоком посте.* ***Он может быть шутом****, и это гораздо интереснее, поскольку популярность его личности может стать самой непредсказуемой сюжетной линией в истории правительства Терезы Мэй* (Газета.RU, 2017. 12 апреля). В приведенном контексте делается акцент на том, что *шутом* нельзя назвать высокопоставленное лицо; *шут* – это персонаж, который находится на ступень ниже правящей верхушки.

В отдельных контекстах ключевая единица *шут* используется для представления определенной личности в невыгодном свете, где соответствующий субъект становится объектом порицания и иронии: *Неутомимый игрок, который едва ли хочет стать президентом:* ***Владимир Жириновский — шут российской политики*** (Россия сегодня, 2018. 17 марта). ***Шут Порошенко*** *вновь порадовал публику* (Правда, 2018. 29 июля). *«Это шоу за наши деньги, и мы это все оплачиваем. И этим украинским экспертам мы платим, они, думаете, так просто себя* ***шутами*** *выставляют», — сообщил Максим Шушков.* (Газета.RU, 2018. 12 сент.). В некоторых медиатекстах используются адъективы, помогающие отнести персонажа, названного ***шутом***, к определенной социополитической сфере: ***Кремлевский шут*** *требует посадить Собчак на пять лет за украинский Крым.* ***Жириновский*** *назвал слова Собчак «чушью» и «дикостью», а также пожаловался, что ей никто не может закрыть рот* (Украина криминальная, 2018. 17 марта). Отметим, что во многих медиатекстах реализуются адъективы, усиливающие отрицательную коннотацию: «***Жириновского называют политическим шутом****. Но, на наш взгляд, слово «шут» не в полной мере отражает его характер», – считает З. Аскеров* (1news.az. 2015. 13 дек.); ***Коррупционный шут*** *Навальный на страже НАТО* (Политэксперт, 2018. 17 марта).

Медиатексты с употреблением ключевой единицы *шут* во множественном числе были зафиксированы в меньшем количестве, однако даже в таких контекстах напрямую назывались конкретные персонажи: *Доверенными лицами кандидата на выборах будут* ***два телевизионных шута****. Доверенными лицами кандидата на пост президента России Владимира Путина стали ведущий программы "Поле чудес" Леонид Якубович и основатель "КВН" Александр Масляков* (Деловая столица, 2018. 17 марта). Ключевая единица *шут* раскрывается через сферу деятельности представленных личностей, являющихся ведущими развлекательных программ, что актуализирует семы ‘веселье’ и ‘комичность’, которые в лексикографических источниках уходят на периферию.

Особенность политического дискурса заключается в том, что его основной функцией является функция воздействия, которой подчиняются все остальные функции – информативная, когнитивная, оценочная. В политическом дискурсе автор стремится оказать как можно более сильное влияние на аудиторию, поэтому чаще всего используется агрессивно заряженное слово, сопровождающие ключевую лексему: ***Шут*** *и* ***медийный преступник****: кем на самом деле является* ***Алексей Навальный*** (Информ, 2018. 23 февр.). В контексте моделируется образ человека,

игнорирующего общепринятые правила морали и этические нормы в медийной сфере. В следующем медиатексте *шут* характеризуется как персонаж с «дурной славой»: *К Петру Порошенко, в отличие от некоторых его приближенных, как-то* ***не приклеился ярлык политического шута****. Однако произнесенное на днях обращение к Верховной раде может принести президенту дурную славу, подобно той, что заслужил киевский мэр Виталий Кличко.* (Факты, 2015. 9 июня).

Для усиления ядерных сем во многих медиатекстах используется синонимический ряд слова *шут*: *Когда голосом президента такой страны становится* ***ругающийся шут и скоморох*** *в колпаке с бубенчиками, становится даже немного страшновато* (Data.ua. 2016. 23 авг.). Ключевая единица *шут* реализуется в первую очередь по отношению к политикам, чье поведение выходит за рамки общепринятых норм, является неприличным и вызывающим: *«…****Вы*** [Ю. Мосийчук – *Ю. Б.*] – ***клоун и шут****, радующийся возможности напомнить о себе», – сказала Поклонская* (Газета.RU, 2018. 13апр.).

Интересным представляется факт, что посредством образа *шута* и синонимичных языковых единиц описывается такое политическое событие, как выборы, которое, по мнению автора статьи, является фарсом и заранее продуманным действием: *Дело в том, что* ***выборы можно превращать в шоу, но их нельзя превращать в клоунаду****. В российской политике уже есть один такой* ***политический клоун****, которому можно почти все. Но* ***роль шута*** *при царе – довольно избитый сюжет, к тому же в свое время он сыграл достаточно важную роль раскола коммунистического электората. Но* ***два шута*** *на выборах – это уже перебор* (Русская весна, 2018. 11 июня). Частотным в употреблении является словосочетание *шут* гороховый, которое лексикографически зафиксировано. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» *шут* гороховый (прост., пренебр.) – «1. Пустой, глуповатый, недалекий человек, служащий посмешищем для всех 2. Бранное выражение в адрес презираемого человека. 3. Старомодно, безвкусно, смешно одетый человек» [9, с. 703]. В большом толково-фразеологическом словаре М. И. Михельсона отмечаем помету *иноск.* бранно – шутник, забавный, весельчак по призванью или ремеслу [5, с. 1915]. Само происхождение фразеологизма имеет несколько версий. Одна из них сопоставляет образ *шута* с чучелом, устанавливаемым на гороховом поле для отпугивания птиц. Называли такое сооружение по-разному: чучелом, пугалом и, в том числе, «*шутом*» на гороховом поле, а значит «гороховым». По внешней сходству с пугалом «*шутом* гороховым» стали называть выступающих на площадях и ярмарках скоморохов с гороховой соломой на голове. Затем данное выражение стало употребляться по отношению к неопрятно и некрасиво одетому человеку. Однако большинство лингвистов склоняется к версии происхождения выражения от атрибутики образа *шута*. Неотъемлемыми атрибутами *шутовского* образа были костюм в полоску желто-зеленого цвета, трехконцовый колпак с бубенчиками и погремушка. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля *шут* полосатый отождествляется с *шутом* гороховым. Что касается погремушки, то некоторые языковеды полагают, что именно этот шутовской атрибут способствовал появлению фразеологизма «*шут* гороховый», поскольку она представляла собой палочку, на одном конце которой

крепился бычий пузырь, наполненный сухим горохом, а сам выход *шута* на сцену сопровождался шумом этого атрибута.

В медиатекстах отсутствует развернутое описание образа горохового *шута*, употребление данного фразеологизма только усиливает семы ‘комичный’, ‘смешной’, ‘нелепый’. ***Родившийся шутом****, королем не станет никогда, даже если годами будет протирать штаны на королевском троне, а его указы на серьезные темы будут только смешить народ, - написал Рамзан Кадыров в своем Instagram. - Американцы поймали Саакашвили и посадили в президентское кресло. И теперь этот шут гороховый дает советы Украине, как победить Россию. Каким же шутом должен быть Порошенко, слушающий этого скомороха?* (Комсомольская правда, 2015. 07 февр.). Данный контекст ярко показывает усиление отрицательной коннотации при употреблении адъектива гороховый. Фразеологизм *шут* гороховый употребляется по отношению к одному из субъектов, а затем автор медиатекста задает риторический вопрос: «Каким же *шутом* должен быть…?», усиливая отрицательную коннотацию по отношению к первому субъекту. Ярко выраженная негативная коннотация конструкции прослеживается и в следующем примере: *«****Шут гороховый****»: в соцсетях высмеяли «потерявшегося» Порошенко* (Росси сегодня, 2018. 26 сент.).

ВЫВОДЫ

Таким образом, современные политические реалии и их отражение в массмедийном дискурсе определяют значимость ключевой единицы *шут* как источника для ассоциирования. Исследуемый материал показал, что для создания образа *шута* характерно функционирование языковых единиц на уровне вторичной номинации. Лексема *шут* глубоко и полно отражает отдельные аспекты современных политических реалий и актуальных событий и служит основой для детальной интерпретации языковых единиц, вербализующих образ определенного типа политического деятеля. Трансформационный потенциал конструкции гороховый *шут* показывает степень изменений, происходящих в современном мире политики. Комплексное описание метафорического образа *шута* в русскоязычном медиадискурсе позволяет установить особенности его интерпретации в современной политической картине мира и выявить корпус языковых средств, участвующих в его моделировании.

Список литературы:

1. Бычина, Ю. Н. Метафорический образ режиссера в русскоязычном медиадискурсе [Текст] / Ю. Н. Бычина, Н. А. Сегал // Исследовательские парадигмы в современной филологии: Мат-лы V Всерос. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – С. 147.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: в 4 т. [Текст] / Даль В. И. – М. : Астрель, 2003. – 573 с.
3. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / А. П. Евгеньева. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. IV. С–Я. – 797 с.

4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х томах [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, 2006. – 976 с.
5. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка в 3 томах [Текст] / М. И. Михельсон. – М. : ЭТС, 2005. – 2208 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 сл. и фразеолог. выражений [Текст] / С. И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2001. – 943 с.
7. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Д. Н. Ушакова. Т. 4. – М. : Русские словари, 1995. – 754 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch [Текст] / Перевод и дополнения О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель, 2004. – Т. 4. – 860 с.
9. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А. И. Федоров. – М.: АСТ, 2008. – 880 с.
10. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / А. Н. Чудинов. – Изд. 3-е. – СПб.: Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. – 1004 с.

References

1. Bychina Yu. N. *Metaforicheskii Obraz Rezhissera v Russkoyazychnom Mediadiskurse* [Metaphorical Image of the Diretor in the Russian-Language Media Discourse]. Krasnodar, 2018. 147 p.
2. Dal' V. I. *Tolkovyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: Sovremennoe Napisanie: Tom 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern Writing: Vol. 4]. Moscow: Astrel' Publ., 2003. 573 p.
3. Yevgen'eva A.P. *Slovar' Russkogo Yazyka: Tom 4* [Dictionary of Russian language. Vol. 4]. Moscow: Rus. Yaz.; Poligrafresursy, Publ. 1999. 797 p.
4. Yefremova T.F. *Sovremennyi Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST, 2006. 976 p.
5. Mikhel'son M.I. *Bol'shoi Tolkovo-Frazeologicheskii Slovar' Russkogo Yazyka* [Big Explanatory-Phraseological Dictionary Of Russian Language]. Moscow: ETS Publ., 2005. 2208 p.
6. Ozhegov S.I. *Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka: 80000 Sl. i Frazeolog. Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 80,000 Words a nd Phraseology]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2001. 943 p.
7. Ushakov D. N. *Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkie Slovari Publ., 1995. 754 p.
8. Fasmer M. *Jetimologicheskii Slovar' Russkogo Yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel' Publ., 2004. Vol. 4. 860 p.
9. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii Slovar' Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of Russian Literary Language]. Moscow: AST Publ., 2008. 880 p.
10. Chudinov A. N. *Slovar' Inostrannykh Slov, Voshedshikh v Sostav Russkogo Yazyka* [Dictionary of Foreign Words Included in th Russian Language]. SPb: Izdanie Knigoprodavtsa V. I. Gubinskogo, 1894. 1004 p.

KEY UNIT JESTER IN CULTURE AND COMMUNICATION

Yu. N. Bychina

The article identifies the features of the implementation of the key unit jester in modern media texts, taking into account its semantic, pragmatic and associative potential. The study notes the cultural component of the lexeme, the historical one, as well as the lexicographic analysis of the key unit. The research emphasizes that language units from non-political spheres play an important role in the metaphorization of political events. These words and constructions are translated into certain plots and situations and are especially characteristic of the socio-political realities of recent years. The review of modern media texts given in this article suggests that in the last decade there has been an expansion of the arsenal of figurative means that carry an ironic connotation, which reflects the realities of the modern socio-political system. The jester lexeme is one of the most striking linguistic units that profoundly and fully characterize the subjects of politics in an ironic way. The connotative characteristics of the key lexeme, fixed lexicographically and in the minds of native speakers are noted and given. The article examines modern political realities and their reflection in mass media discourse, which determine the significance of the key unit of the jester as a source for association.

Key words: political text, political discourse, jester, political communication, media communication, metaphor, connotation.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 104–121.

УДК 81'373.7:81'38

ПРОСТОРЕЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Дьякова Т. А.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Луганск, ЛНР
E-mail: diako122@rambrler.ru

Исследование посвящено просторечной фразеологии как части словаря писателя Михаила Матусовского. Литературные произведения в контексте антропоцентрической парадигмы являются уникальным фактом национальной и мировой культуры, феноменом индивидуального творчества, источником познавательной информации. Фразеология как подсистема языка, служащая для воплощения этнокультуры лингвальными средствами, составляет неотъемлемую часть художественно-образной системы писателя. Фразеологический фонд произведений Михаила Матусовского достаточно разнопланов семантически и стилистически. В массиве фразеологических единиц значительную часть составляют просторечные выражения. Автор делает выводы о том, что М. Матусовский не только использует в текстах единицы, зафиксированные фразеографическими источниками, но и подвергает трансформации отдельные фразеологические обороты. Используется семантическое и структурное преобразование фразеологизмов. Среди способов структурной трансформации, примененных писателем, можно назвать такие: контаминация нескольких выражений, расширение компонентного состава фразем, замена лексических компонентов или их грамматических форм. Установлено, что в художественных произведениях фразеологизмы выполняют различные стилистические функции: обеспечивают эмоционально-экспрессивное звучание текста, служат портретными, речевыми характеристиками персонажей, передают психоэмоциональные состояния лирических героев, используются для описания предметов, употребляются как тропы.
Ключевые слова: фразеологическая единица; просторечие; тексты М. Матусовского; экспрессивность; речевая характеристика; портретная характеристика; этимология фразем, компонентный состав, трансформация фразеологических единиц.

ВВЕДЕНИЕ

Во фразеологии как разделе языка наиболее ярко проявляется национальный способ мировосприятия, поскольку национальная специфика фразеологического образа отражает особенности жизни и характера народа, его этнический быт в специальном подборе лексических компонентов того или иного фразеологического оборота. Фразеологизмы возникают на основе образного представления действительности, отражают повседневно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями. Субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры.

Значительную часть фразеологического фонда современного русского языка составляют устойчивые сочетания просторечного характера, немалая часть которых находит отражение в произведениях художественной литературы, поскольку, по

мнению Д. Шмелева, «потенциальная образность фразеологизма отвечает элементарной потребности разнообразить речь, средствами самой номинации придавать ей экспрессивно-оценочную направленность» [18, с. 291].

Цель работы – проанализировать семантический и стилистический аспекты функционирования просторечной фразеологии в творчестве Михаила Матусовского. Объектом изучения стали просторечные фразеологические обороты, использованные в произведениях М. Матусовского, предметом – этимология фразеологизмов, семантические и стилистические особенности их использования. Материалом исследования послужили тексты поэтических произведений писателя, включенные в сборники разных лет, и прозаический «Семейный альбом».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Общепризнанным является взгляд на фразеологический состав языка как на наиболее «прозрачную» подсистему для воплощения лингвальными средствами этнокультуры. Природа значений фразеологических единиц (ФЕ) тесно связана, как считает В. Маслова, с «фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на определенном языке» [7, с. 67–68]. Объектом изучения фразеологии являются ФЕ, которые, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, стереотипы, эталоны, архетипы.

Литературные произведения в контексте антропоцентрической парадигмы являются уникальным фактом национальной и мировой культуры, феноменом индивидуального творчества, источником познавательной информации, «продуктом речемыслительной деятельности автора» [9, с. 3]. В последнее время возрос интерес лингвистов к фразеологии писателей, объектом исследований стало творчество А. Ахматовой (Н. Кудрина), А. Вампилова (А. Овсянникова), А. Островского (Л. Наградова), Л. Толстого (О. Ломакина, Л. Мигранова), В. Шукшина (В. Елистратов) и др. писателей. Составлены фразеологические словари языка И. Бунина, В. Даля, М. Шолохова (А. Васильев).

Фразеологический фонд произведений Михаила Матусовского достаточно разнопланов семантически и стилистически. Массив устойчивых сочетаний, использованных автором, позволяет исследовать единицы с разных позиций: этимология выражений, их семантика, стилистические особенности использования фразеологизмов. Рассматривая просторечную фразеологию как часть словаря писателя, фразеологической единицей, вслед за А. Васильевым, будем называть «воспроизводимое сочетание двух и более знаменательных или служебных слов номинативного или коммуникативного характера, обладающее идиоматичностью и семантико-структурной устойчивостью» [2, с. 4]. Говоря о просторечных фразеологизмах, параллельно с термином «фразеологическая единица» в работе используем понятия «фразеологизм», «фразема», «фразеологический оборот», «фразеологическое выражение», «выражение», «устойчивое сочетание», «устойчивый оборот», понимая их как семантические синонимы. Принципом подачи фразеологизмов мы избрали алфавитный порядок ФЕ с учетом размещения знаменательных частей речи, входящих в состав выражений. Для анализа используем лишь те фразеологические единицы, которые идентифицируются как просторечные фразеографическими источниками или приобрели просторечную коннотацию в контекстуальном использовании. Фразеологизмы иной стилистической окраски

являются объектом изучения в других работах (высокая, разговорная, жаргонная фразеология). При цитировании в исследовании сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию.

Амуры завести – крутить амуры ‘заниматься любовными делами’ [34, с. 22]. ФЕ связана с толкованием слова ***амур*** – *разг. шутл.* ‘любовные дела, шашни’ [31]. Считаем, что в стихотворении выражение использовано в значении ‘заниматься любовными делами’, используется для характеристики персонажа и придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *Так ходил он, как туча, хмурый, / На себя и на ближних зол. / А потом, разомлев,* ***амуры*** */ С немкой Монсихою* ***завел*** [Т. 1, с. 337].

Брать след – ‘обнаруживать запах по следу и начинать преследование по нему’ (о собаке) [37, с. 80]. Очевидно, что фразеологизм родился в речи охотников, использование его как характеристики поведения человека придает повествованию оттенок просторечности, грубого пренебрежения. ФЕ используется в значении ‘преследовать кого-л.’, употребляется для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *Чугуниха* [прозвище школьного сторожа – Т. Д.] *все школьные новости ухитрялась узнавать первой, она умела* ***брать след*** *и делать стойку, услышав в коридоре малейший шум из класса* [СА, с. 39].

Брать за шиворот – *прост.* ‘взять, поймать, схватить кого-либо с целью наказать, привлечь к ответственности’ [35, с. 758]. Писатель использует «исторически маркированный компонент коннотации» [14, с. 190]: *шиворотом* в Московской Руси именовался расшитый воротник боярской одежды, являвшийся одним из знаков достоинства вельможи (*шив* + *ворот*, где *шивъ* – др.-рус. ‘шея’) [20, с. 638; 9, с. 302]. В тексте устойчивое сочетание используется, на наш взгляд, в значении ‘поймать’, выполняет функцию олицетворения, используется как метафора для придания экспрессивности повествованию: *Маленький город* ***брал нас за шиворот*** *и неумолимо возвращал к действительности* [СА, с. 43].

Быть в разгоне – *прост.* ‘не на месте, в отсутствии (быть, находиться)’ [35, с. 559]; *разг.* ‘не на месте (о людях, отправленных куда-л.)’ [26, с. 554]. Писатель, расширяя структуру выражения (добавлено сочетание сущ. *машины* + определит. местоим. *все*), использует фразеологизм в значении ‘быть не на месте’. Стилистически ФЕ является просторечной, применяется для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *...а так как* ***все машины*** *в тылу не задерживались и* ***были в разгоне****, то приняли решение добираться туда попутным транспортом* [СА, с. 193].

Валять дурака – *прост.* ‘поступать глупо, неразумно; делать глупости’ [35, с. 58]. По мнению исследователей, устойчивый оборот: 1) формально сближен с сочетаниями типа *ломать* (*корчить, строить, разыгрывать*) [*из себя*] *шута* (*паяца, клоуна, скомороха*); 2) связан с детской забавой с игрушкой-неваляшкой. Такую игрушку, которую называют Ванькой-встанькой, пытаются повалить. Это занятие является совсем несуразным для взрослых. Отсюда и просторечный вариант *валять ваньку* [20, с. 172]. В художественном произведении фразеологизм используется для речевой характеристики персонажа в форме: 1) прямой речи: «*Будьте довольны, молодой человек, что вас не списали из авиации. Если станете* ***валять дурака****, мы можем отправить и в резерв*» [СА, с. 82]; 2) косвенной речи с отрицанием, выраженным частицей *не*: *...и когда градусник показал классически нормальные тридцать шесть и шесть десятых, мне было рекомендовано* [мамой – Т. Д] ***не валять дурака****, взять папку, на которой была изображена лира, и отправляться на очередную пытку* [урок музыки – Т. Д.] [СА, с. 30].

Виться чертом – ***виться (или вертеться) вьюном*** ‘находиться в беспрерывном движении’ [28]. Автор трансформирует ФЕ, производя замену лексического компонента *вьюн* (*разг*. ‘о ловком, расторопном или пронырливом человеке’ [28]) на *черт*, повышая экспрессивность стилистически маркированным демононимом. В тексте выражение используется в значении ‘ловко перемещаясь, находиться в беспрерывном движении’: *Прямо над жаровнями / Повар* ***вился чертом****, / Словно очарованный / Этим натюрмортом. / В той жарище адовой / Был он полон спеси, / Зная, сколько надобно / Самых острых специй. / Радость и бессмертие / Нам даря по-царски, Он вертел на вертеле / Шашлыки по-карски* [Т. 1, с. 357–358].

За воротник закладывать – *простореч*. ‘пить спиртное, напиваться пьяным’ [37, с. 171]. Существует немало версий происхождения фразеологического оборота (ФО). Среди них и клеймо на ключице мастеровых, дававшее возможность выпить рюмку водки бесплатно, и манера заправлять за воротник салфетку перед тем, как выпить перед трапезой. Есть еще одно мнение, связанное напрямую с внешним видом воротника. Его раньше шили стойкой, и со стороны действительно создавалось впечатление, что человек, трапезничая или выпивая, закидывает что-то за воротник [4]. Однако по свидетельству В. Виноградова, еще в русском языке XIX в. существовало сходное шутливое выражение *заложить за галстук*, реже *пропустить за галстук* в значении ‘выпить хмельного, быть навеселе’, которое в современном разговорном языке применяется не очень часто. По мнению ученого, фразеологизму *заложить за галстук* около полутораста лет. Как показывает слово *галстук*, сочетание это вышло из речи привилегированных классов; образ – *заложить* – косвенно намекает на военную среду, как место его широкого распространения (ср. *заложить* заряд, мину и т. п.) [3]. Предполагаем, что *галстук* был деталью костюма далеко не всех, поэтому компонент *галстук* и «превратился» в *воротник*. В художественном произведении ФЕ использована для речевой характеристики персонажа: *«Уж лучше бы* ***за воротник закладывал****, как все мужики»* [СА, с. 163].

Впадать в раж – входить в раж, *прост. экспрес.* ‘быть в состоянии нарастающего исступления, предельной увлечённости чем-либо’ [35, с. 107]; *разг.* ‘прийти в сильное возбуждение, неистовство’ [11, с. 215]. По мнению В. Мокиенко, выражение является полукалькой с французского *entrer en rage, se mettre en rage*, где rage – ‘бешенство, ярость’ [11, с. 215]. Писатель усиливает экспрессивность сочетания, трансформировав глагольную часть: *входить* → *впадать*. В стихотворении фразеологизм использован с глагольной частью в форме деепричастия, употреблен в значении ‘пребывая в состоянии предельной увлечённости чем-либо’, имеет просторечную стилистическую окраску, используется для придания эмоционально-экспрессивного характера повествованию: *И хлебопек,* ***впадая в раж*** */ И даже встав на цыпочки / Спешит раскатывать лаваш, / Его готовя к выпечке* [СП, с. 328].

На всю (полную) катушку – *прост. экспрес.* ‘по-настоящему, в полную силу (жить, веселиться, праздновать и т. п.)’ [35, с. 290]. Как считают исследователи, устойчивое сочетание вошло в современную речь из языка связистов во время Великой Отечественной войны, а затем расширило своё значение [11, с. 123]. В тексте ФЕ используется в значении: 1) ‘работать в полную силу’, служит для характеристики действия и создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *Христа и мать родную на все разделав корки, / Сизифовой задачей сплочен и увлечен, / Стащив с себя опорки и сбросив гимнастерки, /* ***На полную катушку*** *работал батальон* [Т. 1, с. 437];

2) ‘двигаться максимально быстро (о транспортном средстве)’, в данном случае расширена и структура фразеологизма глаголом в ф. повелит. накл. *жми*, выражение служит для речевой характеристики персонажа: *…и закричал своему механику-водителю с артиллерийской фамилией Пушкарский: «Давай* ***жми на всю катушку****»* [СА, с. 258].

Вынь да положь – *прост. экспрес.* ‘непременно, во что бы то ни стало сделай без промедления, категорично требую’ [35, с. 118], *иноск*. ‘чтоб было сейчас’ [25, с. 130]. По нашему мнению, фразеологизм – сокращение пословицы *Вынь да положь! Хоть роди, да подай!* [22, с. 78]. Вариант рассматриваемого выражения зафиксирован в русских говорах: *вынь да выложь* [27, с. 305], у М. Михельсона *Хоть из земли достань, да подай* [25, с. 130]. По мнению В. Мокиенко, «сама законченность структуры пословицы и её дидактический смысл накладывают некоторую специфику на её преобразование поэтами» [10, с. 222]. В тексте ФЕ употребляется для эмоционально-экспрессивного отражения восприятия лирическим героем интертекстуального вкрапления и позволяет, как отмечает Г. Орлова, «автору не только проявить свою языковую индивидуальность, но и обозначить собственную позицию» [12, с. 127]: *Один хочет приобрести «бензиновую пилу “Дружба”, другой ищет «женский светлый парик из искусственных волос», а третьему* ***вынь да положь*** *«импортную стенку, мягкую мебель и пианино “Лирика”», и каждый спешит известить об этом читателей газеты* [СА, с. 451].

Вырви глаз – ‘о чем-л. очень кислом, терпком’ [37, с. 219]; 1) *разг. шутл.* ‘о воздействии чего-л. очень кислого на вкус’; 2) *прост.* ‘о крепком напитке, табаке’ [26, с. 117]. Автор подвергает выражение семантической трансформации (вкусовые ощущения → зрительные ощущения). ФО основан на синестезии – неприятных явлениях, вызывающих мучительные ощущения и в зрительном, и в тактильном анализаторе (ср. *резать глаз, бить в глаза*) [20, с. 114], используется в тексте в значении ‘о чем-л. вызывающе яркого цвета’, выполняет описательную функцию, служит для создания эмоционально-экспрессивной характеристики объекта: *Как же мне передать <…> ядовито-оранжевую, болотно-зеленую, что называется «****вырви глаз****», окраску машин «джипни»…* (сохранена авторская орфография – Т. Д.) [СА, с. 316].

Выцарапать глаза – (***хотеть***) ***выцарапать глаза***, *иноск*. ‘жестоко мстить’ [25, с. 133]; *выгрызать (выцарапывать) глаза* ‘вести себя агрессивно, добиваясь чего-л. от кого-л.’ [26, с. 120]. Автор использует фразеологизм в значении ‘жестоко мстить’ для создания экспрессивной характеристики персонажа: *…на самом деле со всей неизрасходованной бабьей жалостью любившая свой шумный выводок и готовая* ***выцарапать глаза*** *за каждого из них, на этот раз была избавлена от обременительных тягот…* [СА, с. 279].

Глаза мозолить – *простореч.* ‘надоедать, досаждать постоянным присутствием, разговорами’ [37, с. 247]. Как отмечает В. Виноградов, глагол *мозолить* в современном русском литературном языке лишен самостоятельного значения. Он употребляется лишь в составе фразеологического единства. Это экспрессивное выражение свойственно, главным образом, фамильярному стилю разговорной речи, оно вошло в литературный язык из устной народной речи не раньше середины XIX в. У В. Даля отмечено еще областное слово *мозольничать* ‘безотвязно попрошайничать, надоедать’. На этом смысловом фоне становится очевидным образный корень народного выражения *мозолить глаза*. Яркая экспрессивность предохранила его от исчезновения [3]. В поэтическом тексте фразеологическая единица использована с отрицанием, выраженным частицей *не*, употреблена по отношению к предмету быта (лампе): *Может быть, в самый*

последний, / Горький и памятный раз / Лампу оставил в передней, / Чтоб ***не мозолила глаз***... [ЗМО, с. 194].

Глаза пялить (***таращить***) – *прост. неодобр.* ‘пристально, неотрывно смотреть на кого-л., рассматривать кого-л. в упор’ [20, с. 114]. Автор подвергает ФЕ трансформации, расширяя структуру за счет использования узуальных вариативных компонентов *пялить* (*таращить*) как однородных *таращить, пялить*, в тексте глагольная часть фразеологизма использована в ф. повелит. накл. (*пяль, таращь*) с усилительной частицей *ни*. Просторечное выражение служит для отражения психического и физического состояния лирического героя: *Как ни* ***таращь****, как ни* ***пяль глаза****, все вокруг было сплошным мутным пятном, все было смазано и стерто* [СА, с. 249].

Глотка луженая – *прост. неодобр.* ‘кто-либо обладает способностью громко говорить, кричать, петь и т. п.’ [37, с. 136]. Возможно, фразеологизм связан с целями процесса лужения предметов утвари, которое производится для того, чтобы поверхность металла не окислялась. Так, железо и медь окисляются даже от воздуха, поэтому их покрывают другим металлом, чаще всего оловом (или его сплавами), так как на него воздух, влага, кислоты и состав пищевых продуктов не действуют. Однако вероятнее, на наш взгляд, связь с технологическим лужением духовых музыкальных инструментов с целью предохранения их от окисления. Выражение возникло как метонимический перенос: *глотка – духовой инструмент*. В художественном тексте фразеологический оборот претерпевает структурную трансформацию (изменена форма числа: *глотка луженая → глотки луженые*, добавлен компонент – прилагательное *железными*), употребляется как олицетворение для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *Гудки были первой песней моего детства. С годами я научился различать их по голосам <…> Словно это сошлись на спевку гиганты с* ***лужеными*** *железными* ***глотками*** [СА, с. 510].

Горя хлебнуть – *народн.* ‘терпеть бедствия, лишения, жить трудной жизнью’ [26, с. 153]. По мнению В. Мокиенко, в данном фразеологизме отражена связь диалектных и литературных оборотов с аналогичной структурой (например, *испить горькую чашу до дна – хлебнуть горя через край*). Возможно, произошла контаминация нескольких моделей (*горе мыкать* – исконно русское и *выпить чашу* – восходит к библейскому изречению), скрещение которых привело к образованию фразеологизма *хлебнуть горя* [20, с. 129]. Фразеологическое сочетание употребляется как метафора (*хлебнуть спиртного из фляги – хлебнуть горя из фляги*), подвергается расширению (*хлебнуть горя → горя хлебнуть из простреленных этих фляг*), используется для придания эмоционально-экспрессивного характера речи лирического героя: *Под осколками и под пулями / С болью делая каждый шаг, / Вдоволь* ***горя*** *с тобой* ***хлебнули*** *мы /* ***Из простреленных этих фляг*** [Т. 1, с. 507].

За грудки схватить – брать, взять, трясти и т. п. кого-л. ***за грудки***, *простореч.* ‘за грудь, за одежду на груди хватать, трясти и т. п.’ [37, с. 289]. Предполагаем, что возникновение фразеологизма связано с традициями славянского рукопашного боя, где один из приемов как раз и состоял в захвате части одежды на груди противника [15]. Фразеологизм используется для: 1) характеристики психоэмоционального и физического состояния лирического героя: *И все-таки неприятности девятибалльной качки не идут ни в какое сравнение с тем, что мы испытываем сейчас в гостинице «Филиппины»* [испытывают землетрясение – Т. Д.]. *На море был хоть какой-то определенный ритм, паузы, здесь же кажется – кто-то* ***схватил*** *вас* ***за грудки*** *и яростно трясет, обрывая*

пуговицы [СА, с. 317]; 2) характеристики действия персонажей, создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: ***Они*** [владельцы бойцовых петушков – Т. Д.] ***хватались за грудки****, кричали дурными голосами, закатывали глаза к небу, сильно переигрывали, как плохие артисты, и все же постепенно привлекали к себе внимание иностранцев* [СА, с. 340].

Делать стойку – ***делать стойку***, ***стойка*** ‘напряженная неподвижная поза, принимаемая охотничьей собакой при обнаружении дичи’ [30, стлб. 910]; ***сделать стойку*** – ‘заинтересоваться чем-л., обратить внимание на что-л.’ [19, с. 140]. Полагаем, что выражение *делать стойку* восходит к охотничьей терминологии, применение его относительно человека придает повествованию оттенок просторечности, грубого пренебрежения, оборот употреблен в значении ‘интересоваться чем-л., принимая внешне напряженный вид’, используется для оценки морально-этических качеств персонажа: *Чугуниха* [прозвище школьного сторожа – Т. Д.] *все школьные новости ухитрялась узнавать первой, она умела брать след и* ***делать стойку****, услышав в коридоре малейший шум из класса* [СА, с. 39].

С жиру беситься – *простореч.* ‘привередничать, капризничать от пресыщения или безделья’ [37, с. 289]. Исследователи выдвигают несколько версий происхождения выражения. Одна из них связана со значением слова *жир* – ‘богатство, имущество’, а *беситься* – ‘заниматься чем-л. дурным’ (от *бес* ‘дьявол’, который доводит до людей до бешенства), другие версии связаны с миром животных: либо по аналогии с аномалиями в поведении животных во время жирования, либо с пониманием *жира* как ‘корма, изобилия пищи’. Первоначально речь шла об излишке кормов для домашних животных (собак), чрезмерное переедание которых действительно может привести к бешенству [20, с. 189; 11, с. 90]. В тексте фразеологизм используется как часть косвенной речи для характеристики персонажа: *Старшему Сухому казалось, что все люди в городе, в том числе и городские мальчишки, живут привольно, безбедно, ни черта не делают и только* ***с жиру бесятся*** [СА, с. 57].

Зарубить себе на носу – *прост. экспрес*. ‘запомнить крепко-накрепко, навсегда’ [35, с. 249]. ФО восходит к древней традиции делать записи (зарубки) для памяти на бирках (дощечках), которые раскалывали, половину отдавая должнику. Метафорически соотносится с этой биркой (дощечкой) *нос* (производное от *носить*). Выражение используется для эмоционально-экспрессивной речевой характеристики персонажа: *«Так вот,* ***заруби себе на носу****: истребитель – это тот, кто всегда ищет боя»* [СА, с. 76].

Иметь сердце – *прост*. ‘сердиться, гневаться, таить обиду, злобу’ [36, с. 137]. Слово *сердце* в этом фразеологизме употреблено в старом (известном сегодня в диалектах) значении ‘гнев, злоба’ (ср. слова *сердиться, сердитый*) [20, с. 522]. В художественном произведении оборот употреблен в трансформированной форме (*иметь* → *имеющий* + частица *не*) в значении ‘не сердящийся, не гневающийся’. О выражениях такого типа фразеологи А. Баранов и Д. Добровольский говорят, что без отрицания они в принципе не употребляются, а отрицание становится «фактором не столько синтаксическим, сколько лексическим» [1, с. 292]. В тексте ФЕ используется для придания эмоциональности характеристике персонажа (сибирского поэта Льва Черноморцева), приближения повествования к широкому кругу читателей: *Так же негромко и скромно писавший все о тайге да о горькой морошке, ни на кого* ***не имеющий сердца****, изредка все же готовый взорваться и проявить свой сибирский характер, но если быть до конца*

справедливым, тут же способный мгновенно оттаять, без промедленья пойти на уступки… [Г, с. 155].

Индюк тоже думал – индюк тоже думал, да в суп попал ‘неприятие оправдания, начинающегося со слов «Я думал (а)»’ [19, с. 67]. В тексте писатель использует редуцированную форму русской пословицы, основу которой составляет внешний облик индюка, выглядящего очень внушительно, скорее всего, умный вид индюку придает способности этой птицы надуваться, важно нахохливаться (отсюда и выражения *важный как индюк, надулся как индюк*). Способность индюка «думать» отражена и словаре В. Даля: *Думает индийский петух* [23]. Несмотря на все «мыслительные способности», индюк был сварен в супе и съеден (в разговорном дискурсе существует несколько различных побасенок, рассказывающих об этом). В художественном тексте просторечное выражение (в пользу его просторечности говорит сопутствующее сочетание *в штаны наклал*) употребляется для речевой характеристики персонажа, приближения его к широкому кругу читателей: *«Что же ты не упредил меня, я же думал, что оно солью заряжено». – «Думал,* ***индюк тоже думал****, – отвечал старший Сухой, – будто ты не видал, как я его зарядил. А теперь со страху в штаны наклал»* [СА, с. 58].

Какого хрена – на кой хрен*, грубо-прост*. ‘зачем, для чего’ [31, с. 730]; ***кой (какой) хрен****, прост. неодобр.* ‘выражение сильного неудовлетворения, раздражения’ [26, с. 720]. В основе просторечной грубой экспрессивности эвфемизм *хрен*, заменяющий обсценную лексему со значением ‘мужской половой орган’ [34, с. 374]. Автор использует один из вариантов грубо-просторечного ФО в значении ‘почему, с какой целью’ для речевой характеристики персонажа: *«Ты* ***какого хрена*** *под колесами путаешься? Что, жить надоело?»* [СА, с. 212].

Корчить (***строить***) ***рожи – корчить рожи****, прост*. *экспрес*. ‘гримасничать’ [35, с. 316]; ***корчить*** (***строить***) ***рожи*** (***рожу***), *разг.* ‘гримасничать, намеренно искажать лицо’ [26, с. 567]. По нашему мнению, фразеологизм *корчить* (*строить рожи*) имеет просторечную стилистическую окраску, используется автором для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера, используется в значении: 1) ‘гримасничать’, выполняет функцию характеристики поведения персонажа: *Шептались за нашей спиною и* ***строили рожи****. / На верхней Казанской стояли хозяин лабаза, / Хозяин аптеки, хозяин хлебопекарни* [ЗМО, с. 73]; 2) ‘гримасничать, намеренно искажать лицо’, выполняет функцию характеристики поведения персонажа: *Такие* ***рожи*** *строят* ***клоуны****, / Что вправду со смеху помрете* [Г, с. 94]; 3) ‘гримасничающий’, выражение подверглось трансформации (*строить → строящий*), служит для описания внешности мифологических образов: *Вскоре загородный дом женщины заполнился всевозможными чудищами, выпускающими когти, хихикающими, скалящими зубы,* ***строящими рожи*** [СА, с. 437]; 4) ‘гримасничающий’ выражение подверглось трансформации (*корчить → корчащий*) служит для описания внешности мифологических образов. При этом наблюдается расширение компонентного состава ФЕ обстоятельством места *из темных углов*: *...и всякая нечистая сила, строившая козни, принимавшая разные личины и* ***корчившая рожи из темных углов*** [СА, с. 301].

Лезть в бутылку *– просторе*ч. ‘раздражаться, сердиться на кого-, что-л. (обычно без основания)’ [37, с. 541]. Исследователи затрудняются с определением этимологии выражения [20, с. 63], однако предполагают, что происходит оно из воровского жаргона. В пользу этого свидетельствует толкование слова *бутылка* в жаргоне – ‘полицейский участок’ [21, с. 114]. Другая версия связывает происхождение фразеологизм с *бутылкой*

– жаргонным названием старой тюрьмы в Питере, которая по форме напоминает цилиндр [6]. Но, по нашему мнению, происхождение фразеологического оборота связано с характерной формы бутылки: забраться в нее легко, а вот выбраться обратно очень трудно. То есть в основе метафорического сочетания *лезть в бутылку* – пожелание: не делай такого, последствия чего будет трудно преодолеть, и о чем будешь жалеть. В произведении ФЕ используется для эмоционально-экспрессивной характеристики персонажа, приближения повествования к широкому кругу читателей: *…а тот* [муж – Т. Д.] *<…> сопротивлялся, или, проще говоря,* ***лез в бутылку****: то он делал губы колечком и требовал, чтобы суженая поцеловала его, то с запозданием вспоминал какие-то старые обиды…*[СА, с. 141].

Лезть на рожон *– прост. экспрес*. ‘начинать, предпринимать что-либо предельно рискованное, обречённое на неудачу, провал’ [35, с. 341]. По мнению исследователей, существует несколько версий происхождения фразеологизма. По одной из них, это русское выражение. Устаревшее слово *рожон* обозначает заостренный кол (рогатину), который употребляли при охоте на медведя. Разъярённый зверь лез на *рожон* – широкий нож, заточенный с обеих сторон. По другому толкованию, оборот восходит к античным источникам, в частности, трагедиям Эсхила и связан с древним способом прогонять быков заострённым колом – *рожном* [11, с. 218–219]. В стихотворении фразеологический оборот употребляется с отрицанием как олицетворение для создания эмоционально-экспрессивной характеристики состояния природы (леса): *Все звуки погребя, /* ***Не лезет на рожон*** *– / Лес словно сам в себя / Навеки погружен* [Т. 1, с. 444].

Матом крыть *– прост. неодобр*. ‘сквернословить, ругаться матом’ [26, с. 387]. Предполагаем, что выражение связано с арго картежников, где *крыть* – ‘бить карту противника’, на основе чего развилось значение глагола *крыть* – ‘ругать’. В стихотворении фразеологизм употребляется для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *Хочешь, грязь греби лопатой, / Хочешь,* ***матом крой****, – / В бездорожье нам ребята / Доставляют кровь* [Т. 1, с. 64].

Мать твою так *– прост. эвфем. бран.-шутл.* ‘восклицание, выражающее негодование, гнев’ [26, с. 390]. Фразеографические источники определяют данное сочетание как ‘эвфемизм к *мать твою ети*’ [29, с. 277; 34, с. 191]. Последнее выражение относится к группе обсценной фразеологии. В художественном произведении эвфемистический фразеологический оборот применяется для создания речевой характеристики персонажа, оказавшегося в экстремальной ситуации: «*Ты что же, младший лейтенант,* ***мать твою так****, обстановки не знаешь? Через несколько часов немцы выскочат на шоссе…*» [СА, с. 384].

Накласть в штаны – наложить в штаны*, прост. шутл.-ирон.* ‘сильно испугаться’ [26, с. 757]. Основу ФЕ составило значение глагола *наложить, накласть* – ‘испражниться’ [34, с. 206–207], что может явиться следствием сильного испуга. Просторечный характер фразеологизма автор усиливает употреблением глагола *класть* в форме совершенного вида. В тексте выражение используется для речевой характеристики маргинального персонажа: *«Думал, индюк тоже думал, – отвечал старший Сухой, – будто ты не видал, как я его зарядил. А теперь со страху* ***в штаны наклал****»* [СА, с. 58].

Накось выкуси *– грубо прост*. ‘ничего не добьёшься, не получишь, не рассчитывай’ [35, с. 394]. Очевидно, что *выкуси* произошло от *кусать* и имеет явную негативную коннотацию. Считаем, что смысл выражения в том, что вам, как будто предлагают фигу, то есть куснуть за торчащий из кулака большой палец. А если вы захотите за него

ухватиться, то его сразу спрячут. Кроме того, он с двух сторон прикрыт двумя пальцами, поэтому у вас не будет даже одной попытки, то есть *выкусить*, будет попросту невозможно. Просторечность фразеологизма усиливается диалектной частицей *накось* ‘на, возьми, вот тебе’ [31]. Автор употребляет ФЕ для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *…наступал на игуменью Меланию, устрашая ее своим богохульством и умением называть вещи своими именами, и потом, вот тебе,* ***накось выкуси****, совал ей под нос увесистую волосатую дулю*… [СА, с. 169].

На птичьих правах *– прост. ирон.* ‘без законных оснований’ [35, с. 517]. По мнению исследователей, это собственно русское выражение связано с тем, что птичьи гнезда могут быть легко разрушены [20, с. 470]. Фразеологизм выполняет описательную функцию, служит для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *…и тот маленький бродячий театрик, существовавший* ***на птичьих правах*** *и на скромной дотации…* [СА, с. 438].

Пусть пропадает все пропадом – пропадать пропадом *– прост. экспрес*. ‘попадать в бедственное, безвыходное положение’ [35, с. 538]. Используя тавтологическую модель с редупликацией глагола, характерную для народной речи, автор расширяет компонентный состав фразеологизма определит. местоимением *все* и формообразующей частицей *пусть*. Выражение применяется для характеристики психоэмоционального состояния персонажа, придания экспрессивности повествованию: ***Пусть пропадет все пропадом*** *– / Сегодня вы не в духе. / Напрасно улыбаются / Ночные потаскухи* [Т. 1, с. 265].

Путь заказать *– прост*. ‘лишать кого-либо возможности делать что-либо; закрывать доступ куда-либо [37, с. 240]. Фразеологизм основывается на устаревшем просторечном значении глагола *заказать* ‘запретить’ [28]. В художественном тексте незначительно трансформированное (форма ед. ч. существительного *путь* → мн. ч. *пути*) устойчивое сочетание употребляется с отрицанием *не* для придания эмоционально-экспрессивного характера повествованию: *Здесь* ***пути не заказаны****. Песню о березовом соке композитор Вениамин Баснер и я тоже написали как песню о Родине* [СА, с. 510].

Рот разинуть *– прост. неодобр. ирон*. ‘проявлять крайнее удивление, изумляться’ [35, с. 560]. Полагаем, основу выражения составляет естественная мимическая реакция удивленного чем-либо человека, в поэтическом тексте фразеологизм используется с трансформированной глагольной частью (*разинуть* → *разинув*) для экспрессивной характеристики поведения персонажа: *Там, где в круг сошлись грузины, / Пригласив с собой армян, / Ходит-бродит,* ***рот разинув****, / Вагаршак Элибекян…* [Г, с. 91].

Стружку снимать *– прост. ирон*. ‘отчитывать, критиковать, ругать кого-либо’ [35, с. 637]. Исследователи рассматривают версию, что данный фразеологизм каламбурного происхождения (от созвучия слов *строгать*, *стругать* и *строгий*, *ругать*), возможно, выражение связано с тем, что содранная во время порки кожа сравнивалась со стружкой [20, с. 556]. Предполагаем, что фразеологический оборот восходит к профессиональной деятельности плотников или столяров, которые, буквально *снимая стружку*, улучшают изделие, доводят его до совершенного вида. В художественном тексте фразеологическое сочетание использовано для речевой характеристики персонажа: *«Ты мне лучше скажи, почему у тебя политдонесения всегда запаздывают? С меня ежедневно начальник* ***стружку снимает****»* [СА, с. 206].

Сто грамм с прицепом *–* ***прицеп*** ‘кружка пива к водке’ [21, с. 749]; «старшее поколение еще помнит набор “100 грамм с прицепом” – кружкой пива» [5, с. 218].

Считаем, что выражение употреблено в значении ‘сто граммов водки и кружка пива’, используется в стихотворении для придания эмоционально-экспрессивного характера повествованию, приближения его к широкому кругу читателей: *Мы научились под огнем ходить, не горбясь, / С жильем случайным расставаться, не скорбя. / Вот потому-то, наш родной гвардейский корпус, /* ***Сто грамм с прицепом*** *надо выпить за тебя* [Т. 1, с. 554].

Строить козни *– прост. неодобр*. ‘тайно вредить кому-либо, замышлять зло против кого-либо’ [35, с. 666], ***козни*** *– книжн. устар*. ‘тайные, злые и коварные умыслы, направленные против кого-н.’ [31]. Древнерусское *къзни* означает не только ‘insidia’ (‘козни’), но и ‘промысел’, ‘искусство’ (*ковать, кузнец*). Слово *козни* образовано от редуцированного общеславянского корня *kov*: *ku* и суффикса *-зн-ь* (как в слове жизнь) [37, с. 408]. В художественном тексте выражение используется в значении ‘тайно вредящий кому-либо, замышляющий зло против кого-либо’, применяется с измененной глагольной частью (*строить → строившая*) выполняет описательную функцию, служит для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *…и всякая нечистая сила,* ***строившая козни****, принимавшая разные личины и корчившая рожи из темных углов* [СА, с. 301].

Трепать языком *– прост. неодобр*. ‘болтать, пустословить’ [26, с. 771]. Эмоционально-экспрессивное выражение использовано для характеристики поведения персонажа: *Да и чего еще от него надо – он безупречно вежлив <…> – а* ***трепать языком*** *не входит в его обязанности* [СА, с. 339].

В ус не дуть *– прост. экспрес*. ‘совсем не обращать никакого внимания на что-либо, не проявлять никакого беспокойства’ [35, с. 213]. Фразеографические источники не комментируют данное выражение. Исследователь фразеологии О. Северская предлагает несколько версий происхождения данного выражения. Возможно, первоначально речь шла о коте, охотящемся на мышь и притворяющимся для этого мертвым: «Он глазом не моргнет, ухом не поведет, в ус не дунет» (во-первых, так описывал притаившегося кота В. Жуковский: «Мурлыка лежит и не дышит, // Ус не тронется, глаз не моргнет; мертвец, да и только»; во-вторых, есть поговорка: «И в ус не дует, и ухом не ведет»). Другая версия гласит: изначально *в ус не дуть* значило ‘не бояться’ (стоит эдакий молодец, сам боится – аж живот подводит, а виду не подает, только ус, подрагивающий от судорожного дыхания, его и выдает или не выдает. Тогда и выходит: такой молодец, что и в ус не дует) [13]. Полагаем, что фразеологизм использован в значении ‘совсем не обращать никакого внимания на что-либо, кого-л.’, употребляется для характеристики психоэмоционального состояния персонажа: *Вкруг него* [Феофана Грека – Т. Д.] *зеваки ходят – он и* ***в ус не дует****. / Чтоб о нем ни говорили, он выходит прав. / Как над красками своими он с утра колдует, / Под ременную повязку волосы забрав* [Т. 1, с. 453].

Хватить лишку – ‘выпить слишком много (вина), до опьянения’ [28]; ***хватить лишнего****, прост. экспрес*. ‘выпить спиртного больше, чем следует’ [35, с. 721]. Выражение образовано по продуктивной модели ‘с верхом, с избытком’; ***лишо́к*** *– народн*. ‘избыток’ (буквально, то, что осталось лишним) [20, с. 344]. В художественном тексте выражение используется для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования, приближения его к широкому кругу читателей, использовано в значении: 1) ‘выпив слишком много вина’, фразеологическая единица претерпела структурное расширение (добавлена сравнительная частица *как будто*), употребляется для характеристики образа действия: *Они* [поэты – Т. Д.] *и впрямь,* ***хватив как будто лишку****,*

вступали в спор, дурачились, шутили, хотя в кафе лишь только подавалась трезвейшая вишневая наливка [Г, с. 173]; 2) ‘выпивший слишком много вина’, фразеологизм претерпел структурную трансформацию глагольной части (*хватить* → *хвативший*), употребляется для описания персонажей: ***Хвативше лишку*** *погонщики дремлют в пути, покрыв от солнца голову войлочными белыми шляпами* [СА, с. 412].

Шарашкина контора – *прост. презр*. ‘не вызывающее никакого доверия, никчемное учреждение, предприятие’ [35, с. 308]. Существуют различные объяснения появления данного выражения. Возможно, существует связь с арготическими лексемами *шарага* ‘воровская группа, компания’, *шарашка* ‘беспорядок’, *шарашить* ‘красть’ или диалектным устаревшим *шарань* ‘сброд’ [24, с. 548], предлагается и иное толкование: *шарага* – ‘плохо управляемое предприятие’ [21, с. 1042]. Есть также версия, что фразеологизм мог произойти от фамилии некоего нэпмана Шарашкина – метафорического собирательного образа нечистого на руку предпринимателя эпохи 20-х годов XX века [17], однако такая трактовка этимологии видится нам сомнительной. Высказывается предположение, что фразеологическая единица связана с лексемой ***шарашка***, *прост*. ‘в годы сталинских репрессий: тюремное учреждение, конструкторское бюро, в котором работают заключённые-специалисты’ [32, с. 1102]. Последнее представляется нам не вполне логичным, поскольку в *шарашках* сталинских времен работали лучшие специалисты различных технических областей (среди них, например, были ведущие авиаконструкторы С. Королев и А. Туполев). Поэтому никчемным или плохо управляемым такое учреждение не могло быть. Полагаем, что более вероятной является версия о связи фразеологического оборота с арготическим *шарага* (*шаражка*, *шарашка*). В тексте фразеологизм использован с отрицательной частицей *не*, служит для придания эмоционально-экспрессивной выразительности речи персонажа, его речевой характеристики: *«Причем тут любезность? Это вам* ***не шарашкина контора****, а государственное учреждение, и открывается оно, как положено»* [СА, с. 374].

Юзом ползти (***сползти***) – ***юзом*** ‘скользя, не вращаясь, продвигаясь волоком по земле, рельсам и т. п.’ (о колесах, гусеничной передаче)’ [28]. Фразеологизм связан с семантикой лексемы *юз* ‘скольжение колес, переставших вращаться’ [24, с. 570], авторы толкового словаря выводят наречие *юзом* ‘таща, волоча по земле’ из арго грузчиков [31]. Полагаем, что происхождение его может быть связано и с диалектными словами: *юзнуться* ‘сильно удариться’, *юзила* ‘юла, егоза, беспокойный человек’, *юзгаться* ‘медлить’ [33, с. 528]. Высказываются и другие предположения об этимологии выражения. Например, говорят о том, что *юзом* – первоначально форма твор. п. от *юс* (*юсом*) в значении в значении ‘крюк’. Здесь подразумевается некое приспособление, позволявшее тащить груз, подцепив его [8]. Понятие *двигаться юзом* означает *скользить* (*соскальзывать*) или *ползти* (*сползать*), или *тащить волоком* (*не катом*). А *лезет*, *ползёт*, *скользит* вполне соответствуют движениям *ужа* (гада). Сани (лыжи) всегда скользят. Колесные повозки идут *катом* или *юзом* (скользя), а порой – медленно *ползут*. Логично, что термины, характеризующие способы перемещения живых тварей, стали использоваться в технике [16]. В художественном тексте выражение используется как характеристика действия для приближения повествования к широкому кругу читателей, употребляется в значении: 1) ‘скользить, не вращаясь (о колесах транспортного средства)’: *Автобусы* ***юзом ползли*** *под откос, / Обратно вскарабкаться силясь* [Т. 1, с. 407]; 2) ‘соскользнуть по поверхности’: ***Сползли*** *с разбитой баржи три колокола* ***юзом****, / И в тот же миг сомкнулась вода со всех сторон* [Т. 1, с. 438].

ВЫВОДЫ

Итак, рассмотрев просторечную фразеологию произведений Михаила Матусовского, можем утверждать, что: 1) фразеология, служащая для воплощения лингвальными средствами этнокультуры, составляет неотъемлемую часть художественно-образной системы писателя; 2) в массиве фразеологических единиц важную роль играют просторечные выражения, которые гармонично вписаны в текст поэтических и прозаических произведений; 3) писатель использует в поэтических и прозаических произведениях не только единицы, зафиксированные фразеографическими источниками, но и подвергает отдельные фразеологические обороты трансформации (как семантической, так и структурной); 4) структурная трансформация осуществляется различными способами: производится замена лексических компонентов (нейтральных на стилистически маркированные), изменяются их грамматические формы (формы ед. ч. имен существительных и прилагательных трансформируются в формы мн. ч.; глаголы заменяются причастиями и деепричастиями); происходит контаминация нескольких выражений, расширяется компонентный состав (добавлением лексических единиц разной частеречной принадлежности); 5) в художественных произведениях фразеологизмы выполняют различные стилистические функции: придают повествованию (рассуждению) эмоционально-экспрессивный характер; передают психоэмоциональные состояния лирических героев и персонажей; служат ментальной характеристикой лирического героя; используются как элементы речевых характеристик, оценки действий персонажей; применяются для описания предметов; 6) устойчивые сочетания, используемые в качестве тропов, выполняют функцию персонификации.

Дальнейшие исследования фразеологии произведений Михаила Матусовского, на наш взгляд, позволят проанализировать и другие пласты фразеологического фонда (книжные, высокие, разговорные, жаргонные единицы), материалы работы могут быть использованы как при изучении лингвистических дисциплин (фразеология, стилистика, стилистический анализ художественного текста, этнолингвистика), так и историко-культурологических (история культуры, культура родного края, этнокультурология).

Список источников

Г – Матусовский, М. Л. Горечь : Книга стихотворений [Текст] / М. Л. Матусовский. – М. : Сов. писатель, 1992. – 192 с.

ЗМО – Матусовский, М. «Земля моих отцов – Донбасс». Стихи и песни о Луганщине и Донбассе [Текст] / М. Матусовский. – М. : Репаблика, 2011. – 304 с.

СА – Матусовский, М. Семейный альбом [Текст] / М. Матусовский // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины). – Луганск : ООО «Виртуальная реальность», 2011. – С. 7–550.

СП – Матусовский, М. Л. Стихотворения. Песни [Текст] / М. Л. Матусовский. – М. : Худож. лит., 1986. – 414 с.

Т. 1 – Матусовский, М. Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни [Текст] / М. Матусовский. – М. : Худ. лит., 1982. – 639 с.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
2. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова. – Т. 1. [Текст] / А. И. Васильев. – Стерлитамак : Фобос, 2015. – 420 с.

3. Виноградов, В. В. История слов [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов. – Режим доступа : http://wordhist.narod.ru/zalogit.html. (Дата обращения: 27.01.2021).
4. Заложить за воротник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://altayklimat.ru/zalozhit-za-vorotnik-proishozhdenie-zakladyvat-zavorotnik/. (Дата обращения: 25.01.2021).
5. Курукин, И. В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцына [Текст] / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 519 с.
6. Лезть в бутылку [Электронный ресурс] // Буквоед. Режим доступа: http://bukvoed.blogspot.com/2007/05/blog-post_17.html#:~:text. (Дата обращения: 27.01.2021).
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
8. Машина пошла юзом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru-etymology.livejournal.com/385043.html. (Дата обращения: 24.01.2021).
9. Мигранова, Л. Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л. Н. Толстого [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Ш. Мигранова. – Уфа, 2010. – 26 с.
10. Мокиенко, В. М. Пословица в поэтическом тексте [Текст] / В. М. Мокиенко // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни : сб. науч. статей к юбилею профессора А. М. Мелерович / отв. ред. и сост. И. Ю. Третьякова; предисл. А. Е. Якимов. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 211–225.
11. Мокиенко, В. М. Правильно ли мы говорим по-русски? Поговорки: что мы о них знаем, откуда они пришли, как их правильно понимать и употреблять [Текст] / В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 317 с.
12. Орлова, Г. В. К вопросу о трансформации фразеологических единиц в заголовках современных СМИ [Текст] / Г. В. Орлова // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Коллективная монография / отв. ред. : Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Ж. Финк. – Грайфсвальд : Ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2017. – С. 123–128.
13. Северская, О. Дуть в ус или не дуть? Вот в чем вопрос [Электронный ресурс] / О. Северская. – Режим доступа: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201000612. (Дата обращения: 26.01.2021).
14. Современная фразеология: тенденции и инновации : Монография [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, В. И. Зимин, А. П. Василенко и др.; отв. ред. А. П. Василенко. – М., СПб., Брянск : «Новый проект», 2016. – 200 с.
15. Традиционный рукопашный бой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1878344/Традиционный_рукопашный_бой#cite_note-29. (Дата обращения: 26.01.2021).
16. Что такое юз [Электронный ресурс] // Русский язык. – Режим доступа: https://rus.stackexchange.com/questions/42562/Что-такое-юз. (Дата обращения: 27.01.2021).
17. Шарашкина контора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://weekend.rambler.ru/other/40279293-sharashkina-kontora-chto-eto-na-samom-dele/. (Дата обращения 24.01.2021).
18. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. :URSS, 2017. – 336 с.

Словари

19. Белянин, В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений [Текст] / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994. – 192 с.

20. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Текст] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
21. Грачев, М. А. Словарь тысячелетнего русского арго : 27000 слов и выражений [Текст] / М. А. Грачев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 1120 с.
22. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сборник. В 2-х т. / вступ. слово М. Шолохова, послесл. В. Аникина; худож. Г. Клодт [Текст] / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Худож. лит., 1984. – 383 с.
23. Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: http://slovardalja.net/letter.php?charkod=192. (Дата обращения: 25.01.2021).
24. Елистратов, В. С. Словарь русского арго : Материалы 1980–1990 г. Около 9000 тыс. слов. 3000 идиоматических выражений [Текст] / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
25. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний [Текст] / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1912. – 1046 с.
26. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
27. Словарь русских народных говоров [Текст]. Вып. пятый / гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука. – 1970. – 344 с.
28. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp. (Дата обращения: 26.01.2021).
29. Словарь современного русского города : ок. 11000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений [Текст] / под ред. д-ра филол. наук, проф. Б. И. Осипова. – М.; ООО «Издательство «Русские словари» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2003. – 565 с.
30. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. [Текст] / ред. В. И. Чернышов. – Т. 14. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 1390 стлб.
31. Толковый словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp. (Дата обращения: 27.01.2021).
32. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник». 2011. – 1175 с.
33. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в IV т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина [Текст] / М. Фасмер. – 3-е изд., стер. – Т. IV. – СПб. : Азбука, 1996. – 864 с.
34. Флегон, А. За пределами русских словарей [Текст] / А. Флегон. – Лондон : ТОО «РИКЕ», 1993. – 413 с.
35. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского языка : ок. 13000 фразеологических единиц [Текст] / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
36. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под. ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.

37. Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Текст] / под ред. проф. А. Н. Тихонова / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. – Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
38. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т [Текст] / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.

References

1. Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. *Aspekty Teorii Frazeologii* [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow: Znak Publ., 2008. 656 p.
2. Vasilev A. I. *Frazeologicheskii Slovar Yazyka M. A. Sholokhova* [Phraseological Dictionary of the Language of M. A. Sholokhov]. Vol. 1. Sterlitamak: Fobos Publ., 2015. 420 p.
3. Vinogradov V. V. *Istoriya Slov* [History of Words]. Available at: http://wordhist.narod.ru/zalogit.html. (accessed 27 January 2021).
4. *Zalozhit za Vorotnik* [Fold over the Collar]. Available at: https://altayklimat.ru/zalozhit-za-vorotnik-proishozhdenie-zakladyvat-za-vorotnik/. (accessed 25 January 2021).
5. Kurukin I. V., Nikulina E. A. *Povsednevnaya Zhizn Russkogo Kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa Yeltsyna* [Everyday Life of a Russian Tavern From Ivan the Terrible to Boris Yeltsin]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2007. 519 p.
6. *Lezt v Butylku* [Climb into the Bottle]. *Bukvoed.* Available at: http://bukvoed.blogspot.com/2007/05/blog-post_17.html#:~:text. (accessed 27 January 2021).
7. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Academy Publ., 2001. 208 p.
8. *Mashina Poshla Yuzom* [The Car Went Skidding]. Available at: https://ru-etymology.livejournal.com/385043.html. (accessed 24 January 2021).
9. Migranova L. Sh. *Frazeologiya Romana Anna Karenina kak Fragment Yazykovou Kartiny Mira L. N. Tolstogo: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Phraseology of the Novel Anna Karenina as a Fragment of the Linguistic Picture of the World of L. N. Tolstoy. Abstract of Thesis]. Ufa, 2010. 26 p.
10. Mokienko V. M. *Poslovitsa v Poeticheskom Tekste* [Proverb in a Poetic Text]. *Zhizn Frazeologii – Frazeologiya v Zhizni.* Kostroma: Izdatelstvo Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2018. Pp. 211–225.
11. Mokienko V. M. *Pravilno li My Govorim Po-Russki? Pogovorki: Chto My o Nikh Znaem, Otkuda Oni Prishli, kak Ikh Pravilno Ponimat i Upotreblyat* [Do We Speak Russian Correctly? Sayings. What We Know about Them, Where They Came From, How to Understand and Use Them Correctly]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2016. 317 p.
12. Orlova G. V. *K Voprosu o Transformatsii Frazeologicheskikh Yedinits v Zagolovkakh Sovremennykh SMI* [On the Question of the Transformation of Phraseological Units in the Headlines of Modern Media]. *Slavyanskaya Frazeologiya v Sovremennykh SMI (Publicisticheskii Diskurs).* Graifsvald: Un-t. Im. Ernsta Moritsa Arndta Publ., 2017. P. 123–128.
13. Severskaya O. *Dut v Us ili ne Dut? Vot v Chem Vopros* [To Care or Not to Care? That's the Question]. Available at https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201000612. (accessed 26 January 2021).
14. *Sovremennaya Frazeologiya: Tendencii i Innovacii* [Modern Phraseology: Trends and Innovations]. Moscow, St. Petersburg, Bryansk: Novyi Proekt Publ, 2016. 200 p.
15. *Traditsionnyi Rukopashnyi Boi* [Traditional Hand-to-Hand Combat]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1878344/Традиционный_рукопашный_бой#cite_note-29. (accessed 26 January 2021).

16. *Chto Takoe Yuz* [What is Yuz]. *Russkii Yazyk*. Available at: https://rus.stackexchange.com/questions/42562/Что-такое-юз. (accessed 27 January 2021).
17. *Sharashkina Kontora* [Fishy Business]. Available at: https://weekend.rambler.ru/other/40279293-sharashkina-kontora-chto-eto-na-samom-dele/. (accessed 24 January 2021).
18. Shmelev D. N. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Leksika* [Modern Russian Language. Vocabulary]. Moscow: URSS Publ., 2017. 336 p.

Dictionaries

19. Belyanin V. P., Butenko I. A. *Zhivaya Rech. Slovar Razgovornykh Vyrazhenii* [Live Speech. Dictionary of Colloquial Expressions]. Moscow: PAIMS Publ., 1994. 192 p.
20. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar Russkoi Frazeologii. Istoriko-Jetimologicheskii Spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Reference Book]. St. Petersburg: Folio-Press Publ., 1998. 704 p.
21. Grachev M. A. *Slovar Tysyacheletnego Russkogo Argo* [Dictionary of the Thousand-Year Russian Argo]. Moscow: RIPOL KLASSIK Publ., 1120 p.
22. Dal' V. I. *Poslovitsy Russkogo Naroda* [Proverbs of the Russian People]: in 2 Volumes. Vol. 1. Moscow: Khudozh. Lit. Publ., 1984. 383 p.
23. Dal' V. I. *Tolkovyi Slovar Zhivago Velikoruskago Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Avilaable at: http://slovardalja.net/letter.php?charkod=192. (accessed 25 January 2021).
24. Elistratov V. S. *Slovar Russkogo Argo* [Dictionary of Russian Slang]. Moscow: Russkie Slovari Publ., 2000. 694 p.
25. Mikhelson M. I. *Russkaya Mysl i Rech. Svoe i Chuzhoe. Opyt Russkoi Frazeologii. Sbornik Obraznykh Slov i Inoskazanii* [Russian Thought and Speech. Yours and Others. Experience of Russian Phraseology. Collection of Figurative Words and Parables]. – St. Petersburg: Brokgauz-Jefron Publ., 1912. 1046 p.
26. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bolshoi Slovar Russkikh Pogovorok* [Big Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: OLMA Media Group Publ., 2007. 784 p.
27. *Slovar Russkikh Narodnykh Govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]: Issue 5. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 344 p.
28. *Slovar Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Polygraphs Publ., 1999. Available at: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp. (accessed 25 January 2021).
29. *Slovar Sovremennogo Russkogo Goroda* [Dictionary of a Modern Russian City]. Moscow: Russkie Slovari Publ., 2003. 565 p.
30. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]: in 17 volumes. Vol. 14. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 1390 col.
31. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: in 4 vols. Gos. In-t Sov. Jencikl.; OGIZ; Gos. Izd-vo Inostr. i Nats. Slov, 1935–1940. Available at: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp. (accessed 27 January 2021).
32. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka s Vklyucheniem Svedenii o Proiskhozhdenii Slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.
33. Fasmer M. *Jetimologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]: in 4 volumes.Vol. IV. St. Petersburg: Azbuka Publ., 1996. 864 p.
34. Flegon A. *Za Predelami Russkikh Slovarei* [Outside Russian Dictionaries]. London: RIKE Publ, 1993. 413 p.

35. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskii Slovar Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel Publ., 2008. 878 p.
36. *Frazeologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 543 p.
37. *Frazeologicheskii Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of Modern Russian Literary Language]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 832 p.
38. Chernykh P. Ya. *Istoriko-Jetimologicheskii Slovar Sovremennogo Russkogo Yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Rus. Yaz. Publ., 1999. 624 p.

VERNACULAR PHRASEOLOGY IN THE WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY: SEMANTIC AND FUNCTIONAL-STYLISTIC ASPECTS

Dyakova T. A.

The study is devoted to vernacular phraseology as part of the lexicon of the writer Mikhail Matusovsky. Literary works in the context of the anthropocentric paradigm present a unique fact of national and world culture, a phenomenon of individual creativity, and a source of cognitive information. Phraseology, being the most transparent subsystem of the language that serves to embody ethnoculture by lingual means, is an essential part of the writer's artistic-figurative system. The phraseological fund of Mikhail Matusovsky's works is semantically and stylistically diverse. Phraseological units of his works has a significant amount of vernacular expressions, which semantics is consonant with the linguistic part of the works. The object of study is the vernacular phraseological units used in M. Matusovsky's works, the subjects are the etymology of phraseological units and semantic and stylistic features of their use. The material of the research is the texts of the writer's poems, included in collections of different years, and the prosaic Family Album. The author concludes that Mikhail Matusovsky not only uses units recorded by phraseographic sources in his texts, but also subjects individual phraseological phrases to the author's transformation. It is established that phraseological units sued in Matusovsky's works perform various stylistic functions. They give the narration (reasoning) an emotionally expressive character, reflect psycho-emotional states of lyrical heroes and characters, serve as a mental characteristic of the lyrical hero, are used as elements of portrait, speech characteristics and assessment of the characters' actions, to describe items, and to attract a wide range of readers. They are stable combinations used as paths to fulfill the functions of personification in the descriptions of natural phenomenon and animal behavior.

Key words: phraseological unit; vernacular; text; emotionally expressive character; speech characteristic; portrait characteristics; etymology.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 122–129.

УДК 803

БАЗОВЫЕ УРБАНОНИМЫ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ ДОНЕЦКА

Жуков А. Е.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, ДНР
E-mail: Myself.myself@mail.ru

Целью работы является определение особенности базовых урбанонимов ментальной карты города Донецка. В исследовании произведен анализ терминов «ментальная карта», «лингвокультурема» и «базовый урбаноним», в результате которого автор определил ментальную карту как информацию, которая связана с восприятием окружающего пространства и отражающая индивидуальный или групповой образ города. Термин «базовые урбанонимы» обозначает городские названия, которые проявляют признаки лингвокультурем и отражают самобытность города. Был обоснован выбор, определены признаки, выделены основные типы базовых урбанонимов города Донецка. В исследовании осуществлена классификация базовых урбанонимов по признакам «имя поля», «структура», «источник появления», «ключевая роль в жизни города», уточнено содержание признаков: имя поля (деятельность, субъекты, месторасположения, события и т.д.), структура (одна лексема или словосочетание), источники наименования (народные названия, памятники истории, события, личности). Определены наиболее часто встречающиеся имена полей у годонимов, хоронимов, агоронимов, гидронимов, оронимов, ойкодомонимов, экклезионимов, такие, как месторасположение, тема города, советское время, благополучие, известные люди и т.д. Были установлены количественные характеристики распределения базовых урбанонимов по группам.
Ключевые слова: ментальная карта, базовый урбаноним, годоним, ойкодоним, агороним, гидроним, хороним, оронимы.

ВВЕДЕНИЕ

Урбанонимия – совокупность внутригородских названий, которые представляют собой отдельную область онимного пространства. Внутри урбанонимного пространства выделяются годонимное, объединяющее названия линейных объектов – улиц, бульваров и т.д., например *улица Горького, проспект Мира*, агоронимное, распространяющееся на названия городских площадей и рынков (*площадь Дзержинского*), ойкодонимное, включающее в себя собственное имя зданий (*Донецк-Сити*), хоронимное, упорядочивая между собой районы, кварталы, парки (*Буденовка*), экклезионимное, в наличии которых церкви, храмы и часовни (*Свято-преображенский собор*) [3, с. 27].

Каждый город узнаваем своими символами, центральными улицами, площадями, объектами, ставшими известными во время значимых событий. Все эти объекты составляют так называемую ментальную карту города. Благодаря этому мегаполис ассоциируется с набором городских объектов. Базовые урбанонимы описывались в работах В.В. Воробьева [1], Е.С. Отина [2], Б.Б. Серапинаса [4] и других. Но пока не было проведено лингвокультурных исследований Донецка, имеющих своей целью составить его ментальную карту. ***Цель работы*** – обосновать принадлежность ряда урбанонимов Донецка к базовым, произвести их распределение

по тематическим группам. ***Объектом*** изучения являются базовые урбанонимы в урбанонимном пространстве Донецка. ***Предметом*** исследования выступают параметры отнесения урбанонимов к базовым группам урбанонимов Донецка. ***Материалом*** исследования послужили урбанонимы Донецка (2156 единиц).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ментальная карта в самом общем виде может быть определена как «психологическая или внутренняя репрезентация места или мест» [6] или как «когнитивная репрезентация информации об окружающем мире, которую человек приобретает из различных (прямых или косвенных) источников» [7]. Речь, таким образом, идет о том или ином способе фиксации наших представлений (образов) о географическом пространстве города. При этом ментальная карта может выступать и как «образ окружающей среды в уме индивида, и карта как объект иконического отображения на плоскости познавательных или эмоциональных представлений людей об окружающем мире» [4].

И-Фу Туан отмечает, что ментальная карта города, как и традиционная, выступает одним из способов отображения реальности наблюдаемых объектов и/или характеристик этих объектов [8]. Роджер Даунс показывает, что всякая карта может выступать и как аналог реального мира, его отображение, и как заменитель реального мира, как его модель и метафора [5].

Итак, в рамках исследования базовых урбанонимов ментальной карты города примем определение ментальной карты как существующей в сознании людей информации, связанной с восприятием окружающего пространства и отражающей индивидуальный или групповой образ города.

Урбанонимы, которые характеризуют особенности города, его историю, региолект, символы и т.д., являются лингвокультуремами города, (то есть комплексными межуровневыми единицами, которые аккумулируют в себе как языковое представление («форма мысли»), так и тесно связанную с ними внеязыковую культурную среду) [1]. Их можно определить как базовые урбанонимы. Иначе говоря, базовыми урбанонимами мы будем считать урбанонимы, которые проявляют признаки лингвокультуремы и отражают самобытность города.

Базовые урбанонимы как лингвокультуремы имеют несколько признаков:

1) выражают имя поля («месторасположение» (*Южный*), «вид деятельности» (*проспект Шахтостроителей*), «тему города» (*Донецк-Сити*) и т.д.);

2) имеют определённую структуру (от лексемы (*Кучумово*) до словосочетания (*Золотое кольцо*);

3) объединяются и дифференцируются по характеру источников (народные названия (*Рыковка*), памятники истории и политических событий (*Пролетарка*), выдающиеся личности (*Засядько*) и другие);

4) выполняют ключевую роль в жизни города (занимают центральное место (*улица Артема*), связаны со значимыми событиями в городе (*Донбасс-Арена*), являются эксклюзивным символом города (*шахта Засядько*).

Рассмотрим базовые урбанонимы разных типов с выделением признаков лингвокультурем.

1. Годонимы – название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной (улица *Горького*, проспект *Мира*). В городе обнаруживается 67 единиц, относящихся к базовым годонимам (12,8%).

Рассмотрим несколько наиболее известных базовых годонимов города Донецка, формирующих ментальную карту города.

Центральной улицей города Донецка является улица Артема. Название улицы появилось в 1928 г., ранее эта улица называлась Первой линией в честь революционера Федора Сергеева, носившего псевдоним Артем и работавшего в городе.

Проспект Мира также является одним из центральных объектов города. Название проспекта произошло от названия бульвара Мира, который занимал третью часть современного проспекта.

Улица 50-летия СССР одна из известных центральных улиц города, ранее называлась Двенадцатой линией, берет свое начало от пересечения с проспектом Лагутенко и заканчивается на пересечении с проспектом Мира.

Классифицируя базовые годонимы по признакам, выделим такие группы годонимов:

1) Имя поля:

- деятельность: *проспект Шахтостроителей, улица Металлургов*;
- советское время: *улица 50-летия СССР, улица 25-летия РККА*; (здесь тоже событие)
- спокойствие, благополучие: *проспект Мира, улица Солнечная*;
- месторасположение: *улица Центральная, улица Левобережная*;
- субъекты: *улица Артема, проспект Шевченко, проспект Ильича*;
- событие: *улица 8-го Марта, улица Юбилейная*.

2) Структура (состав):

- одна лексема: *бульвар Пушкина, улица Горная*;
- словосочетание: *улица Светлого Пути, Шахтерской дивизии*.

3) Источники:

- народные названия: *улица Крутая, улица Светлая*;
- памятники истории и политические события: *улица Октябрьская, улица Победы*;
- выдающаяся личность: *улица Маршака, проспект Маяковского*;

4) Ключевую роль в жизни города, как правило, играют годонимы, находящиеся в центре (*улица Артема*, *проспект Мира*).

2. Агороним – название городской площади; рынка (площадь *Дзержинского,* рынок *Заперевальный*). В городе обнаруживается 5 единиц, относящихся к исследуемым агоронимам (2,7%).

Рассмотрим несколько наиболее известных базовых агоронимов города Донецка, формирующих ментальную карту города.

Площадь Ленина является главной площадью города, находится в Ворошиловском районе на месте бывшего Сенного рынка на окраине Юзовки. Архитектурный ансамбль площади в основном создавался с 1927 по 1967 г. До начала работ по формированию современного архитектурного облика площадь была окружена одноэтажной жилой и промышленной застройкой. В 1927 г. на площади построили Дом Советов, а площадь переименовали в Советскую. Затем площадь называлась Центральной. В середине 1960-х годов площадь получила свое нынешнее название в связи с тем, что на ней был установлен памятник В. И. Ленину [8].

Центральный рынок ранее назывался Крытый рынок: название появилось в связи с тем, что все рынки города были под открытым небом, а этот рынок находится в специально отведенном для него здании.

Классифицируя базовые агоронимы по признакам, выделим такие группы:

1) Имя поля:

- месторасположение: *Центральный рынок, площадь Привокзальная, рынок Соловки*;
- субъекты: *площадь Ленина, площадь Бакинских Комиссаров*.

2) Структура (состав):

- одна лексема: *площадь Ленина, рынок Соловки*;
- словосочетание: *площадь Бакинских Комиссаров*.

3) Источники:

- народные названия: *рынок Соловки*;
- памятники истории и политические события: *площадь Бакинских Комиссаров*;
- выдающаяся личность: *площадь Ленина*;

4) Ключевую роль в жизни города играют агоронимы, которые:

- занимают центральное место: *Центральный рынок*;
- связаны со значимыми событиями в городе: *площадь Ленина* (организация праздников и торжественных мероприятий города).

3. Хороним – собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка (*Буденовка, Треналовка, Гладковка*). В городе обнаруживается 65 единиц, относящихся к исследуемым хоронимам (7,3%).

Рассмотрим несколько наиболее известных базовых хоронимов города Донецка.

Горсад – неофициальное название городских кварталов в Ворошиловском районе города, название осталось от Городского сада, который там был ранее. Многие дончане до сих пор связывают это место с развязкой трамваев, первой городской больницей и Дворцом пионеров.

Поселок *Ветка* является центром Киевского района города. Название возникло от того, что он располагался вокруг вспомогательной железнодорожной линии, которая вела к Константиновской железной дороге. Дончане связывают это место с большой автомобильной и трамвайной развязкой, пересечением Киевского проспекта с трамвайной линией, ведущей на железнодорожный вокзал.

Парк *Щербакова* – еще один базовый урбаноним, был создан в 1932 г., является местом отдыха большей части горожан. Парк включает парк аттракционов, два пруда, веревочный парк, стадион «Шахтер». Первоначально парк носил имя Павла

Петровича Постышева, но после того, как он был репрессирован в 1938, произошло переименование в честь Александра Сергеевича Щербакова – секретаря Донецкого обкома партии в 1938 г.

Классифицируя базовые хоронимы по признакам, выделим такие группы:

1) Имя поля:

- деятельность: *поселок Текстильщик, Студгородок*;
- деятельность: *поселок Текстильщик, Студгородок)*
- советское время: *поселок Октябрьский*;
- спокойствие, благополучие: *микрорайон Мирный*;
- субъекты: *Щегловка, парк Щербакова*;

2) Структура (состав):

- одна лексема: *Буденновка*;
- словосочетание: *Ждановская развилка*.

3) Источники:

- народные названия: *Щегловка, Евдокиевка*;
- памятники истории и политические события: *Бакины*;
- выдающаяся личность: *поселок Демьяна Бедного*;

4) Ключевую роль в жизни города играют центральные поселки и микрорайоны (*Гладковка, Щегловка*), либо густозаселенные спальные районы (*Мирный, Текстильщик*).

4. Гидронимы – названия водных объектов. В городе обнаруживается 7 единиц, относящихся к исследуемым гидронимам (14%). Е.С. Отин в «Происхождении географических названий Донбасса» под гидронимами понимает собственное имя любого водного объекта [2, с. 55], в том числе и внутригородского.

Наиболее известный гидроним города Донецка – река Кальмиус. История названия реки является до сих пор дискуссионной темой. Сегодня река делит город на две части: право- и левобережную, является местом отдыха дончан.

Гидроним Донецкое море знают все дончане. Донецкое море – водохранилище, искусственный водоём в Ленинском районе на южной границе города. У дончан Донецкое море ассоциируется с пляжем, местом отдыха дончан в летнее время.

Классифицируя базовые гидронимы по признакам, выделим такие группы:

1) Имя поля:

- тема города: *Донецкой море*;
- исторически сложившиеся: *Кальмиус, Бахмутка*.

2) Структура (состав) базовых гидронимов:

- одной лексемой: *Бахмутка*;
- словосочетанием: *Первый городской пруд*.

3) Источники:

- народные названия: *Бахмутка, Второй городской пруд*;
- памятники истории и политические события: *Кальмиус*.

4) Ключевую роль в жизни города играют гидронимы, расположенные в центральных районах города.

5. Оронимы – названия объектов рельефа (*Птичья Балка*). В городе обнаруживается 2 единицы, относящиеся к исследуемым оронимам (1%).

Дурная балка – самая известная низменность в Донецке. Все жители Донецка знают Дурную Балку как один из самых длинных затяжных спусков и подъемов на автомобиле: зимой в гололед на данном участке дороги возникает затор из буксующих машин, а летом – плавится асфальт от жары.

Классифицируя базовые хоронимы по признакам, выделим такие группы:

1) Имя поля:

- низменность: *Дурная балка*;
- возвышенность: *Смолгора*.

2) Структура (состав) базовых оронимов

- одной лексемой: *Смолгора*;
- словосочетанием: *Дурная балка*.

3) Источниками базовых оронимов являются народные названия;

4) Ключевую роль в жизни города играют оронимы, которые исторически неизменны многие десятилетия.

6. Ойкодомоним – имя собственное здания (*Донецк-Сити*). В городе обнаруживается 8 единиц, относящихся к исследуемым ойкодомонимов (18%).

Донбасс-Арена – футбольный стадион в Донецке, построенный в 2009 году, рассчитан на 52 667 зрителей. Формально является домашним стадионом футбольного клуба «Шахтёр». Стадион стал символом Донецка после проведения в Украине чемпионата Европы по футболу «Евро-2012».

Классифицируя базовые ойкодомонимы по признакам, выделим такие группы:

1) Имя поля:

- тема города: *Донбасс-Арена, Донецк-Сити*;
- местоположения: *Южный автовокзал*;
- исторически сложившиеся: *Дом Юза*;
- игра букв и слов: *АБВГ-дейка*.

2) Структура (состав) базовых йокодомонимов:

- одной лексемой: *гостиница «Украина»*;
- словосочетанием: *гостиница «Донбасс Палас»*.

3) Источники:

- народные названия: *АБВГ-дейка*;
- официальные названия: *Донбасс-Арена, Green Plaza*.

4) Ключевую роль в жизни города играют:

- здания, связанные с событиями в городе: Донбасс-Арена;
- исторические памятники: Дом Юза;
- новые современные центры: Донецк-Сити, Green-Plaza.

7. Экклезионим – собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря (*Преображенка, Церковь Николая*). В городе обнаруживается 3 единицы, относящиеся к исследуемым экклезионимов (6%).

Преображенка – неофициальное название Спасо-Преображенского кафедрального собора, главный собор епархии Донецка. Нынешнее здание построено в 1990-х – 2000-х годах по образцу одноимённой церкви, разрушенной в 1931 году. Собор построен в самом центре города и является основным храмом для богослужений во время крупных религиозных праздников.

Классифицируя базовые экклизионимы по признакам, выделим такие группы:

1) Имя поля:

- собор: *Преображенка*;
- церковь: *Церковь Николая*;
- храм: *святых Петра и Февронии*.

2) Структура (состав) базовых экклизионимов:

- одной лексемой: *неофициальные названия (Преображенка, Николая)*;
- словосочетанием: *официальные названия (Храм святых Петра и Февронии*).

3) Источники:

- народные названия: *Преображенка*;
- официальные названия: *Храм святых Петра и Февронии*.

4) Ключевую роль в жизни города играют экклизионимы, связанные с историческими событиями города, новыми постройками и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что ментальной картой города является информация, существующая в сознании людей, которая связана с восприятием окружающего пространства и отражающая индивидуальный или групповой образ города. Базовыми урбанонимами являются городские названия, которые проявляют признаки лингвокультуремы и отражают самобытность города. Выделили несколько признаков базовых урбанонимов, таких, как имя поля, структура, характер источника, ключевая роль в жизни города. Рассмотрели базовые урбанонимы разных типов с классификацией урбанонимов по признакам.

Список литературы

1. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография [Текст] / В.В. Воробьев. – М. : МГУ, 1997. – 186 с.
2. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка [Текст] / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 55–72.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
4. Серапинас, Б.Б. Мысленные геообразы и ментальные геоизображения [Текст] / Б.Б. Серапинас // Вестник Моск. ун-та. География, 2007. – № 1. С. 8–12.
5. Downs R.M. Maps and metaphors. The Professional Geographer, 1981, Vol. 33, No. 3, pp. 287–293.
6. Jacobson D. Mental maps. Encyclopedia of Human Geography. B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA. London – New Delhi: SAGE Publications, 2006, pp. 299–301.
7. Klippel A. Mental maps. Encyclopedia of Geography. B. Warf (ed.), 2010. SAGE Publications. Available at: http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml (accessed 20.09.2020)

8. Tuan Y.-F. Images and mental maps. Annals of the Association of American Geographers, 1975, Vol. 65, No. 2, pp. 205–213.

References

1. Vorob'ev V.V. *Lingvokulturologiya (Teoriya i Metody): Monografiya* [Cultural Linguistics (Theory And Methods)]. Moscow: MGU Publ., 1997. 186 p.
2. Otin E.S. *Konnotativnie Onimi I Ikh Proizvolyie v Istoriko-Jetimologicheskom Slovare Russkogo Yazika* [Connotative Onyms and Their Derivatives in the Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. *Voprosi Yazikoznaniya*, 2003, no.2, pp. 55–72.
3. Serapinas B.B. *Myslennye Geoobrazy i Mentalnye Geoizobrazheniya* [Mental Geoimages and Mental Geo-Imagery]. *Vestnik Mosk. Un-ta*. *Geografiya*, 2007. no 1. pp. 8–12.
4. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow: Nauka Publ., 1978. 198 p.
5. Downs R.M. Maps and metaphors. The Professional Geographer, 1981, Vol. 33, No. 3, pp. 287–293.
6. Jacobson D. Mental maps. Encyclopedia of Human Geography. B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA. London – New Delhi: SAGE Publications, 2006, pp. 299–301.
7. Klippel A. Mental maps. Encyclopedia of Geography. B. Warf (ed.), 2010. SAGE Publications. Available at: http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml (accessed 20.09.2020)
8. Tuan Y.-F. Images and mental maps. Annals of the Association of American Geographers, 1975, Vol. 65, No. 2, pp. 205–213.

BASIC URBANITY MENTAL MAP OF DONETSK[1]

Zhukov A. E.

The article shows the relevance of the study of the mental map of the city of Donetsk. The article presents the analysis of the terms mental map, lingvoculturonym and basic urbanonym. As a result, the author defined the term mental map as information that exists in the minds of people and is associated with the perception of the surrounding space and reflects the individual or group image of the city. The term basic urbanonyms includes city names that show signs of linguoculturalism and reflect the identity of the city. Was also selected types of basic urbanity of the city of Donetsk, defined the characteristics of the base of the urbanity, the choice of base urbanity in accordance with the characteristics. The study classified basic urbanonyms based on the field name, structure, source of occurrence, and key role in the life of the city. In turn, urbanonyms were classified within the attributes: field name – activity, subjects, locations, events, etc., structure – one lexeme or phrase, sources – folk names, historical monuments, events, personalities. We identified the most common field names in godonyms, horonyms, agoronyms, hydronyms, oikodomonyms, ecclesionyms, such as location, city theme, Soviet times, well-being, famous people, etc. Also identified quantitative characteristics of the base urbanity in groups.

Key words: mental map, basic urbanonym, godonym, oikodonym, agoronym, hydronym, oronyms.

[1] *Поступила в редакцию 30.01.2021 г.*

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 130–136.

УДК 811.161.1: 036

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ)

Кондратьева Т. С., Назарова И. П.

Кубанский государственный университет;
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма,
Краснодар, Россия
E-mail: tanja-anja72@mail.ru; Leto_eto_@mail.ru

В статье анализируются семантико-прагматические особенности реализации фразеологизмов библейского происхождения в русскоязычных медиатекстах. Устанавливаются наиболее частотные фразеологизмы-библеизмы, участвующие в формировании образов в текстах СМИ. Подчеркивается, что при реализации в контекстах зачастую происходит десакрализация значений и наслоение новых (пейоративных или мелиоративных) коннотативных характеристик. Выявляются наиболее подверженные метафоризации фразеологические единицы, предлагается аргументированный комментарий выбора тех или иных образных средств библейского происхождения с установлением интегральных денотативных компонентов. Определяется активное использование различных видов трансформаций, наиболее частотными из которых являются расширение конструкции за счет включения в нее прилагательного или существительного с субъектным значением, замещение одного из компонентов сочетания с целью обратить внимание на те стороны социально-политической жизни, компоненты которых и включаются в структуру библеизма. Утверждается тесная связь между русским национальным сознанием и спецификой образных средств, лежащих в основе метафорического моделирования современных медиатекстов 2015–2020 гг. Доказывается, что фразеологические единицы библейского происхождения, включающие при реализации в контекстах яркую образность и оценочность, представляют собой серьезный инструмент для манипулирования и являются ценным фрагментом актуального медиадискурса.

Ключевые слова: фразеологизмы-библеизмы, медиатекст, трансформационный потенциал, коннотация, семантико-прагматические особенности.

ВВЕДЕНИЕ

Усиление манипулятивного потенциала медиатекстов, увеличение спектра освещаемых ими проблем, разнообразие интересов целевой аудитории определяет тот факт, что тексты СМИ расширяют диапазон сфер-источников, к которым апеллируют для иллюстрации и комментирования событий, происходящих в государстве и обществе. Одной из ценных сфер-источников, как показывает обзор медиатекстов последнего десятилетия, является религия, которая представляется многогранным, разветвленным, сложным общественным явлением и оказывает существенное влияние на культуру, политику, общественную жизнь. Бесспорной является связь религии с языком еще на уровне сверхтекстового, культурно обусловленного аспекта, поскольку и религия, и язык представляют собой определенные системы, которые моделируют общественное сознание народа и связаны с его менталитетом. Н. Б. Мечковская подчеркивает, что «…религия и язык обладают определенным содержанием, т. е. являются отражениями (моделями)

внешнего мира: религия – в системе религиозных представлений, язык – в системе лексических и грамматических значений» [4, с. 69]. Именно данный тезис с исчерпывающей полнотой объясняет столь высокую значимость религиозных фрагментов при формировании текстов разных жанров

Исследователи подчеркивают, что «Библия – это священная книга христиан, выдающееся явление мировой культуры, которое может рассматриваться как «источник философствования» (К. Ясперс), как «явление высшей духовной сущности» (С. Булгаков)» [5, с. 1]. Как показывает анализ текстов различных жанров, аллюзии к тексту Библии являются актуальными не только для художественной литературы, но и для произведений культурно-философского содержания, что проявляется в функционировании на страницах СМИ различных образов и сценариев, непосредственно связанных с библейскими сюжетами.

Целью предлагаемой статьи является установление особенностей реализации фразеологизмов библейского происхождения в медиатекстах 2015–2020 гг.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Фразеологизмы библейского происхождения (библейская фразеология, библеизмы) и их трансформационный потенциал неоднократно становились объектом научных исследований (работы А. Берих, В. Г. Гака, Ю. А. Гвоздарева, Л. М. Грановской, А. В. Давыдовой, К. Н. Дубровиной, Н. В. Климович, О. В. Ломакиной, Н. Б. Мечковской, Н. Н. Ничик, Е. С. Худяковой и др.), однако в данной статье предпринята попытка комплексного анализа фразеологизмов-библеизмов как составляющей актуального медиапространства.

В работе впервые проводится системный анализ фразеологизмов с опорой на выделенные авторами интегральные компоненты, что позволяет наиболее адекватно определить ключевой посыл той или иной конструкции, причину ее успешного использования для достижения адресантом поставленной задачи. Специфика коммуникативной функции медиатекстов заключается прежде всего в том, что она ориентирована на преобразование в сознании адресата картины социополитического мира и может быть представлена в виде сообщений, мнений, обобщений, сопоставлений с использованием различных жанров (репортаж, интервью, пресс-конференция, беседа, проблемная статья и др.), которые политически интерпретируются. Таким образом, коммуникация в политической сфере – это, прежде всего, способ осуществления политической власти через передачу информации, возбуждение эмоций, побуждение к активным действиям.

Манипулятивный потенциал современных СМИ определяет тот факт, что стратегически важным для автора медиапродукта (журналиста, политика, политолога) является умение навязать свои мнения и убеждения адресату сообщения, а наибольшую воздействующую силу, безусловно, имеют культурно маркированные единицы, апеллирующие к базовым нравственным ценностям аудитории. В частности, известные и близкие многим ценности православной культуры, а также определенные имена, конструкции и ситуации, описанные в тексте Священного Писания.

В современной лингвистике отсутствует однозначное определение термина «библеизм». В предлагаемой статье вслед за К.Н. Дубровиной мы определяем библеизмы как «…совокупность выражений, восходящих по своему происхождению к Библии – Священному Писанию, состоящему из книг Ветхого и Нового Заветов, которые были созданы в разное время, в разных местах, разными авторами и с разными целями. Библейская фразеология включает в себя устойчивые, воспроизводимые в речи, раздельнооформленные обороты, которые, как правило, обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеют переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщенно-образные)» [2, с. 12]. Именно образный потенциал фразеологизмов библейского происхождения и их значимое место в русском национальном сознании определяет их важную роль при формировании актуального медиапространства. Реализуясь в контекстах, данные конструкции приобретают не свойственную для денотата коннотацию и лежат в основе создания новых образов.

Конфликтность и агрессивность современного мира определяют тот факт, что частотными в медиапространстве становятся библеизмы с интегральным компонентом ***наказание***, представленные преимущественно такими единицами, как ***казни египетские*** (или номинации конкретных казней), ***Содом и Гоморра***, ***Всемирный потоп***, ***Вавилонское столпотворение***. Такие конструкции апеллируют к массовому адресату, в образной форме эксплицируя возможность потенциальной или уже существующей угрозы: «*«**Тьма египетская**» нависла над Европой*» (www.nakanune.ru, 02.02.2020); «*Голубая мечта террористов: общечеловеческие **Содом и Гоморра»*** (www.fognews.ru, 17.05.2015). В медиапространстве происходит трансформация данных фразеологизмов, где при замещении компонента или расширении конструкции включается слово, акцентирующее внимание на определенной социально-политической или экономической проблеме: «***Тьма крымская**: из-за подрыва ЛЭП в Херсонской области Крым испытывает дефицит электроэнергии»* (www.crimea.mk.ru, 25.11.2015); «***Партийное столпотворение»*** (www.itogi.ru, 10.04.2016); «***Содом, Гоморра и экономическая стабильность**: Меркель рассказала о главных тревогах мирового сообщества…»* (nevnov.ru, 03.06.2015).

Как показал анализ, в текстах СМИ реализуются фразеологизмы-библеизмы, денотативное содержание которых включает ***целевой*** компонент (***земля обетованная***, ***путеводная звезда***). Подчеркнем, что в медиатекстах подобные конструкции могут функционировать как с сохранением своей конструктивной семантики («*Россия стала **землей обетованной»*** (www.gazeta.ru, 18.06.2017); «***Путеводная звезда** альянса»* (www.gzt.md, 26.07.2015)), так и с ироничной коннотацией, когда определенное явление или событие не может быть оценено однозначно («*Украина – **земля обетованная** или всеобщий концлагерь?»* (www.cont.ws, 21.07.2015)) или оценивается резко негативно («*Венгрия: СМИ обманывают беженцев, называя Европу **землей обетованной»*** (www.vz.ru, 12.09.2015)).

Важной составляющей библейских текстов являются образы, связанные с поиском пути, выбором правильной цели. Безусловно, ключевым образом,

транслированным в медиапространство, является образ ***блудного сына***, который восходит к притче из Евангелия. В контекстах данный библеизм реализуется преимущественно в трансформированном виде, при этом наиболее активно происходит замещение второго компонента единицами из разных тематических групп: «*Беларусь:* ***Блудная дочь*** *не вернется домой добровольно»* (www.regnum.ru, 09.10.2020), «*Возвращение* ***блудной Украины*** (www.kp.ru, 31.07.2016).

Другим актуальным библейским образом является образ ***заблудшей овцы.*** Следует заметить, что словарная дефиниция предполагает называть «заблудшей овцой» человека, в то время как в контекстах реализацию значения фразеологизма по отношению к одушевленному лицу мы встречаем лишь единожды, при этом лицо прямо не называется: «*СБУ опубликовала исповедь еще одной* ***"заблудшей овцы"*** *из ДНР»* (www.nv.ua, 31.08.2015)). В остальных случаях мы наблюдаем, что в роли ***заблудшей овцы*** выступают значимые в мире политические объединения («*ЕС нам не враг, а просто* ***заблудшая овца****, которую надо вернуть на правильный путь»* (www.erblock.crimea.com, 23.11.2018)), а также государства («*Армения –* ***заблудшая сестра*** *Франции, которая не приходит ночевать домой»* (www.ru.oxu.az, 02.02.2015)).

Наряду с промахами государственных деятелей и политиков особое внимание средствами массовой информации уделяется тем явлениям в деятельности государства, которые приводят к разрушению или опустошению той или иной сферы жизни страны. Различного рода «разорения» благосостояния общества являются следствием ошибочных действий политических деятелей и сказываются как на внутренней, так и на внешней политике государства. В текстах политических СМИ носителем семантики опустошения и разорения становятся такие библеизмы, как ***мерзость запустения*** и ***камня на камне***. В медиатекстах наиболее часто в состоянии полного опустошения оказываются различные политически важные явления и течения: «*Национал-демократия –* ***мерзость запустения»*** (www.livejournal.com, 29.09.2015), «*Час либералов, или* ***мерзость запустения»*** (cprfspb.ru, 23.06.2015)).

Библеизм ***камня на камне*** (не оставить) сохраняет негативную коннотацию и используется для представления абсолютного разрушения не только государственно важных территорий, но политических действий и явлений («*Хунта* ***камня на камне*** *не оставила от «минских соглашений»* (www.rusvesna.su, 29.10.2015); «*Западные СМИ* ***камня на камне*** *не оставили от мифов политиков»* (www.facenews.ua, 15.08.2016)).

Весьма частотной конструкцией библейского происхождения является единица ***камень преткновения***, реализуемая в медиатекстах с интегральным компонентом ***препятствие***, при этом под ***камнем преткновения*** понимаются различные социально-политические субъекты, ставшие причиной дискомфорта или конфликта: «***Израиль*** *прекращает отношения с ЕС:* ***камень преткновения*** *– Палестина»* (www.from-ua.com, 30.11.2015); «*Пушков назвал Меркель «****камнем преткновения****» на пути к возрождению российско-германских отношений»* (www.nation-news.ru, 11.12.2017); «*Операция в Сирии –* ***камень преткновения*** *для западной пропаганды»* (www.politrussia.com, 30.10.2015); «*Коррупция стала* ***камнем преткновения*** *на пути балканских стран в ЕС»* (www.nv.ua, 08.10.2016). В медиатекстах наблюдается

трансформация, связанная с расширением грамматических возможностей конструкции, в частности, появлением числовой парадигмы («*Пенсионная реформа: главные* ***камни преткновения»*** (НГ, 19.01.2016)); расширением словообразовательных возможностей («*Маленьким* ***камешком преткновения*** *для российского президента и турецкого премьера оказался, как и ранее, сирийский вопрос»* (www.topwar.ru, 05.12.2017)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что в медиатекстах посредством использования фразеологизмов-библеизмов авторы-журналисты описывают свое отношение к политическим событиям, личностям, объединениям, системам, государствам и отдельным территориям, а также к документам государственной значимости, при этом зачастую происходит десакрализация значений и наслоение новых коннотативных характеристик. Анализ способов представления библеизмов в текстах СМИ показал активное использование различных видов трансформации: расширение конструкции за счет включения в нее прилагательного или существительного с субъектным значением, замещение одного из компонентов сочетания с целью обратить внимание на те стороны социально-политической жизни, компоненты которых и включаются в структуру библеизма. Таким образом, фразеологические единицы библейского происхождения, включающие при реализации в контекстах яркую образность и оценочность, представляют собой серьезный инструмент для манипулирования и являются ценным фрагментом актуального медиадискурса.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 55–56.
2. Дубровина, К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре: монография [Текст] / К. Н. Дубровина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 264 с.
3. Климович, Н. В. К вопросу об определении библеизма в лингвистике [Текст] / Н. В. Климович // Вестн. Красноярского гос. ун-та. – № 3 (2). – 2006. – С. 200–204.
4. Ломакина, О. В. Особенности употребления библейских фразеологических единиц в языке Л. Н. Толстого [Электронный ресурс] / О. В. Ломакина. – Режим доступа: http://www.revistes.ub.edu/index.php/AFLM/article/download/5469/7247. – (Дата обращения: 15.10.2020).
5. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманит. вузов и учащихся лицеев [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 206 с.
6. Орлова, Н. М. Динамический характер библейской прецедентности [Текст] / Н. М. Орлова // Известия Саратовского университета. Серия «Социология и Политология». – № 2. – 2009. – С. 46–52.
7. Пономаренко, И. Н. Библейский текст как основа формирования интертекстуальности в религиозном дискурсе [Текст] / И. Н. Пономаренко, А. А. Хамраева // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Материалы II Международной научно-практической конференции молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов). 2017. – С. 38–40.

8. Реунова, Е. В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском, французском и английском языках : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» [Текст] / Е. В. Реунова. – М., 2016. – 255 с.
9. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций [Текст] / Т. Г. Скребцова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
10. Чумакова, К. Религиозный дискурс в массмедиа [Электронный ресурс] / К. Чумакова. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada6/st47.shtml. – (Дата обращения: 26.11.2020).

References

1. Gak V. G. *Osobennosti Bibleiskikh Frazeologizmov v Russkom Yazyke (V Sopostavlenii s Frantsuzskimi Bibleizmami*) [Peculiarities of Biblical Phraseological Units in the Russian Language (in Comparison with the French Biblicalisms)]. *Voprosy Yazykoznaniya*, 1997, no 5, pp. 55–56.
2. Dubrovina K. N. *Bibleiskie Frazeologizmy v Russkoi i Yevropeiskoi Kulture*: Monografiya [Biblical Phraseological Units in the Russian and European Culture]. Moscow: FLINTA Nauka Publ., 2012. 264 p.
3. Klimovich N. V. *K Voprosu ob Opredelenii Bibleizma v Lingvistike* [The Question of the Definition of Biblicalism in Linguistics]. *Vestnik Krasnoyarskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no 3 (2), 2006, pp. 200–204.
4. Lomakina O. V. *Osobennosti Upotrebleniya Bibleiskikh Frazeologicheskikh Yedinits v Yazyke L. N. Tolstogo* [Peculiarities of Biblical Phraseological Units of Leo Tolstoy]. Available at: http://www.revistes.ub.edu/index.php/AFLM/article/download/5469/7247. (accessed 15 October 2020).
5. Mechkovskaya N. B. *Sotsialnaya Lingvistika: Posobie Dlya Studentov Gumanitarnykh Vuzov i Uchashchikhsya Litseev* [Social Linguistics. A Textbook for Humanitarian Students of the Universities and Lyceum Students]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2000. 206 p.
6. Orlova N. M. *Dinamicheskii Kharakter Bibleiskoi Pretsedentnosti* [The Dynamic Nature of Biblical Precedent]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya Sotsiologiya i Politologiya*, no 2, 2009, pp. 46–52.
7. Ponomarenko I. N., Khamraeva A. A. *Bibleiskii Tekst kak Osnova Formirovaniya Intertekstualnosti v Religioznom Diskurse* [The Biblical Text as the Basis for the Formation of Intertextuality in Religious Discourse]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoi Filologii: Teoriya, Praktika, Perspektivy Razvitiya. Materialy II Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii Molodykh Uchenykh (Doktorantov, Aspirantov i Magistrantov)*, 2017, pp. 38–40.
8. Reunova Ye. V. *Lingvopragmaticheskii Analiz Bibleizmov v Russkom, Ispanskom, Italyanskom, Frantsuzskom i Angliiskom Yazykakh: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Linguopragmatic Analysis of Biblical Texts in Russian, Spanish, Italian, French, and English. Abstract of Thesis]. Moscow, 2016. 255 p.
9. Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya Lingvistika: Kurs Lektsii* [Cognitive Linguistics. A Course of Lectures]. SPb.: Filologicheskii Fakultet SPbGU Publ., 2011. 256 p.
10. Chumakova K. *Religioznyi Diskurs v Massmedia* [Religious Discourse in the Mass Media]. Available at: http://discourseanalysis.org/ada6/st47.shtml. (accessed 26 November 2020).

SEMANTIC-PRAGMATIC POTENTIAL OF PHRASEOLOGISMS OF BIBLICAL ORIGIN (ON THE MATERIAL OF MEDIA TEXTS)

Kondratyeva T. S., Nazarova I. P.

The article analyzes the semantic and pragmatic features of the implementation of phraseological units of biblical origin in media texts. The most frequent biblical phraseological units are established, which are involved in the formation of images in the texts of the media. It is proved that when implemented in contexts, desacralization of meanings and layering of new (pejorative or ameliorative) connotative characteristics often occur. The phraseological units most susceptible to metaphorization are revealed, a reasoned commentary on the choice of certain figurative means of biblical origin with the establishment of integral denotative components is offered. The active use of various types of transformations is determined, the most frequent of which are the expansion of the structure by including an adjective or noun with a subject meaning in it, the replacement of one of the components of the combination in order to draw attention to those aspects of socio-political life, the components of which are included in the structure of biblicalism. A close connection is established between the Russian national consciousness and the specificity of the figurative means that underlie the metaphorical modeling of modern media texts in 2015–2020. It is proved that phraseological units of biblical origin, which, when implemented in contexts, include vivid imagery and evaluativeness, represent a serious tool for manipulation and are a valuable fragment of current media discourse.

Key words: phraseological units-biblical units, media text, transformational potential, connotation, semantic-pragmatic features.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 137–152.

УДК 372.881.161.1

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Орехова Л. А.

Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО РК «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: la.orehova@gmail.com

В статье используются редкие документы 1820–1840-х годов, хранящиеся в фондах Государственного архива Республики Крым, а также в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, дающие вполне определенные представления о положении, местных проблемах и развитии народного образования в Таврической губернии в начале XIX века. При анализе использованы ежемесячные отчеты и докладные записки учителей в Дирекцию Таврических училищ о ходе учебного процесса, количестве, национальностях учеников и их успеваемости (иногда с описанием пройденного материала, оценками), о бытовых условиях работы уездных и приходских училищ. Представлены документы, отражающие инициативы Министерства просвещения России по проблемам национального образования, освещена работа попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича по инспектированию народных училищ, по развитию училищных библиотек, по составлению дидактически выверенных учебных программ, предусматривающих последовательное увеличение учебных часов на русский и национальные языки в учебных заведениях. Особо представлены меры губернского начальства по подготовке национальных кадров (учителей, переводчиков, чиновников) и открытию Татарского училищного отделения при Симферопольской гимназии. Охарактеризованы нормы государственного финансирования, условия поступления и проживания учащихся Татарского училищного отделения, а также деятельность его выпускников в качестве учителей и, в частности, их первые попытки по составлению учебников и пособий по крымско-татарскому языку. Продемонстрированы документы о проходивших 15 сентября 1839 г. в Симферопольском уездном училище экзаменах по русскому языку для кандидатов на должности учителей; экзаменационные листы, в которых сохранились примеры анализа предложения, «критерии» и комментарии при оценивании знаний.

Ключевые слова: народное образование в Таврической губернии, Одесский учебный округ, Д. М. Княжевич, Татарское училищное отделение, учебные программы.

ВВЕДЕНИЕ

История народного образования в Крыму остается в числе актуальных в филологической регионалистике. Сохранившиеся в Крымском государственном архиве Республики Крым документы Дирекции училищ Таврической губернии, отчеты учителей, отчеты об инспекциях попечителя учебного округа, ведомости и др. – позволяют аргументировано подойти к **цели** нашего исследования: составить представление о программах, проблемах и условиях преподавания русского и национальных языков в учебных заведениях губернии 1820–1840-х годов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Вторая четверть XIX в. признавалась временем реформ в народном образовании [12]: реформой 1828 г. разделялись учебные программы приходских, уездных училищ и гимназий, постепенно исключалась преемственность в системе школ. По Положению об учебных округах 1835 г., с целью «единства ответственности», «простоты и, следовательно, достоверности управления», народные учебные заведения переходили из ведения университетов (Таврическая губерния, в частности, находилась в ведении Харьковского университета) в непосредственное ведение попечителей учебных округов. Положение 1836 г. о производстве в чины и «об определении пенсий по учебной части» улучшало материальное обеспечение учителей; в 1839 г. вышло Положение о «реальных» классах при учебных заведениях. Кроме того, с назначением в 1833 г. министром просвещения С. С. Уварова происходят существенные изменения в стратегии народного образования, учебных программах и материальном обеспечении учебных заведений, что потребовало активной работы попечителей учебных округов и местного начальства. Таврическая губерния (наряду с Екатеринославской, Херсонской губерниями и Бессарабским краем) с 1832 г. входила в Одесский учебный округ. К 1840 г. по числу обучающихся на душу населения губерния занимала одно из первых мест в России: 1:93. Для сравнения: в Подольской губернии 1:631; Полтавской 1:509; Вятской 1:538; Московской 1:471; Харьковской 1:284; Херсонской 1:61 [24, с. 29].

К 1840-м годам в губернии работало 15 казенных учебных заведений: 1 гимназия, 7 уездных училищ с 440 учениками и 7 приходских, где обучалось 245 учеников; в соответствии со штатным расписанием, в них работало 56 учителей. Кроме того, немало было так называемых «частных» национальных учебных заведений, существовавших при приходах или национальных обществах «на счет» добровольных пожертвований: 2 еврейских, 2 караимских, армянское, немецкое училища, греческие школы при церквах [20, с. 74], медресе, почти в каждом селе имелись начальные татарские школы – мектебы. В приходе Биюк-Дорами при еврейском обществе действовало 2 еврейских училища: одно – с 1785 г., другое – «какого года по древности, неизвестно»; оба содержались «на счет 3 гильдии карасубазарских купцов Хайма и Леви». В 1816 г. в Карасубазаре открылось приходское училище при армянской церкви (под ведением 3 гильдии купца Ник. Ив. Семенова); с 1820 г. при армяно-католической церкви Карасубазара работало приходское училище, где изучались словесность на армянском языке, а также русское чтение и письмо. Имелись греческая школа при Симферопольской греческой церкви, еврейская школа при синагоге, 70 учащихся состояло в Симферопольском медресе, с 1836 г. в Симферополе существовало немецкое училище, где обучали чтению и письму на немецком языке [1]. Обучение в частных и «неподведомственных» Министерству просвещения национальных школах в основном «относилось до религии», в редких из них учили читать, писать и первым правилам арифметики. При этом религиозные учебные заведения предпочитали не заявлять о себе официально. Так, в 1837 г. надзиратель Бахчисарайского приходского училища докладывал штатному смотрителю Симферопольских училищ, что сведения о частных учебных заведениях Бахчисарая доставить не может, т. к. этих сведений не

дают не только по его требованию, но и по «предписанию Таврического магометанского духовного правления» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 65, л. 26]. Ведомости по частным учебным заведениям Карасубазара (ныне Белогорск) удалось, например, составить лишь по предписанию Таврического губернатора. А из Керчи сообщили, что частная греческая школа «не подает отчетов» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 524, л. 3]. Ввиду таких сложностей, штатные смотрители отписывались в отчетах, что частных учебных заведений в их уездах нет: так в 1839 г. докладывали смотрители училищ Евпаторийского, Севастопольского уездов [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 524, л. 2, 4; ед. хр. 526, л. 19]. Были, впрочем, и «подведомственные» частные учебные заведения, т. е. действовавшие с позволения попечителя учебного округа: частная школа для образования девиц в Симферополе (кол. сов. Смолина), Керченский (Кушниковский) девичий институт (попечительница гр. Е. К. Воронцова), а также девичий пансион Дево-Сен-Феликс в Севастополе.

Еще в середине 1780-х годов Г. А. Потемкин, выполняя волю Екатерины II, планировал образование ряда народных школ в Крыму не только для русских учащихся, но и для тех, «кои греческий, татарский или иной язык употребляют, устроя при том в главных городах по одному главному народному училищу для больших классов и обучения школьных учителей» [13, с. 34]. Но проблема открытия государственных национальных учебных заведений, в частности, татарских, упиралась в национальные традиции и отсутствие национальных педагогических кадров. Поэтому в 1830-е годы по государственным программам подготовки национальных кадров особое внимание стали уделять восточным языкам, что коснулось ряда учебных округов, в частности, Одесского. В Ришельевском лицее (Одесса) была образована кафедра арабского, турецкого и персидского языков. Известный ориенталист Б. А. Дорн говорил «о чрезвычайной важности» и быстрых успехах изучения азиатских языков в России. Крым нуждался в учителях татарского языка, а также переводчиках, писарях, чиновниках.

В начале XIX в. в Симферопольском уездном училище (открыто в 1809 г.), «ввиду местных потребностей», начали преподавать татарский язык; вводилось и преподавание французского, итальянского, греческого языков. Уже через год стало ясно, что для успешного обучения татарские дети должны прежде пройти курс русского языка; решено было открыть «низший» класс, чтобы дети татар «могли привыкнуть к обхождению с российским юношеством с помощью своего учителя». 16 июня 1810 г. «низшее» татарское отделение было открыто; поступило 23 ученика. Но детей-мусульман, желающих обучаться, оказалось мало, и на вакантные места приняли 10 учеников христианского вероисповедания, причем несколько – из дворянских семей.

1 сентября 1812 г. была открыта Симферопольская гимназия, а в 1827 г. при ней образовали татарское училищное отделение, которое упразднило аналогичное в уездном училище, поскольку в учебном, в религиозном и бытовом отношении становилось более привлекательным для мусульманского населения, особенно для небогатых сословий и представителей сельских местностей. На этом подробнее остановимся чуть позже, а сейчас важно отметить, что вопросы национального

образования никогда не уходили из поля зрения ни руководства Таврической губернии, ни Министерства просвещения России.

Новые инициативы в развитии образования в Крыму связаны были с назначением в 1837 г., «по выбору» министра Просвещения С. С. Уварова, попечителем Одесского учебного округа Дмитрия Максимовича Княжевича (1788–1844). С. С. Уваров, с юности занимавшийся литературой (член общества «Арзамас», почетный член Вольного общества любителей российской словесности, где вице-президентом в 1824 г. был Д. М. Княжевич [13, 15]), хорошо знал его как ответственного, на редкость трудоспособного чиновника Министерства финансов, литератора, издателя [14, 16, 18]. На Княжевича как попечителя учебного округа возлагалась ответственность за очередные конкретные мероприятия, и ожидания С. С. Уварова вполне оправдались. В Одессе Княжевич многое сделал для реорганизации Ришельевского лицея, в 1839 г. создал Одесское общество истории и древностей (ООИД), сам редактировал первый том Записок Общества, возобновил издание «Новороссийского календаря» (до сих пор являющегося для крымских краеведов источником важнейших сведений), издал 2 выпуска «Одесского альманаха» на 1839 и 1840 годы [11, с. 335–337]. К слову: являясь членом Российской академии (с 1837 г.), Д. М. Княжевич в сотрудничестве с Н. И. Надеждиным, А. Ф. Шениным, К. М. Бороздиным в 1830-е гг. разрабатывал проект издания Отечественного словаря [22, л. 2].

Но сейчас важно отметить его инициативы по совершенствованию работы учебных заведений. По нескольку раз в году Княжевич объезжал с инспекциями самые отдаленные районы округа, в том числе Таврической губернии, искал и приглашал для работы в училищах округа студентов, заботился о составлении училищных библиотек, создании учебников для национальных школ, привлекая к этому учителей. В первые же месяцы пребывания в Одессе Княжевич обращается к своему другу, драматургу и академику М. Е. Лобанову (10 декабря 1837 г.): «Кажется, у нас в Академии есть много книг, как ею изданных, так и купленных, которые лежат без пользы, а здешние учебные заведения очень бедны библиотеками. Нельзя ли Академии поделиться? Если можно, то научите, как это лучше сделать? Очень много этим обяжете, ибо недостаток в книгах большой, а денег на это нет. Сердце болит, глядя на здешние заведения, из которых много полезного можно сделать, если бы были средства» [21, л. 4].

В отчете Министерства просвещения за 1838 г. отмечалось, что «действительный статский советник Княжевич <...> постиг особенную цель своего назначения» в таком крае, «которого отличительный характер составляет <...> соединение разнородных племен и где на училищных скамьях сидят вместе и русские, и поляки, и италиянцы, и немцы, и французы, и молдаваны, и евреи, и турки, и татары, и караимы, и армяне, и греки, и болгары» [6, с. XCIV–XCV]. Княжевич ревностно выполнял свой долг, посещая «закоулки, носящие имя училища: еврейскую школу, мусульманское медресе»: «Тут надо было видеть его иногда в грязной лачуге, без окон и пола, выслушивающего робкий лепет оборванных, босоногих ребятишек» [2, с. 15]. В Крыму, в частности, при содействии Княжевича ускорено открытие в 1837 г. татарских классов в Бахчисарае и Карасубазаре (при

приходских училищах, на счет тамошних городских дум). Тогда же, в 1837 г., татарский язык как местный вновь введен в Симферопольском уездном училище [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 65, л. 3] и во всех приходских училищах Крыма, для чего изменено распределение учебных часов и добавлено 6 уроков в неделю. Вместе с тем, Княжевичем были пересмотрены все программы преподавания и «устроены» «на разумно-верных началах»: «С этой целью попечителем были созданы программы, в которых распределение учебных часов приноравливалось к понятиям каждого возраста и сообразно с практической целью». Так, в низших классах отменялась часть наук и языков, предпочтение отдавалось практическим занятиям, «в особенности *по отечественному языку* (курсив мой. – *Л. О.*)» [10, с. 47–48]. Составленные Д. М. Княжевичем «Программы для Преподавания всех предметов в Гимназиях и в Училищах Уездных и Приходских» представляли собой «как бы ручную педагогическую книгу, в которой низшее и среднее воспитание, с постоянным вниманием к возрасту <…> и местным потребностям воспитывающегося юношества, ведется от низших ступеней до высших, с удивительно-выдержанною последовательностью, <…> так что каждый предмет, во всех своих мельчайших подробностях, идет с другими параллельно» [23, с. II]. В Государственном архиве Республики Крым среди документов уездных училищ сохранились «Программы» Княжевича. В соответствии с ними преподавание русского языка в училищах должно занимать первое место: «В Новороссийском краю это особенно необходимо <…>, ибо, не говоря уже о значительном числе живущих здесь греков, евреев, немцев, татар, молдаван <…>, дети которых поступают в училища, вовсе не зная по-русски, самые природные русские в здешнем краю не только из низших и средних сословий, но и из высших, говорят весьма испорченным наречием русского языка» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 113]. «Программы» увеличивали количество занятий по русскому языку во всех классах до 25 часов в неделю. На практике это выражалось в замене некоторых занятий на уроки русского языка по одному часу в неделю. Скажем, на 1 час в неделю уменьшалось количество уроков латинского языка, и этот час отводился на урок языка русского; преподавание Закона Божия в 3 и 4 классах уменьшилось с 11 до 9 часов в неделю, зато 2 часа прибавлялось для занятий русским языком [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 526, л. 144]. Д. М. Княжевич хорошо разобрался в этих вопросах и предлагал программы по *всем* изучаемым предметам, причем акцент делался на *понимании* материала, а не заучивании наизусть. В пособии буквально продемонстрировано, *как* следует вести урок истории, где учитель объясняет *доступным* детям языком, «*своими словами*», и того же требует от учеников.

Следует понимать, что с начала XIX в. обязательные программы обучения не менялись долгие годы, в гимназический курс не входили русский язык и арифметика, которые, в соответствие с Уставом 1804 г., изучались в уездных училищах. В результате сложилось так, что в гимназическом курсе Симферополя дети с 1 класса изучали латинский, немецкий, французский языки, риторику, логику – и лишь один раз в неделю в 1 и 2 классах проводились занятия по дисциплине «Всеобщая грамматика» [3, с. 8, 9]. Наличие дисциплины с таким названием, да еще и в младших классах гимназии, сегодня вызовет у лингвистов удивление. Но начало XIX века было временем всеобщего философского увлечения «едиными основами существования

языкового сознания у разных народов» [25, с. 31]. «Философско-грамматическое» направление отразилось на составлении учебных руководств, которые, ввиду отсутствия «четкого разграничения школьной и научной грамматики», зачастую использовались как учебники [25, с. 33]. Нужно ли говорить, что материалы эти были недоступны детскому пониманию; в школах необходимы были уроки практического правописания.

Ранее, 5 июня 1819 г., министр Духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицын подписал Циркуляр из Департамента народного просвещения «О предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах», разработанный С. С. Уваровым (на то время попечителем С.-Петербургского учебного округа). Циркуляр впервые предусматривал увеличение учебных часов на изучение русского языка в уездных училищах, в число обязательных дисциплин включались российская грамматика, чистописание, правописание, правила слога [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 110, л. 16]. Что касается гимназий, то предполагалось, что сюда дети придут со знаниями уездного училища, и в гимназических курсах русский язык уже не предусматривался. Это положение следовало менять.

Вот почему в 1839 г. «Программами» Д. М. Княжевича вводились в учебные планы Симферопольской гимназии чистописание, русский язык, в старших классах – словесность, что с одобрением было встречено министром просвещения С. С. Уваровым. Кроме того, вышел Указ, что в Таврической губернии и области Бессарабской воспитанникам гимназий и училищ нерусского происхождения при поступлении на службу, при условии отличного знания русского языка, даровалось право получения чина XIV класса [7, № 1, с. 14]. В Крыму ускоренно составлялись «особенные книги для чтения и прописи» для татарских училищ [7, № 5, с. 81], привлекались к этой работе учителя. Так, учитель Симферопольского уездного училища Виктор Ивлов занимался составлением «Краткой Российской грамматики» для учащихся [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 573, л. 3].

Это вовсе не означало забвение языков национальных. Например, в Перекопском уезде, где была самая многочисленная община немцев-колонистов, по ходатайству штатного смотрителя Перекопского уездного училища Ег. Шевелева и с разрешения министра народного просвещения, помимо татарского языка (с 1835 г.) с 1 сентября 1837 г. в учебные планы введены латинский, немецкий языки, с 1839 г. – греческий [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 525, л. 13, 14]. Греческий язык изучался добровольно начиная с III класса в Симферопольской гимназии: 1 час в неделю в III классе, по 4 часа – в IV–V классах, по 3 – в VI–VII. Для тех, кто не учил греческий язык, часы, отведенные для него, заменялись в III классе чистописанием, в VII – математикой [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 4]. С 1836 г. изучение татарского и греческого языков «предоставлено на волю обучающихся» в Феодосийском уездном училище, для этого отведены особые часы в виде дополнительных: 12-ый час каждый день утром и 3–4-ые часы пополудни по средам и субботам – всего 9 часов в неделю [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 26–27, 34]. В 1840 г. введено изучение немецкого языка в Керченском уездном училище [24, с. 14].

15 мая 1838 г., по предложению Д. М. Княжевича, вышло *новое* Положение для татарского училищного отделения при Симферопольской гимназии. В добавление к

определенным на содержание училища еще в 1827 г. 8500 руб., по ходатайству Княжевича [24, с. 80], из государственной казны решено отпускать еще по 2000 руб. в год: на увеличение жалования татарскому учителю (800 руб.), двум надзирателям (900 руб.), мулле за преподавание Закона (200 руб.), «да на книги и учебные пособия для воспитанников» – 100 руб. [7, № 4, с. XCIV–XCV]. Так как основная задача училища – «образование учителей для городских и сельских татарских училищ», решено принимать ежегодно на счет казны 20 человек *татарских детей бедного состояния и «преимущественно из духовного звания»*; могли быть принимаемы и своекоштные воспитанники, «но не иначе, как из детей татар» с платежом ежегодно по 300 руб. и «единовременным взносом на первоначальное обзаведение по 50 руб.». Согласно Положению, воспитанники отделения обучаются в гимназии вместе с другими учениками всем предметам, кроме христианского Закона и иностранных языков, «коих изучение предоставляется им, впрочем, на волю». Русский язык изучался «преимущественно перед прочими науками». Определение в татарское училищное отделение зависело от Таврического гражданского губернатора, о каждой вакансии дирекция уведомляла попечителя. Принимались дети не младше 8 лет и не старше 12 со свидетельством о привитой оспе, при этом умеющие читать и писать «определяются преимущественно перед другими». Ставилось важное условие: без уважительных причин казенный воспитанник не может оставить учебу и по окончании курса обязан отработать 6 лет в учительском звании (на своекоштных это не распространялось).

В Положении оговаривалось, что суммы, отведенные на содержание училища, «не смешиваются с другими, но употребляются единственно для нужд или пользы сего заведения». Вместе с воспитанниками живут 2 надзирателя, «надежной нравственности и объясняющиеся на татарском языке». Татарский язык преподается не менее 12 часов в неделю, для обучения магометанскому Закону Таврический муфтий назначает муллу или эфенди. Во время магометанских праздников воспитанники ходят в мечеть и освобождаются от учения. Учебные книги, бумага и вообще «все нужное» предоставляет ученикам Отделение. Воспитанники одеваются сообразно с общею формою для гимназий. «Белье на воспитанниках, а равно и столовое, переменяется 2 раза, а постельное – 1 раз в неделю». «Пища для воспитанников приготовляется здоровая, в достаточном количестве и сообразно законам магометанским». При Отделении назначается особая комната для больных, для прислуги определяются 2 служителя, повар из татар, а также прачка.

Приведенные нами выдержки из Положения [7, № 4, с. CLXXXI–CLXXXII] гарантировали надежное материальное обеспечение училища. Расходная смета утверждалась министром просвещения. Здесь добавим, что во всех инициативах Д. М. Княжевича надежным помощником ему в Крыму был младший брат Владислав Максимович Княжевич (1798–1873), чиновник, прошедший в Министерстве финансов России школу Е. Ф. Канкрина и служивший с 1832 г. председателем Таврической казенной палаты и вице-губернатором. С юности он увлекался литературой, историей [11, с. 469–523]; в Крыму активно вникал в материальные проблемы учебных заведений, передавал в гимназическую библиотеку книги, пособия, периодические издания. К чести В. М. Княжевича упомянем, что в начале

Крымской войны именно он организовал, по отсутствию госпиталей в Симферополе, размещение раненных в Альминском сражении солдат в чиновничьих домах, а в собственном доме поместил 116 человек; позднее он возглавил Крестовоздвиженскую Общину сестер милосердия [19, с. 431–461].

Как председатель казенной палаты, В. М. Княжевич имел возможность контролировать поступление денежных сумм в Татарское училищное отделение. В Крымском архиве сохранилась смета 1839 года. Из нее следует, что учителю татарского языка «положено жалование 1176 руб. в год»; 2 надзирателя получали по 735 руб., эфенди – 200, врач – 100 руб., 2 служителя при воспитанниках – по 200 руб., прачка – 180. Учащиеся отделения имели комплект одежды: мундир, куртку, 2 панталон, рубаху, 4 пары сапог, 4 пары туфель, а также татарские катыри (здесь же объясняется: «катыри – род калош, в которых татары ходят в мечеть»). Особым приказом попечителя округа разрешалось татарам вместо форменной гимназической одежды носить одеяния, «употребляемые их единоверцами – черкесские кафтаны или чекмени, шаровары, шапки черкесские и башлыки» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 28, л. 31].

В 1839 г. в Татарском училищном отделении гимназии числилось 16 учеников: четверо во 2-ом классе гимназии, трое – в 3-ем, трое – в 4-ом, шестерых мальчиков приняли из уездных и приходских училищ. Кроме общегимназических дисциплин, воспитанники Отделения занимались изучением Корана, а также переводами с татарского языка на русский, а в старших классах делали переводы из греческой истории на татарский язык. В ведомостях успеваемости, как правило, оценки отличные и хорошие. Только один нерадивый имел «0» по поведению и «1» за прилежание [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 28, л. 31]. В 1840 г. в Отделении обучалось всего 10 учащихся, но постепенно оно становилось, по условиям проживания и обучения детей, все более популярным среди татарского населения. Училище регулярно проверялось попечителем, губернским и уездным начальством. В октябре 1837 г. татарское училищное отделение удостоила посещением Великая княгиня Елена Павловна в сопровождении Новороссийского и Бессарабского военного губернатора гр. М. С. Воронцова. Для усиления преподавания русского языка в татарском училище министр С. С. Уваров поручил попечителю Д. М. Княжевичу «озаботиться составлением для татарских училищ особенных книг и прописей». Характерно, что воспитанникам нерусского происхождения за хорошее освоение русского языка даровано право (в Ост-Зейских, западных губерниях, в Таврической губернии и Бессарабской области) получения чина XIV класса при поступлении на службу. Такое право в великорусских гимназиях давалось за познания в языке греческом [8, № 1, с. 14, 21].

Долгие годы учителем татарского языка в Отделении был Григорий Гайвазовский, впоследствии его ученики, выпускники Отделения преподавали татарский язык (иногда и русский) практически во всех уездах губернии: Селимов (Феодоссийское уездное училище), Нурмамбек Арифмеметов, «из поселянского звания» (Бахчисарайское приходское училище), Осман Газиев, «из податного состояния» (Карасубазарское приходское училище), Илья Газиев (Сарабузское приходское училище). Учителя приходских училищ, в том числе и татарского языка, получали жалование из городовой думы в размере 300 руб. в год и, как правило,

проживали в доме, где помещалось училище; надзиратели русских и татарских классов (они назначались духовенством) жалования не получали.

Что представляли собой в эти годы татарские классы в приходских училищах Бахчисарая и Карасубазара? Характеризовать обучение в них, опираясь на сухие статистические данные, сложно не только потому, что количество учеников менялось (выбывали и поступали новые во время учебного года), но и потому, что надзиратели училищ порой искажали цифры в «лучшую» сторону. Об истинном положении вещей нам «рассказывают» некоторые детали в отчетах. Попробуем восстановить по ним картину развития народного образования 1837–1839 гг.

Так, в Карасубазарском приходском училище количество учеников в русском классе колебалось от 28 до 36 человек, в татарский класс записалось 19. Но, как докладывал надзиратель татарского класса мулла Умер Таракчи Оглу, к 1 сентября 1837 г. среди учеников «лиц магометанского вероисповедания не имеется» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 59, л. 9], в октябре 1837 – «доныне не имеется» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 59, л. 7], в декабре 1837 – «все же не имеется» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 59, л. 9]. Кто же здесь учился? По отчету 1838 г., из 19 человек на татарском отделении обучалось 4 русских, 12 греков, 2 армян, 1 магометанин. Причем дети учились успешно: отлично – 8 человек, хорошо – 5, «средственно» – 4. Преподаваемых уроков в 1838 г. в русском классе было 460, в татарском – 300. Учились дети тем же наукам, что и русские (т. е. проходили российскую грамматику, арифметику), а «сверх того обучались по-татарски» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 61, л. 9]. Любопытно, что посетивший в 1838 г. училище попечитель учебного округа Д. М. Княжевич татарским классом «был доволен» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 70, л. 12], а вот в русском классе «заметил успехи неудовлетворительные» по русскому языку, на что ему ответили, что дети, «обучающиеся в сем училище, – из греков и армян и потому весьма мало разумеют русский язык» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 70, л. 19]. В ноябре 1838 г. нерадивый учитель русского класса Карасубазарского приходского училища Павел Егоров был уволен «за нетрезвое поведение» и «беспорядки», а его уроки на время поручались татарскому учителю Осману Газиеву, для чего пришлось соединить русское и татарское отделения [Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 35 – 35 об.]. Русский и татарский классы вновь разъединились лишь весной 1839 г., с приездом нового учителя Вас. Гавришенко [Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 42].

Обучение в приходских училищах продолжалось 2 года. Но ученики пропускали занятия, особенно с началом сезонных полевых работ. Учитель принужден был делить класс на три «разряда»: в третьем учились младшие и начинающие, изучали букварь и «склады»; второй в это время «писал из прописей», первый решал арифметические задачи. Ежемесячно аккуратно составлялись отчетные ведомости, где напротив фамилии ученика указывались его происхождение, оценка поведения, прилежания, способностей («превосходно», «изрядно», «очень хорошо», «довольно хорошо», «средственно», «посредственно», «ленив», «весьма шалун», «очень ленив», «туп»), а также отмечалось, *что* конкретно пройдено учеником за минувший месяц. Благодаря этому мы можем узнать, что, например, 15 учеников татарского класса в Бахчисарайском приходском училище в течение первого года «читали склады

татарские», изучали русский букварь, при этом кое-кто дошел «до Орел и Ворон», а 4 ученика – «до Медведь и Пчела» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 27].

Многое, конечно, зависело от заботы городского начальства, от ответственности духовенства, учителей. В январе 1839 г. надзиратель татарского класса в Бахчисарае Сеид Фетла Челеби Амиров докладывал уездному начальству, что денег, данных городовыми властями, уже не осталось, и он вынужден отапливать и «подчинять» дом, занимаемый русским и татарским отделениями, на собственные деньги [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 72, л. 4, 4 об.]. 10 сентября 1839 г. он же писал в Дирекцию училищ, что учитель Закона Божия Абдраман Челеби Арифмемет Эфенди Оглу «изучением не занимается и для таковой надобности в училище не является, отчего и ученики в училище не ходят» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 72, л. 91]. 18 сентября 1844 г. родители учеников Сарабузской приходской школы жаловались, что учитель духовного звания «Сеид Муртаза Эфенди весьма мало занимается учением» и, «хотя бывает в классе, но большую часть занятного времени проводит во сне» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 627, л. 30–30 об.]. Вопрос упирался и в учебные пособия по татарскому языку. В отчетах упоминается татарская азбука, по которой «читают склады», но об авторах этой азбуки сведений нет. Известно, например, что в 1838 г. Феодосийское уездное училище получило по одному экземпляру татарского букваря и татарской грамматики из Петербурга, из магазина А. Ф. Смирдина, с которым в свое время близко сотрудничал Д. М. Княжевич [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 53]. Но имели ли эти книги отношение к крымскотатарскому языку?

Учебные пособия по татарскому языку из печати выходили. Только в 1840 г. их было несколько: инспектор Тифлисской гимназии Дементьев издал «Турецко-татарский словарь» и «Книгу для первоначального чтения» на татарско-турецком языке; старший преподаватель той же гимназии Арзанов с братом составили татарские прописи; штатный смотритель Тифлисского уездного училища Абовиан подготовил татарский букварь. Эти учебники не соответствовали крымским потребностям. Но вот книга, безусловно, заслуживающая внимания. Это – «Грамматика турецко-татарского языка» (1840), созданная профессором Казанского университета (впоследствии – профессор Петербургского университета) Мирзой Александром Казембеком [9, с. 9] и удостоенная в 1841 г. Академией наук половинной Демидовской премии, т. е. 2,5 тыс. руб. [12, с. 17]. Учтем, что Казембек в 1832 г. издал на татарском языке «Историю Крымских ханов» (книга имелась в библиотеке Симферопольской гимназии). Характерно, что, рецензируя «Грамматику» Казембека, профессор Дорн отмечал, что в ней представлены различные татарские наречия. Можем предположить, что и крымское?

Но это, разумеется, еще не решало дела. А потому крымские учителя, как и тифлисские, принимались за создание собственных учебников татарского языка. В 1839 г., по предложению Д. М. Княжевича, 22-летний учитель татарского класса в Карасубазаре Осман Газиев составил татарскую азбуку и послал на рассмотрение попечителю учебного округа. Отзыв на азбуку дал профессор Ришельевского лицея ориенталист В. В. Григорьев (впоследствии профессор Петербургского университета, начальник Главного управления по делам печати в 1874–1889 гг.). Есть

смысл привести замечания В. В. Григорьева, чтобы представить особую сложность составления крымско-татарской азбуки.

Недостатки представленной азбуки были не только в «не совсем ясном и точном изложении». В. В. Григорьев констатировал, что «собрание слов» в азбуке заключает в себе слова татарские и «заимствованные», «пословицы суть только турецкие, а не татарские, и даже неверно переведены». В. В. Григорьев предлагал «словарь умножить», но «не арабскими и не персидскими словами, а настоящими татарскими, взятыми из домашнего быта и окружающих предметов природы»: «Причем надлежало бы преимущественно помещать такие, которые употребляются только в Крыму и неизвестны или малоупотребительны в других татарских наречиях. <...> Разговоры и пословицы можно бы было заменить с большою пользою народными песнями, сказками или отрывками из татарских летописей, описывающих Крымские события» В отзыве выражена благодарность составителю азбуки Осману Газиеву и предложено встретиться с рецензентом, который вскорости собирался приехать в Крым [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 553, л. 2].

Чуть позднее в отчете Таврического учебного начальства за 1840 г. указано, что учитель Карасубазарского приходского училища «занимается исправлением составленной им азбуки татарского языка»; кроме того, составлением татарской грамматики занимается учитель Симферопольской гимназии Гайвазовский, учитель Газиев составляет азбуку татарского языка, а учитель греческого языка гимназии Демишев переводит на греческий «Историю» Устрялова [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 526, л. 155]. Через полвека, в 1905 г. на Ялтинском съезде учителей анализировались новые учебники татарского языка Шельцера, Казаса. Ясно, что был уже накоплен определенный методический опыт, но в 1830–1840-е эта работа только начиналась.

В 1830-е гг. учителями приходских училищ иногда становились выпускники училищ уездных, получившие после специального испытания соответствующее «свидетельство». Вот любопытный архивный документ из тех времен – об испытаниях на должность учителя, проходивших на педагогическом заседании Симферопольского уездного училища 15 сентября 1839 г. Подавших прошение было трое.

1. Турецкоподданный грек Мирон Егоров сын, Севастьянов претендовал на вакансию в Бахчисарайском приходском училище. Испытание в Законе Божьем он выдержал на «4», но в русской грамматике «оказал знания очень неудовлетворительные: ибо не знает ни имен сущных, ни прилагательных» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 3, 5].

2. Терентьев, уволенный из мещанского звания, в тот же день «не выдержал экзамена, и потому отложили до другого разу» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 9].

3. Уволенный из мещанского сословия Абрам Иванов сын, Тихонович, претендовавший на звание учителя приготовительного класса в Симферопольском уездном училище, «оказал очень достаточные сведения» и признан «способным занять место учителя приготовительного класса» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 7].

Сохранен и экзаменационный лист Абрама Иванова с выполненным заданием по русскому языку и предложением для разбора:

«Любезный друг!

Издавна известно тебе мое желание о поступлении на поприще ученое, теперь приступаю к испытанию своего намерения и уведомляю тебя как друга о моем предприятии» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 8].

Отметим: экзаменующийся выделил члены предложения, подчеркнув подлежащее одной чертой, сказуемое – двумя, определение – волнистой линией и надписав сверху характеристики слов как частей речи, с указанием начальной формы («*начало*») [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные материалы и архивные документы убеждают, что в крымском народном образовании 1820–1840-х годов наметились ощутимые тенденции к совершенствованию преподавания русского языка, что выразилось в увеличении учебных часов по предмету, составлении новых программ и выработке новой дидактической стратегии на практические цели. Такие же процессы, видимо, характерны были и для других регионов страны. Однако в многонациональном Крыму предпринятые преобразования осуществлялись в тесной связи с вопросами национального образования, организация, формы и материальное обеспечение которого не уходили из числа важнейших задач Министерства просвещения России и крымского руководства.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 558, л. 77. Далее ссылки на документы ГАРК в тексте.
2. Греч, Н. И. Воспоминания о Дмитрии Максимовиче Княжевиче [Текст] / Н. Греч. – Санкт-Петербург: тип. Н. Греча, 1860. – 24 с.
3. Громова, Н. Ф. Из истории средней школы в Крыму в первой половине XIX века [Текст] / Н. Ф. Громова // Таврический научный обозреватель. Исторические науки и археология. – № 8(25). Август. 2017. – С. 6–19.
4. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1837. – № 10.
5. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1838. – № 4.
6. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1838. – № 6
7. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1839. – № 1–5.
8. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1840. – № 1–7.
9. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1841. – № 12.
10. Историческая записка о Симферопольской гимназии с основания ее по 1 июля 1881 года [Текст]. – Симферополь : Тавр. губ. тип., 1881. – 159 с.
11. Крымский миф в русской литературе первой половины XIX века: Свод малоизвестных свидетельств современников [Текст] / Изд. подгот. : К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет. – Великий Новгород – Симферополь : ООО «Растр», 2017. – 768 с.
12. Лалаев, М. С. Император Николай I, зиждитель русской школы : исторический очерк [Текст] / М. С. Лалаев. – СПб : тип. М. Стасюлевича, 1896. – 274 с.
13. Лашков, Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии [Текст] / Ф. Ф. Лашков. – Симферополь : Тип. П. Т. Гордиевского, 1890. – 254 с.

14. Орехова Л. А. «Арзамас» и литературные ориентиры Д. М. Княжевича [Текст] / Л. А. Орехова // Литературное общество «Арзамас» : история и современность. Сб. науч. статей. – Арзамас – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. – С. 114–124.
15. Орехова, Л. А. Д. М. Княжевич : литература и просвещение [Текст] / Л. А. Орехова // Русский язык в поликультурном мире : X Междунар. научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – С. 474–478.
16. Орехова, Л. А. Литературно-критические воззрения Д. М. Княжевича (по публикациям в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года) [Текст] / Л. А. Орехова // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Т. 1(67). – № 1. – Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2015. – С. 79–87.
17. Орехова, Л. А. О собраниях пословиц В. И. Даля, Ф. И. Буслаева и Д. М. Княжевича [Текст] / Л. А. Орехова // В. И.Даль – писатель и этнограф : Сб. науч. трудов, посвященный 200-летию В. И. Даля [сост. и отв. ред. : Строганов М. В., Кузнецов В. В.]. – Торжок : Всерос. ист.-этногр. музей, 2003. – С. 103–114.
18. Орехова, Л. А. Сосед Державина М. Д. Княжевич [Текст] / Л. А. Орехова // Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – С. 130–142.
19. Орехова, Л. А., Орехов, В. В., Первых, Д. К., Орехов, Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография» (СТГ), 2010. – 480 с.
20. Орехова, Л. А., Первых, Д. К. Письмо П. П. Свиньина в «Отечественные записки» как материал для комментария к «Путевым заметкам» А. С. Грибоедова [Текст] / Л. А. Орехова, Д. К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2020. – Т. 6 (73). – № 4. – С. 70–91.
21. Российская национальная библиотека (РНБ). Рукописный отдел. – Ф. 777 (Тиханов П. Н.). – Ед. хр. 2592. – Л. 3–4.
22. Российская национальная библиотека (РНБ). Рукописный отдел. – Ф. 865 (Шляпкин И. А.). – Ед. хр. 29. –2 л.
23. Сафонов, С., Надеждин, Н., Григорьев, В. Дмитрий Максимович Княжевич. Некролог. 1844 [Текст] / С. Сафронов, Н. Надеждин, В. Григорьев // Чрезвычайное прибавление к «Запискам Одесского Общества Истории и Древностей». – Одесса, 1844. – Т. 1. – XXIV с.
24. Скальковский, А. Общественное образование Новороссийского и Бессарабского края в 1840-х годах [Текст] / А. Скальковский // Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1847. – № 5. – С. 28–81.
25. Телкова, В. А. Идеи всеобщей грамматики в области синтаксиса и их отражение в отечественной учебной литературе нач. XIX века [Текст] / В. А. Телкова // Филология : научные исследования. – 2020. – № 4. – С. 31–38.

References

1. *Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Krym (GARK)* [State Archives of the Republic of Crimea (SARC)]. Simferopol, f. 108, inv. 1, stor. unit 65, sh. 26.
2. Grech N. I. *Vospominaniya o Dmitrii Maksimoviche Knyazheviche* [Memories of Dmitry Maksimovich Knyazhevich]. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha Publ., 1860. 24 p.

3. Gromova N. F. *Iz Istorii Srednei Shkoly v Krymu v Pervoi Polovine XIX Veka* [From the History of the Secondary School in the Crimea in the First Half of the 19th Century]. *Tavricheskii Nauchnyi Obozrevatel'. Istoricheskie Nauki i Arheologiya*, 2017, no. 8 (25). August, pp. 6–19.
4. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1837, no. 10.
5. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshchenyja* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1838, no. 4.
6. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1838, no. 6.
7. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1839, no. 1–5.
8. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1840, no. 1–7.
9. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1841, no. 12.
10. *Istoricheskaya Zapiska o Simferopolskoi Gimnazii s Osnovaniya Yee po 1 Iyulya 1881 Goda* [Historical Note about the Simferopol Gymnasium from its Foundation to July 1, 1881]. Simferopol: Tavricheskaya Gubernskaya Tipografiya Publ., 1881. 159 p.
11. *Krymskii Mif v Russkoi Kulture Pervoi Poloviny XIX V. Svod Maloizvestnykh Svidetelstv Sovremennikov* [Crimean Myth in Russian Culture of the First Half of the 19th century. A Collection of Little-Known Testimonies of Contemporaries]. K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orekhova, D. K. Pervykh, A. S. Sheremet (ed.). Velikiy Novgorod – Simferopol: Rastr Publ., 2017. 768 p.
12. Lalaev M. S. *Imperator Nikolai I, Zizhditel Russkoi Shkoly: Istoricheskii Ocherk* [Emperor Nicholas I, the Founder of the Russian School. A Historical Sketch]. St. Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha Publ., 1896. 274 p.
13. Lashkov F. F. *Tretya Uchebnaya Jekskursiya Simferopolskoi Muzhskoi Gimnazii* [The Third Study Tour of the Simferopol Male Gymnasium]. Simferopol: Tipografiya P. T. Gordievskogo Publ., 1890. 254 p.
14. Orekhova L. A. *Arzamas i Literaturnye Orientiry D. M. Knyazhevicha* [Arzamas and Literary Landmarks of D. M. Knyazhevich]. *Literaturnoe Obshchestvo Arzamas: Istoriya i Sovremennost. Sb. Nauch. Statei*. Arzamas – Nizhnii Novgorod: Rastr Publ., 2015. pp. 114–124.
15. Orekhova L. A. *D. M. Knyazhevich: Literatura i Prosveshchenie* [Knyazhevich: Literature and Education]. *Russkii Yazyk v Polikulturnom Mire: X Mezhdunar. Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya (8–11 Iyunya 2016 G.): Sb. Nauch. Statei. V 2-kh T.* Simferopol: ARIAL Publ., 2016, vol. 2, pp. 474–478.
16. Orekhova L. A. *Literaturno-Kriticheskie Vozzreniya D. M. Knyazhevicha (po Publikatsiyam v Sankt-Peterburgskom Vestnike 1812 Goda)* [Literary and Critical Views of D. M. Knyazhevich (Based on Publications in the *St. Petersburg Bulletin* of 1812)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2015, vol. 1(67), no. 1, pp. 79–87.
17. Orekhova L. A. *O Sobraniyakh Poslovits V. I. Dalya, F. I. Buslaeva i D. M. Knyazhevicha* [About the Collections of the Proverbs by V. I. Dal, F. I. Buslaev and D. M. Knyazhevich]. *V. I. Dal – Pisatel i Jetnograf: Sb. Nauch. Trudov, Posvyashchennyi 200-Letiyu V. I. Dalya*. Torzhok: Vserossiiskii Istoriko-Jetnograficheskii Muzei Publ., 2003, pp. 103–114.

18. Orekhova L. A. *Sosed Derzhavina M. D. Knyazhevich* [Derzhavin's Neighbor M. D. Knyazhevich]. *Novgorodskii Derzhavinskii Sbornik (K 200-Letiyu so Dnya Smerti Pojeta).* Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2016, pp. 130–142.
19. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Voina 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Akrhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol: SGT Publ., 2010. 480 p.
20. Orekhova L. A., Pervykh D. K. *Pismo P. P. Svinina v Otechestvennye Zapiski kak Material dlya Kommentariya k Putevym Zametkam A. S. Griboedova* [Letter by P. P. Svinin to *Otechestvennye Zapiski* as Material for Commentary on A. S. Griboyedov's *Travel Notes*]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo*, 2020, vol. 6 (73), no. 4, pp. 70–91.
21. *Rossiiskaya Natsionalnaya Biblioteka (RNB). Rukopisnyi Otdel* [The Russian National Library (RNL). Handwriting Department]. St. Petersburg, f. 777 (Tikhanov P. N.), inv. 2592, sh. 3–4.
22. *Rossiiskaya Natsionalnaya Biblioteka (RNB). Rukopisnyi Otdel* [The Russian National Library (RNL). Handwriting Department]. St. Petersburg, f. 865 (Shlyapkin I. A), inv. 29.
23. Safonov S., Nadezhdin N., Grigoryev V. *Dmitrii Maksimovich Knyazhevich. Nekrolog. 1844* [Dmitry Maksimovich Knyazhevich. Obituary. 1844]. *Chrezvychainoe Pribavlenie k Zapiskam Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa, 1844, vol. 1. 24 p.
24. Skalkovskii A. *Obshchestvennoe Obrazovanie Novorossiiskogo i Bessarabskogo Kraya v 1840-kh Godakh* [Public Education of the Novorossiysk and Bessarabian Regions in the 1840s]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. St. Petersburg, 1847, no. 5, pp. 28–81.
25. Telkova V. A. *Idei Vseobshchei Grammatiki v Oblasti Sintaksisa i Ikh Otrazhenie v Otechestvennoi Uchebnoi Literature Nach. XIX Veka* [Ideas of General Grammar in the Field of Syntax and Their Reflection in the Domestic Educational Literature of the Early 19th]. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniya*, 2020, no. 4, pp. 31–38.

ON TEACHING RUSSIAN AND NATIONAL LANGUAGES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE TAURIDA GOVERNORATE OF THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY

Orekhova L. A.

The article uses archival documents of the 1820s – 1840s. These documents were found in the funds of the State Archives of the Republic of Crimea, as well as in the Manuscript Department of the Russian National Library. An analysis of these documents makes it possible to assess the state and problems of public education in the Taurida Governorate at the beginning of the 19th century. The article used monthly reports and memorandums of teachers to the Directorate of Taurida schools. Teachers reported to the Directorate about the progress of the educational process, the number, nationalities of students and their progress, about the living conditions of work of county and parish schools. Documents presented reflect the initiatives of the Ministry of Education of Russia in the field of national education. We also highlighted the activities of the trustee of the Odessa educational district,

D. M. Knyazhevich, who inspected public schools, developed libraries in schools, and compiled didactically verified curricula. These programs provided for a consistent increase in teaching hours in Russian and national languages in educational institutions. We paid great attention to the measures of the provincial government for the training of national personnel (teachers, translators, officials) and for the opening of the Tatar school department in the Simferopol gymnasium. We described the norms of state funding, the conditions for admission and residence of students of the Tatar school department, as well as the activities of the graduates of this school. These graduates worked as teachers and made attempts, in particular, to create textbooks and teaching aids on the Crimean Tatar language. We also paid attention to the documents about the exam in the Russian language, which took place on September 15, 1839 at the Simferopol district school. This exam was taken by candidates for the position of a teacher. In the examination sheets, examples of sentence analysis, criteria and comments for assessing knowledge have been preserved.

Key words: public education in the Taurida governorate, Odessa educational district, D. M. Knyazhevich, Tatar school department, educational programs.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 153–163.

УДК 821.161.1 : 366.636

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИММЕТРИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ *БОГАТСТВО / БЕДНОСТЬ* В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Пономаренко И. Н., Сегал Н. А.

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия
E-mail: irnik20@mail.ru;
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: natasha-segal@mail.ru

Прагматический потенциал современных медиатекстов обновляется с учетом широкого круга речевых фигур, эксплицирующих симметрийные категории в контекстах. Интерактивный характер журналистики определяется тем, что адресантно-адресатные отношения строятся на базе манипулирования общественным сознанием, в основе которого лежит система ценностей, приоритетов и недостатков как общества в целом, так и каждой языковой личности в отдельности. Анализ симметрийной оппозиции ***богатство / бедность*** позволяет сделать вывод, что ее восприятие является многогранным, многомерным и определяется объективными и субъективными показателями, национально-культурными особенностями, морально-этическими факторами, зависимостью от ситуации и самоопределением субъекта. Оценка и эмоциональность контекстов, основанных на симметрийной оппозиции ***богатство / бедность***, позволяет говорить о ее значимости для массового читателя, особом ассоциативно-прагматическом потенциале выражающих ее языковых единиц, глубине и вариативности интерпретации созданных на ее основе контекстов. В работе делается вывод, что комплексный анализ симметрийных категорий позволяет установить ценный фрагмент медийной картины мира, представленный ключевыми образами и моделями актуального социально-политического пространства, одной из которых является симметрийная оппозиция ***богатство / бедность.***

Ключевые слова: симметрийная оппозиция, фигура речи, антитеза, оксюморон, градация, параллелизм, риторический вопрос, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

Особый характер динамики современного мира, определяющий специфику политики и экономики, образования и искусства, не мог не повлиять на развитие языка, зеркально отражающего все глобализационные процессы. Как справедливо отмечал С. О. Карцевский, «если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы просто собранием этикеток» [10, с. 85]. Развивая данную метафору, лингвист приходит к выводу о том, что «невозможно представить себе языки, знаки которых были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций […], нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [там же]. Именно данный тезис, предложенный более полувека назад, лежит в основе лингвистики начала XXI века и обусловливает доминирующие принципы языковой симметрии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения симметрийных оппозиций как составляющей русскоязычного медиадискурса, значимостью семантико-прагматического анализа фигур речи, моделирующих образный потенциал СМИ. **Материал** исследования включает массмедийные тексты печатного и электронного формата, а также фрагменты выступлений политиков за последнее десятилетие. Объект исследования обусловил значимость интегративного подхода, предполагающего использование собственно лингвистических и общегуманитарных **методов**: метода компонентного анализа, метода идентификации, дистрибутивного метода, метода контекстологического анализа, метода лингвистического моделирования. Не останавливаясь подробно на значимости изучения теории симметрии в западноевропейской лингвистике конца XIX–XX века (наиболее ценными в данном ключе являются исследования Ш. Балли, Г. Вейля, Л. Ельмслева, Ф. де Соссюра и др.), обратимся лишь к отдельным ее положениям, имеющим несомненную значимость для нашей работы.

Поскольку в определении сущности *симметрии* содержатся два противоречащих на первый взгляд понятия – преобразование (изменение) и сохранение (инвариантность), постольку первоначальная манифестация понятия *геометрической симметрии* как учения о соразмерности частей целого, о гармонии пропорций целого с течением времени приобрела универсальный смысл и была осознана как всеобщая идея инвариантности, то есть неизменности относительно некоторых преобразований. Произвольность языкового знака, обособленность объединенных в знаке элементов, меняющиеся отношения между означаемым и означающим, по убеждению Ф. де Соссюра, приводят к эволюции языка [13, с. 78], а значит, к развитию входящих в него элементов. В систему таких элементов, как отмечал Л. Ельмслев, включаются, с одной стороны, элементарные единицы плана выражения, а с другой – элементарные единицы плана содержания, при этом важным является тот факт, что количество тех и других должно быть ограниченным: «если бы не существовало ограниченных инвентарей, лингвистическая теория не смогла бы надеяться достичь своей цели – сделать возможным простое и исчерпывающее описание системы, накоторую опирается текст [...]. И чем меньше будет инвентарь, которым заканчивается анализ, тем лучше мы сможем удовлетворить эмпирическому принципу в его требовании простого описания» [8, с. 301]. Таким образом, сущность *симметрии* в языке заключается в гармоничном соотнесении означаемого и означающего, моделировании языка как в плане выражения, так и в ракурсе содержания, как с позиции количества языковых элементов, так и в аспекте полноты выражаемых ими суждений. Противопоставленная ей категория *асимметрии* определяется как «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [4, с. 47]. При этом именно взаимозависимость *симметрии* и *асимметрии* способствует стабильности языковой системы и служит основой ее равновесия.

В языке единство *симметрии* и *асимметрии* проявляется в широком аспекте от основы категориально-семантических отношений лексических единиц до их реализации в смысловом пространстве текста. Между лексическим и текстовым

уровнем действие универсального принципа *симметрии* можно наблюдать и на синтаксическом уровне – прежде всего в структуре таких фигур речи, как *антитеза, оксюморон, градация, параллелизм и риторический вопрос*.

Целью предлагаемой статьи является определение особенностей реализации фигур речи в актуальном медиапространстве на примере оппозиции *богатство / бедность*.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Одной из ключевых фигур речи, частотных в медиатекстах, является *оксюморон*. Соединение противоположных по смыслу слов, образно раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, зачастую формирует парадокс, используемый автором медиапродукта для привлечения внимания адресата. Аксиологическая оппозиция *богатство / бедность*, как показал анализ, представляется ценным источником моделирования контекстов, построенных на *оксюмороне*. Важным при этом является тот факт, что основой для *оксюморона* может стать противопоставленность ***богатства*** и ***нищеты*** в двух, как правило, взаимоисключающих аспектах: с позиции оценки материальных благ и наличия духовного начала: ***богатые нищие****: почему олигархи России занимаются строительством казино, а не храмов?* (МН, 17.05.2017); ***богатые нищие*** *– грабят, а не ищут: когда жажда денег становится выше законов нравственности* (http://logen.ru, 12.02.2019).

Лексема ***нищие*** в подобных контекстах является усеченной формой словосочетания **«нищие духом»**, не имеющего никакого отношения к накоплению материальных богатств. Образ ***нищего*** (Пс. 9:10, 9:19, 9:38, 13:6, 39:18, 68:30, 71:12; Ис. 25:4), отражающий не социальную, а духовную меру, известен со времен Ветхозаветного Предания, однако наибольшее распространение среди людей, знакомых с христианским учением, он получает в контексте *Нагорной проповеди*, а точнее, самой известной ее части – *Заповедях Блаженств* (Мф. 5:3–12 и Лк. 6:20–23), которые учат тому, как можно достигнуть христианского совершенства. Образ ***нищего*** представлен в первой заповеди: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.* В «Слове Пастыря» Митрополит *Смоленский и Калининградский Кирилл* пишет, что «нищета духовная не сводится к пассивному ожиданию чуда, но вмещает в себя как внешние, так и внутренние духовные подвиги, она есть не слабость, а великая сила. Это победа человека над самим собой, над властью страстей» [https://azbyka.ru/slovo-pastyrya]. Данная мысль проявляется в следующем медиатексте: *Почему в России* ***нищие богаче олигархов****?* (http://grussia.23.444.1, 21.11.2015). Расширение контекста отвечает на поставленный в заголовке вопрос: *Вспомним лихие девяностые! И кому достались деньги новоиспеченных бизнесменов, так называемых «новых русских»? Где теперь хваленые строители финансовых пирамид? А нигде, нет их. Другие на их место пришли. А простые люди, привыкшие жить по законам нравственности, остались. И всегда будут. На том и стоит Россия* (там же).

В медиатекстах экономической направленности лексемы *богатый* и *бедный* противопоставлены по стержневому денотативному параметру: наличие или отсутствие

финансовых возможностей. При этом бесспорным является тот факт, что критерии *богатства*, как и принципы распределения материальных благ, представляются весьма дискуссионными: ***Богатая нищаяРоссия***. *Почему* ***одни люди богатые, а другие бедные****? Если* ***послушать марксистов****, то* ***богатые богаты потому, что ограбили бедных****. Если* ***послушать экономистов-либералов****, то все дело в талантах, прилежании и трудолюбии […].* ***Богатые богаты*** *потому, что хорошо трудились, мало тратили, много сберегали […]. На самом деле* ***богатых и бедных людей*** *в указанном ими смысле* ***не существует. Существуют только богатые и бедные страны*** (http://iamruss.ru/bogataya-nischaya-rossiya/, 01.06.2016). Таким образом, относительность понимания богатства, отсутствие четкой параметризации общества в аспекте финансового благополучия апеллирует, с одной стороны, к принятым в данном сообществе критериям успешности, с другой– к особенностям самосознания каждой конкретной личности, ее видению своего места в социуме.

Градация как гибридная фигура амплификации, сочетающая сопоставление по сходству, состоит из ряда словесных компонентов, имеющих нечто инвариантное в значении и в то же время противопоставленных по степени интенсивности проявления этого общего. В медиатекстах *градация* не является частным случаем перечисления, а моделируется на основе логической категории градуальности, которая отражает способность мышления человека располагать в определенной последовательности относительно нормы характеризуемые объекты, признаки, действия, свойства и т.д., несомненно, имеющие инвариантную основу. Подчеркнем, что в медиатекстах, как правило, не используется традиционная форма *градации* (усиление признака каждого последующего / предыдущего компонента однородного ряда): градационные значения разворачиваются, ориентируясь на широкий контекст, что призвано усилить манипуляционный потенциал медиатекста. В актуальных медиатекстах, как показал анализ, преимущественно используется не нарастание семантической значимости предшествующего слова, а нисхождение смысла выражения, что может быть проиллюстрировано следующим примером: ***Богатые. Нищие. Бездомные.*** *ЦИК пересчитал кандидатов в депутаты. Имущественное расслоение оказалось поистине космических масштабов – от копеек до сотен миллионов* (RG.ru, 16.08.2016). Таким образом, в медиатекстах проявляется весь спектр градационных отношений, при этом доминирующим представляется развертывание негативного сценария, что обусловлено преимущественно негативной ориентированностью актуальных медиатекстов экономического и политического характера.

В аспекте *симметрии* представляется перспективным анализ такой фигуры, как *синтаксический параллелизм*, основанной на повторении в однотипных синтаксических позициях однотипных синтаксических единиц с разным лексическим наполнением. В медиатекстах происходит контаминация признаков фигур речи, при которой контексты, построенные на основе *синтаксического параллелизма*, включают антитезу: *Зеленский* ***завершил «эпоху бедности»****: на Украине* ***началась эпоха нищеты*** (https://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/16012020-zelenskiy-zavershil-epokhu-bednosti-na-ukraine-nachalas-epokha-nishchety/, 16.01.2020); *Кризис из-за коронавируса* ***сделает богатых еще богаче, а бедных вообще нищими*** (https://www.klerk.ru/buh/articles/498115/, 10.04.2020); ***Бедные стали нищими, богатые –***

олигархами**. Как произошло «ограбление века» – ельцинский дефолт 1998 года* (https://www.nakanune.ru/articles/113177/, 17.08.2017); ***Бедные станут нищими**: как государство избавляется от деревни* (https://newizv.ru/article/general/14-05-2019/bednye-stanut-nischimi-kak-gosudarstvo-izbavlyaetsya-ot-derevni, 14.05.2019); ***Нищий народ. Богатый президент!** Народу в его собственной стране уже практически ничего не принадлежит. Нефть, газ, реки, леса, предприятия – все материальные ресурсы самой богатой в мире страны разделены между «слугами народа», их «партнерами» и «друзьями»* (https://silver2013.livejournal.com/23479.html, 19.05.2013); «Богатым – добро пожаловать, бедным – въезд запрещен**»: почему в США выступают против миграционной реформы администрации Трампа* (https://russian.rt.com/world/article/659598-ssha-tramp-migratsiya, 16.08.2019). Посредством иронии, которой пронизаны подобные контексты, моделируется образ политической медиареальности, в которую погружается адресат политического медиатекста.

Для комплексного исследования симметрийной оппозиции *богатство / бедность* значимым видится обращение к такой фигуре речи, как риторический вопрос. В исследовании С. А. Громыко отмечается, что *риторический вопрос* представляет собой стилистическую фигуру, основанную на «асимметрии вопросительной формы и утвердительного содержания» [5, с. 76-80]. Диалогичность медиатекстов, постоянное апеллирование к массовому адресату определяет высокую степень частотности *риторических вопросов* среди других видов экспрессивного синтаксиса. Данный факт подтверждается и реализацией оппозиции*богатство / бедность*: *Если мы **такие богатые**, то почему мы **такие бедные**?* (https://www.zakon.kz/4913996-esli-my-takie-bogatye-to-pochemu-my.html, 17.04.2018); *Оксфорд и Кембридж обязали принимать больше студентов из **бедных**семей. А как же быть **богатым**?* (https://www.bbc.com/russian/features-51301345, 11.02.2020); ***Что можно богатым, но нельзя бедным?*** (https://medialeaks.ru/2908xsh-bogach-bednyak/, 29.08.2019). В медиатекстах риторические вопросы, как правило, выносятся в заголовочную зону, что с первых слов превращает монологический текст журналиста в весьма эффективный диалог с массовой аудиторией.

Как показал анализ актуальных медиатекстов, наиболее частотной фигурой речи при экспликации *симметрийной смысловой конструкции богатство / бедность* является антитеза. В работах В. А Венгранович *антитеза* определяется как «стилистическая фигура, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний» и основанная «…на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, разным предметам» [2, с. 46]. Специфика функционирования *антитезы* в медиатексте позволяет рассматривать ее как один из основных лингвостилевых приемов, участвующих в формировании актуального медиапространства.

Объективируя симметрийную оппозицию *богатство / бедность, антитеза* становится основой формирования неоднородных метафорических образов, эксплицирующих современные общественно-политические реалии. Так, одним из доминирующих образов, построенных на основе противопоставления *богатство / бедность,* является метафора социальной несправедливости, иллюстрирующая несовершенство современной экономической системы, незащищенность бедных слоев населения, связанную с отсутствием уверенности в будущем: *У нас* [на

Украине – *И. П., Н. С.*] ***между богатством и бедностью настоящая пропасть****! В этих условиях основой влияния администресурса на население становится страх потерять даже низкооплачиваемую работу, страх за будущее своих детей* (https://hvylya.net/analytics/economics/kak-preodolet-bednost-v-ukraine.html, 24.02.2019); ***Нищим*** *россиянам объяснили, почему* ***они будут нищать, а богатые – богатеть*** (https://primamedia.ru/news/890803/, 19.12.2019).

В актуальных медийных текстах подчеркивается, что экономическое расслоение обусловлено стратегией государства, стоящего на страже интересов финансово успешных граждан и не проявляющего заботу по отношению к остальным: ***Прося у нищего на хлеб, богатым подаем на бедность*** (https://dt.ua/POLITICS/prosya_u_nischego_na_hleb.html, 11.07.2018); ***Ограбь нищего и накорми богатого*** (http://slovo.odessa.ua/news/24888-ograb-nischego-i-nakormi-bogatogo-video.html, 04.02.2018); ***Выбеспросветно нищие*** *потому, что* ***они*** *–* ***до неприличия богатые*** **(**https://inshe.tv/important/2016-10-31/175727/, 31.10.2016**)**. Социальная несправедливость лежит в основе поляризации общества, невозможности его консолидации в условиях различия интересов, возможностей, потребностей, целей. Данный факт становится еще более очевидным при создании медиаобраза «двух России», не имеющих возможности вступить в диалог: ***Бедность и богатство в современной России.*** *В больном обществе* ***богатые богатеют вместо общества****. Эта печальная истина получила в России гражданство. Поляризация доходов и социальный разлом общества фактически привели к возникновению* ***«двух Россий»****, противостоящих и уходящих друг от друга по своему поведению, предпочтениям и ориентациям. Образовались два уровня жизни со своими доходами и денежными единицами, два потребительских рынка, отличающихся ценами и набором потребительских благ* (http://ido-rags.ru/?p=7753, 05.02.2018).

В медиатекстах подчеркивается, что накопление богатства зачастую сопровождается незаконными противозаконными действиями, которые, как следствие, могут стать причиной ограничения свободы человека. Выбор меры законности осуществляемых действий, приоритетов и целей индивидуален для каждого члена современного общества: *Лукашенко о коррупции:* ***лучше быть нищим на свободе, чем богатым в тюрьме*** (https://www.kp.ru/online/news/3071852/, 27.01.2018).

Критерии *богатства*, отнесение человека к категории финансово успешных или обделенных зачастую опирается не на объективные, а на субъективные факторы, основным среди которых представляется видение человеком самого себя среди материально благополучных или недостаточно финансово успешных граждан общества: ***Богатые тоже бедные****. Две трети обеспеченных россиян считают себя бедняками. Кто я? Бедный, богатый или ни рыба ни мясо – средний класс? Ответ на этот вопрос оказывается труднее, чем могло бы показаться, особенно в России. И как минимум по двум причинам. Во-первых, в нашей культуре еще, по сути, нет ни традиции задаваться таким вопросом, ни сколько-нибудь общепринятых способов на него отвечать. А во-вторых, сами понятия* ***«бедный»*** *и* ***«богатый»*** *могут трактоваться двояко: либо как сравнение с мечтой, либо как сравнение с тем, как живут другие люди* (Журнал «Коммерсантъ. Деньги» № 40 от 10.10.2016, стр. 11). Как показал анализ актуальных медиатекстов, на основе оппозиции *богатство / бедность* строится метафорический

образ нравственных приоритетов, связанных с понятием нормы не в масштабах государственного законодательства, а в аспекте системы ценностей каждой отдельной личности. В подобных контекстах ***бедность*** определяется в двух значениях: как «недостаток материальных благ» и как «скудность духовного содержания»: *У нас* ***один враг – бедность. Материальная и духовная***. ***Понятие бедности в России довольно размыто***. *Но как бы ни считать,* ***бедность в нашей жизни – явление постоянное*** *[...]. И никакая статистика, я уж не говорю о власть имущих, не говорит о* ***духовной бедности***. *Сколько у нас* ***духовно бедных людей****? Тысячи, миллионы, десятки миллионов? Сотни?* ***И что страшнее: духовная бедность или материальная****? Причём* ***бедный материально может быть богат духовно, и наоборот***. ***Человек беден душой, но у него солидный счёт в банке*** (https://p-v-ros.ru/news/article/aleksandr-krutov-u-nas-odin-vrag--bednost-material-17145, 10.10.2018).

Важной в аспекте нравственности и духовности представляется триада *«безбожные бедняки – безбожные богачи – христиане»*, в которой аккумулируются характеристики материального и духовного богатства. Так, в контексте постулируется идея о том, что финансовое благополучие не может лежать в основе разграничения на плохих и хороших людей, поскольку безнравственные и бездуховные могут быть как богатыми, так и бедными. Христианские ценности, независимо от материального благосостояния, по мнению автора медиатекста, являются доказательством невозможности действия закона «богатство – зло, бедность – благо», поскольку только нравственный выбор и убежденность человека определяет то, как он воспользуется своими средствами или насколько достойно сможет выйти из финансовых затруднений: *Когда-то российское общество делилось на профессиональные сословия, и это деление было условным. Сегодня – на два лагеря:* ***бедных*** *и* ***богатых***. *Но согласно христианским учениям, этическая карта мира иная: в одном лагере –* ***безбожные бедняки****, пролетарии, в другом –* ***безбожные богачи****, а в третьем –* ***христиане, как бедные, так и материально богатые***. *Последние не строят своего счастья на страданиях других и считают своим долгом оказывать достойную помощь беднякам* (http://ido-rags.ru/?p=7753, 05.02.2018).

Для современного медиапространства характерно введение вторичной антитезы, при котором на первом этапе журналист выбирает из уже известного текста (чаще всего – литературного произведения) знакомое, содержащее два слова или две группы слов, связанных между собой отношениями лексической или контекстуальной антонимии, и на втором этапе вводит данное высказывание в медиатекст. Как показал анализ русскоязычных медийных текстов, антитезные конструкции со сферой-источником «художественная литература» можно распределить на следующие группы: 1) конструкции, сохранившие свою форму, но получившие контекстное продолжение; 2) трансформированные конструкции. Остановимся на анализе языковых фактов более подробно. Самой частотной среди конструкций, построенных на основе реализации оппозиции *богатство / бедность*, является вторичная антитеза «Принц и нищий», апеллирующая к одноименному историческому роману Марка Твена. Наиболее характерным является расширение конструкции, при котором вторая часть раскрывает и усиливает первую: ***Принц и нищий: самого богатого и бедного первоклашку разделяет пропасть.*** *Дороже, чем в России, собраться в школу можно только в Нигерии*

(https://www.mk.ru/social/2018/08/31/princ-i-nishhiy-samogo-bogatogo-i-bednogo-pervoklashku-razdelyaet-propast.html, 31.08.2018); ***Принц и нищий**, или социальная несправедливость по-украински* (https://blog.liga.net/user/kkareli/article/22481, 10.06.2016).

Менее частотными представляются контексты с обратной структурой, при которой вторичная антитеза выступает в качестве поясняющего компонента: *Государство и народ:* ***«Принц и нищий»*** (ЗН, 12.09.2018). Трансформация конструкции, построенная на замене одного из компонентов пары, включает элементы языковой игры и может быть соотнесена на различных уровнях:

1) грамматическом:

а) изменение грамматической формы числа (***Принц и нищие:*** *Савченко рассказала сказку про президента и украинцев* (ZNAJ.UA, 06.06.2019));

б) присоединение отрицательной частицы (***Принц не нищий:*** *на что живет королевская семья Британии* (msn.новости, 29.04.2018));

в) присоединение предлога (*Хищение топлива:* ***преступление без наказания?*** (Daily-NN, 27.12.2019));

2) лексическом с заменой одного из стержневых компонентов конструкции:

а) на однокоренной (***Принцесса и нищий:*** *девушка помогла бездомному, а через неделю он отблагодарил ее сполна* (https://sm-news.ru/princessa-i-nishhij-devushka-pomogla-bezdomnomu-a-cherez-nedelyu-on-otblagodaril-ee-spolna-59794/, 19.04.2020);

б) на языковую единицу с другим корнем, но сходным набором интегральных компонентов (***Царь и нищий****: готов ли президент Украины к диалогу со своим народом* (Укр.Правда.ru, 13.09.2018).

Именно широкий трансформационный потенциал конструкций создает основу для языковой игры, приобретающей все большую актуальность в контексте современных социально-политических трансформаций. Как отмечал Л. Витгенштейн, единицы языка представляют собой часть определенной игры с установленным набором правил и положений, реализованных в коммуникации [Витгенштейн, 1994, с.75–319]. Экстраполируя данный тезис на медиатексты начала XXI века, несложно понять, что в языке СМИ *языковая игра* выступает действенным средством манипуляции и опирается на ассоциативный потенциал слова. Образы, моделируемые в тексте, становятся не средством украшения, а источником экспрессии, эпатажности, подчас доходящей до абсурда. Проиллюстрируем данный тезис отдельными примерами, построенными на основе анализируемой нами оппозиции. Так, номинацию ***копеечный миллионер***в медиатекстах получил житель Сибири Юрий Бабин, выставивший на продажу собранную им коллекцию однокопеечных монет весом в 7,5 тонны за 19,9 миллиона рублей: «***Копеечный миллионер»****из Сибири хочет жениться на Людмиле Путиной* (https://ria.ru/20140418/1004450602.html, 18.04.2014). По аналогичной модели построена конструкция ***грошовый король***. Британский трейдер Ирадж Парвизи, осужденный по делу об инсайдерской торговле, за бесценок покупал миллионы акций, которые позже в сотни раз возрастали в цене: ***Грошовый король.*** *«Я был* ***королем грошовых акций****», – говорит 50-летний Парвизи, добавив, что в 2000 году стоимость его чистых активов достигала 50-70 миллионов фунтов стерлингов* (https://ru.ihodl.com/lifestyle/2016-09-26/kak-korol-groshovyh-akcij-stal-millionerom/, 26.09.2016).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прагматический потенциал современных медиатекстов актуализируется с учетом широкого спектра фигур речи, эксплицирующих в контекстах категорию симметрии. Интерактивный характер публицистики определяет тот факт, что адресантно-адресатные отношения строятся на манипуляции общественным сознанием, в основе которой лежит система ценностей и антиценностей, приоритетов как общества в целом, так и каждой отдельной личности в частности. Проведенный анализ симметрийной оппозиции *богатство / бедность* позволяет сделать вывод о разноплановости и многомерности ее реализации, включающей объективные и субъективные маркеры, национально-культурные особенности, нравственные факторы, зависимость от ситуации. Оценочность и эмоциональность контекстов, в основе которых лежит симметрийная оппозиция *богатство / бедность,* дает возможность говорить о ее значимости для массового читателя, особом ассоциативно-прагматическом потенциале эксплицирующих ее языковых единиц, глубине и вариативности интерпретации создаваемых контекстов. Именно комплексный анализ симметрийных отношений позволит определить ценный фрагмент современной картины мира, представленной в медиапространстве посредством ключевых для актуальной социополитической сферы образами и моделями.

Список литературы

1. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. [Текст] / Л. В. Балашова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с.
2. Венгранович, М. А. Фольклорный текст и мифологическое сознание [Текст] / М. А. Венгранович // Вопросы филологии. – № 2. – 2002. – С. 77–85.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы. Часть 1. – М. : Гнозис, 1994. – С. 75–319.
4. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
5. Громыко, С. А. Зачем политику риторический вопрос? Особенности парламентской дискуссии начала XX века [Текст] / С. А. Громыко // Русская речь. – № 4. – 2010. – С. 76–80.
6. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании [Текст] / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2015. – 286 с.
7. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : (современная английская медиаречь) : учеб. пособие [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 263 с.
8. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев. – М. : КомКнига, 1960. – 458 с.
9. Зарипов, Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине [Текст] / Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. № 2. – 2015. – С. 172–180.
10. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С. О. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – С. 85–90.

11. Клушина, Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике [Текст] / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – 2011. – С. 26–33.
12. Пономаренко, И. Н. Симметрия / асимметрия в лингвистике текста [Текст] / И. Н. Пономаренко. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2005. – 231 с.
13. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.

References

1. Balashova L. V. *Russkaya Metaforicheskaya Sistema v Razvitii: XI –XXI VV*. [The Russian Metaphorical System in Development: 11th – 21st Centuries.]. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi: Znak Publ., 2014. 632 p.
2. Vengranovich M. A. *Folklornyi Tekst i Mifologicheskoe Soznanie* [Folklore Text and Mythological Consciousness]. *Voprosy Filologii*, no 2, 2002, pp. 77–85.
3. Vitgenshtein L. *Filosofskie Issledovaniya* [Philosophical Researches]. Filosofskie Raboty. Chast 1. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 75–319.
4. Gak V. G. *Yazykovye Preobrazovaniya* [Language Conversions]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1998. 763 p.
5. Gromyko S. A. *Zachem Politiku Ritoricheskii Vopros? Osobennosti Parlamentskoi Diskussii Nachala XX Veka* [Why Do Politicians Need A Rhetorical Question? Features of the Parliamentary Discussion of the Early Twentieth Century]. *Russkaya Rech'*, no 4, 2010, pp. 76–80.
6. Dzyuba E. V. *Lingvokognitivnaya Kategorizatsiya v Russkom Yazykovom Soznanii* [Linguo-Cognitive Categorization in Russian Linguistic Consciousness]. Ekaterinburg: Uralskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet Publ., 2015. 286 p.
7. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: Sistemnyi Podkhod k Izucheniyu Yazyka SMI: Sovremennaya Angliiskaya Mediaset'* [Medialinguistics: A Systematic Approach to Learning the Language of the Media: (Modern English Media Speech)]. Moscow, 2008. 263 p.
8. El'mslev L. *Prolegomeny k Teorii Yazyka* [Prolegomena to Language Theory]. Moscow: KomKniga Publ., 1960. 458 p.
9. Zaripov R. I. *Metaforicheskie Obrazy Rossii vo Frantsuzskom Politicheskom Diskurse v Kontekste Grazhdanskoi Voiny na Ukraine* [Metaphorical Images of Russia in French Political Discourse in the Context of the Civil War in Ukraine]. Politicheskaya Lingvistika, no 2, 2015, pp. 172–180.
10. Kartsevskii S. O. *Ob Asimmetrichnom Dualizme Lingvisticheskogo Znaka* [On Asymmetric Dualism of a Linguistic Sign]. Istoriya Yazykoznaniya XIX–XX Vekov v Ocherkakh i Izvlecheniyakh. Moscow, 1965, pp. 85–90.
11. Klushina N. I. *Ot Stilya k Diskursu: Novyi Povorot v Lingvistike* [From Style to Discourse: A New Turn in Linguistics]. *Yazyk, Kommunikatsiya i Sotsialnaya Sreda*, no 9, 2011, pp. 26–33.
12. Ponomarenko I. N. *Simmetriya / Asimmetriya v Lingvistike Teksta* [Symmetry / Asymmetry in Text Linguistics]. Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2005. 231 p.
13. Sossjur F. de. *Kurs Obshchei Lingvistiki* [General Linguistics Course]. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Uralskogo Universiteta, 1999. 432 p.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE SYMMETRICAL OPPOSITION *WEALTH / POVERTY* IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Ponomarenko I. N., Segal N. A.

The pragmatic potential of modern media texts is updated taking into account a wide range of speech figures explicating symmetric categories in contexts. The interactive nature of journalism is determined by the fact that addressee-addressable relations are built on the manipulation of public consciousness, which is based on a system of values, priorities and shortcomings of both society as a whole and each individual person in particular. The analysis of the symmetry category *wealth / poverty* allows us to conclude that the perception is diverse and multidimensional, including objective and subjective indicators, national and cultural characteristics, moral factors, dependence on the situation and self-determination of the subject. The appraisal and emotionality of contexts, which are based on the symmetric category of *wealth / poverty*, makes it possible to talk about its significance for the general reader, the special associative-pragmatic potential of the language units explicating it, the depth and variability of interpretation of the created contexts. It is a comprehensive analysis of symmetry categories that will allow us to establish a valuable fragment of the media picture of the world, represented by key images and models for the current sociopolitical space.

Keywords: symmetry category, figure of speech, antithesis, oxymoron, gradation of parallelism and rhetorical question, media text.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 164–174.

УДК 81’373=161.1(292.471)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВОТВОРЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА)

Чепурина И. В.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: simgt@inbox.ru

В статье исследуются новообразования лексического уровня, созданные с помощью неузуальных способов словопроизводства, которые на сегодняшний день недостаточно изучены и мало представлены в научной лингвистической литературе. Произведена классификация и анализ неолексем в аспекте данных способов словотворчества. Производные единицы охарактеризованы с точки зрения их словообразовательной структуры и прагматической направленности.

Выявлены следующие окказиональные способы создания новых слов в спонтанной обиходно-разговорной речи жителей Крыма: креация, метатеза, аффиксальный и сегментный тмезис, начальное и срединное неморфемное усечение, конечное сегментное удлинение слова.

В качестве наиболее активных отмечаются тмезисные модели, по которым создаются уменьшительно-ласкательные глагольные модификаты, а также разновидности конечного сегментного удлинения слова. Установлено, что исследуемые номинации – это прежде всего прагматически оправданные усилительно-оценочные дериваты, маркирующие повседневную обиходно-разговорную речь. Их экспрессивные ряды в данном типе речи являются открытыми. Этому способствует спонтанность и свобода выражения, свойственные устной разговорной речи, а также способность представленных новообразований служить средством повседневной творческой реализации для массового носителя русского языка в доступных речевых формах.

Ключевые слова: окказиональные способы словообразования, спонтанная речь, обиходно-разговорная речь, креация, тмезис, метатеза, конечное сегментное удлинение слова, субъективно-оценочная модификация.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы окказиональности не относятся к разряду малоизученных. К настоящему времени накоплен значительный материал в этой области. Изучению общих проблем окказионализмов посвящены многочисленные исследования ученых-языковедов, в частности Н. Г. Бабенко, А. А. Брагиной, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Л. Г. Лыкова, Р. Ю. Намитоковой, Е. В. Сенько, И. С. Улуханова, Н. И. Фельдмана, Н. М. Шанского, А. Д. Юдиной и других. Анализ речевых инноваций в трудах лингвистов способствует осмыслению языковых процессов, отражающих изменения в российской действительности последних лет, а также изучению состояния современного языкового сознания и речевой культуры социума.

В этом аспекте особый интерес продолжает представлять язык современного города [7; 8], и в частности словотворчество в повседневном общении – домашнем, семейном, приятельском, – которое в зависимости от ситуации, уровня культуры

говорящих, характера взаимоотношений, тематики коммуникации допускает практически неограниченный круг языковых единиц – нормативных и ненормативных. По наблюдениям О. К. Ирисхановой, «каждое индивидуальное употребление языка несет в себе потенциальную возможность изменения как языковой, так и концептуальной картин мира. Именно в таких сиюминутных каждодневных изменениях кроется тайна языковой креации, и именно на них должны быть направлены усилия исследователей» [2, с. 8]. О растущем интересе к разговорной речи как объекту лингвистического исследования свидетельствуют последние изыскания И. Т. Вепревой, Т. А. Гридиной, О. К. Ирисхановой, М. В. Китайгородской, Ю. А. Нестеровой, Н. А. Николиной, А. В. Петрова, Е. Н. Ремчуковой, Н. Н. Розановой, В. З. Санникова, В. К. Харченко, Ю. Н. Шаталовой и др.

Одним из актуальных аспектов изучения современной разговорной речи являются окказиональные способы и деривационные модели, по которым образуются новые лексические единицы в повседневном спонтанном общении. Как известно, окказионализмы могут создаваться с помощью только им присущих, окказиональных способов, которые уже давно представляют интерес для научного изучения (А. Ф. Журавлев, Е. А. Земская, В. П. Изотов, Р. Ю. Намитокова, Л. И. Плотникова, И. С. Улуханов, Н. А. Янко-Триницкая и др.). Однозначная классификация способов образования окказиональных слов в лингвистической литературе до сих пор отсутствует. Как замечает Е. А. Земская, полное исчисление способов образования окказионализмов вряд ли возможно в принципе, поскольку их создание – явление индивидуальное, поэтому подвести их под какой-то типовой способ бывает нередко трудно, а иногда и невозможно [3, с. 191]. Наиболее полная и убедительная типология этих способов, на наш взгляд, изложена В. П. Изотовым и А. В. Панюшкиным [4; 5]. Авторы предлагают терминологически разработанную классификацию способов окказионального словообразования, которая включает как хорошо известные и описанные, так и значительно менее изученные и мало представленные в научной литературе неузуальные способы речетворчества. Таким нераспространенным, малоизученным способам образования окказиональных слов в устном спонтанном общении посвящена данная статья.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Цель нашего исследования – классифицировать и проанализировать недостаточно изученные и мало представленные в научной литературе собственно окказиональные способы словотворчества, реализованные в обиходно-разговорной речи жителей Крыма.

Материалом исследования послужил корпус услышанных и зафиксированных высказываний и реплик диалогов жителей Крыма разного образовательного, интеллектуального и социального статуса в спонтанном устном речевом общении. Основу корпуса составили разговорные лексемы, извлеченные из «домашних диалогов» и «непринужденных диалогов знакомых» жителей крымских городов. Хронологические рамки сбора и анализа языковых фактов – 2017–2020 гг.

Проведенный нами анализ речевого материала выявил следующие собственно окказиональные способы образования неолексем.

1. Креация. Под креацией в литературе понимается «построение слов с вымышленными корнями» (Е. А. Земская), «изобретение произвольного немотивированного знака» (А. Ф. Журавлев), «присвоение лексического значения произвольной последовательности звуков» (В. П. Изотов), создание слов, «не мотивированных внутрисистемными единицами» (Д. В. Гугунава). Е. А. Земская отмечает, что использование выдуманных, асемантических корней свойственно русскому языку.

Среди таких креативных единиц в нашем речевом материале преобладают глагольные дериваты, предназначенные для выполнения роли слов-заменителей, способных обозначать почти любое действие. При этом «глагол дает лишь эмоциональный ключ, семантику дополняют контекст и конситуация» [3, с. 195]. Ср.: [Из диалога школьниц 12–13 лет, которые на уроке труда шьют футболки с воротником:] *Я воротничок уже* ***приэтовала****. Что дальше делать?* Глагол *приэтовать* используется школьницами на уроках труда как быстрый, емкий и общий заменитель целого ряда слов, называющих несколько операций: пришила, присоединила, приметала. Он имеет семантически пустой корень и лишен лексической мотивации. Смысловой центр перемещается на префикс *при-*, который в ряду одноструктурных глаголов (*присоединить, приделать, прибить*) выполняет роль мотиватора словообразовательной семантики. Средством лексической мотивации являются синонимы *(пришила, присоединила, приметала*), которые в речевой ситуации наполняют глагол определенным лексическим содержанием.

[Из разговора старшеклассников – крымских татар по телефону:] – *Ты там что,* ***чегардыкнул****? – Говори внятнее, тебя не понимаю*. Глагол *чегардыкнуть* лишен лексической мотивации. Смысловой центр перемещается на суффикс *-ну-*, который в ряду одноструктурных слов (*глотнуть, хлопнуть, охнуть, вздрогнуть*) выполняет роль мотиватора словообразовательной семантики. Средством лексической мотивации являются разг.-сниж. синонимы со значением ‘выпить вина, водки’ (*тяпнуть, хлебнуть, жахнуть, кирнуть*). Они наполняют глагол лексическим содержанием – ‘выпить спиртного’.

См. также: [Девушка лет 17 подруге, старающейся включить телефон:] – *Ты что делаешь?* ***Тыкванулся?*** *– Не ори, сейчас исправим* (*тыквануться* – ‘сломаться (о телефоне)’; дериват мотивирован одноструктурными словами, например, разг.-сниж. *бахнуться, грохнуться,* и используется как их синоним; [Муж, нервно, жене, паркующейся около магазина:] – *Вот,* ***прикорковались!*** *Ну говорил же, что там бордюр!* (*прикорковаться* – ‘неудачно припарковаться’); [На прогулке в городском парке компания женщин средних лет, разговор о посещении одной из них косметического салона:] *Салон, девочки, корейская многослойная косметика, всего тысяча – и полтора часа тебя* ***сарафанят*** *– гладят, мажут, скрабят… Я три раза уже была…* (*сарафанить* – ‘проводить косметические процедуры’); [В маршрутке один парень другому, собираясь к выходу:] *Давай уже,* ***почехопырься!*** (*почехопыриться* – ‘поторопиться’); [Мама дочке:] ***Почандрапали*** *быстрее, потом договорим!* (*почандрапать* – ‘пойти’); [Реакция пожилой женщины на кошку, которая, играя с

кисточкой, лапой загоняет ее под диван:] *Опять* ***зафрикаделила*** *свою кисточку!* (*зафрикаделить* – ‘забросить, закатить)’ и др.

В. В. Химик подобные глаголы относит к диффузным номинациям – к словам с отсутствующей, нарушенной или утраченной связью плана выражения и плана содержания [11, с. 717]. Неопределенная или чужеродная внутренняя форма придает таким лексемам особое экспрессивное содержание. Эффект смысловой диффузности, утверждает автор, создается в обиходной речи за счет выбора производящего слова с определенной мерой условности мотивации, в частности за счет парадоксального несоответствия действия и корневого смысла (ср., ***тыкв****ануться, при****корк****оваться,* ***сарафан****ить, за****фрикадел****ить)* или экспрессии непонятного, иногда этимологически затемненного исходного смысла (ср. ***чегардык****нуть, по****чехопыр****иться, по****чандран****ать*).

Реже способом креации создаются имена существительные. Например, бабушка, обращаясь к трехлетней внучке, называет ее *чимбырык*. Словообразовательная структура деривата менее прозрачна. Узуальные одноструктурные единицы отсутствуют.

2. Тмезис. Тмезис в дериватологии является самым малоизученным и поэтому неупорядоченным в плане классификации способом словообразования. Согласно В. П. Изотову, данный способ заключается во вставке в узуальное слово сегмента, морфемы, слова или словосочетания. В зависимости от этого автор выделяет сегментный тмезис, аффиксальный, лексический и синтаксический [6, с. 117]. Следуя этой классификации, мы выделяем первую и вторую разновидности.

Аффиксальный тмезис преобладает в нашем материале. Он характеризуется вставкой внутрь слова приставки или суффикса. Дериватологи отмечают, что вставка служебной морфемы между морфемами простой основы мотивирующего слова для русского языка является нетипичной. Чаще используется вставка служебной морфемы между простыми основами сложного слова. Мы зафиксировали оба случая.

Ср.: [Дочка маме, уходя с ней от свекрови, привыкшей вести замкнутую жизнь:] ***Любвенеобильные****-то родственники наши, заметила?* (любве-не-обильный ← любвеобильный). В выделенном деривате в качестве вставки выступает префикс со значением отрицания. Располагаясь между основами сложного прилагательного, он образует антоним мотивирующего слова.

[Из диалога между туристами, обсуждающими следующий пешеходный горный маршрут:] *А если на Курлюк, там своеобразненькая тропа и вода есть. – Уже* ***своебезобразненькая****. Все ее вкусности почти уничтожены мотоциклами спортивными. Лето помните? Каждую неделю встречали их, все тропы изуродовали…* (свое-без-образненький ← своеобразненький). Отрицательная приставка без- вставляется между префиксом и простой основой и при этом не только создает антонимичные отношения с мотивирующим прилагательным *своеобразненькая* (здесь ‘ландшафтно привлекательная, живописная’), но и в условиях конситуации осложняет их семантически: *своебезобразненькая* (тропа) – ‘горная тропа, обезображенная и почти уничтоженная горными мотоциклистами’.

Суффиксальная вставка между морфемами простой основы мотивирующего слова придает деривату только усилительную-оценочную коннотацию: [Девушка лет

25 подруге о своем приятеле:] *Он такой* ***смешутный!*** *Если бы только слышала, что он рассказывал* (смеш-ут-ный ← смешной). Такое нарушение выражает экспрессивный и несколько эпатирующий сдвиг нормы, возможно привлекательный для молодого собеседника.

В рамках данного способа мы выделяем глагольные дериваты, созданные по модели диминутивов. Настоящий класс производной глагольной лексики не представлен в научной литературе, на этом основании окказиональные уменьшительно-ласкательные глагольные формы мы включаем в тмезисный способ словотворчества. Как правило, это уменьшительно-оценочные преобразования в сниженном обиходно-разговорном типе устной речи. Их использование можно мотивировать способностью диминутивных морфем создавать эмоционально-позитивное содержание высказывания, которое, по мнению В. К. Харченко, зарождается как интуитивный протест речевому негативу: жаргонизмам, грубому просторечию и т. д. [10, с. 150], а также отмеченной В. В. Химиком способностью уменьшительных морфем привносить свойственное русскому человеку коммуникативное удобство самовыражения, передавая эмоционально комфортное состояние адресанта, вызываемое предметом разговора [12, с. 377–378].

Ср.: [Старшая сестра младшей, показывая на фото лесные цикламены:] – *Угадай, это кто? Сегодня, как по ковру, по ним гуляли. – Пролески. – А* ***подумкать?*** (подум-к-ать ← подумать); [В домашней обстановке мама дочери:] – *Даша, бабушка пришла, на кухне. – Я знаю, мы уже* ***пообнимашкались*** (пообнима-шка-ться ← пообниматься); [Девочка-подросток маме о домашней любимице, немного простуженной:] *Смотри, как хорошо сегодня кошка ведет себя: не сопит,* ***не слюнявкает****, не чавкает…* (слюняв-**ка**-ть ← слюнявить); [Девушка, лет 23, подругам о факте своего замужества:] *Ура, мы с ним* ***соединявкались*** (соединя-**вка**-ться ← соединяться); [Студентка первого курса КФУ:] *Я уже хочу скорее домой,* ***поваляньkаться****, покушать* (поваля-**нька**-ться ← поваляться); [Из диалога между двумя девушками в кафе:] – *Как вчерашний фильм? – Прекрасно, так* ***насмехунькалась****, так* ***насмехунькалась*** (насмех-**унька**-ться ← насмеяться).

В приведенных контекстах создание уменьшительных дериватов является прагматически оправданным, конситуация располагает говорящего к по-домашнему ласковому сближению с собеседником. Вероятно, что *-к-, -шка-, -ка-, -вка-, -нька-, -унька-* – алломорфы одного сниженного коллоквиального суффикса, окказионально вставляемого в глагольную основу. Подобно специальным диминутивным морфемам, они могут передавать широкий спектр чувств – удовольствие, восторг, очарование, привлекательность и т. д. Объясняя такой широкий диапазон интерпретаций, А. Вежбицкая вводит в толкование уменьшительных дериватов представление о неопределенном, свободно плавающем ‘хорошем чувстве’, не обязательно направленном на человека или вещь: ‘когда я думаю о Х, я чувствую что-то хорошее’ [1, с. 54–55]. Этот неопределенный компонент в толковании, по мнению Т. Б. Радбиля, есть национально-культурная коннотация [9, с. 264]. В разговорной речи такую коннотацию способны нести и глагольные модификаты.

Тмезисные производные могут выражать и другие коннотации, например, эмоциональное состояние неудовлетворенности, раздраженности адресанта: [Из

диалога в маршрутке между двумя девушками, обсуждающими прочитанную книгу:] *– Слушай, что ты имеешь в виду?* ***Выражовывайся*** *понятней, в смысле «он сырой». – Ах, ах****, выражовываясь*** *твоим языком, автор этого героя недостаточно развил, вот и всё…* (выраж-**овыв**-аться ← выражаться). Дериват образуется посредством грамматической деформации – удлинения глагольной основы за счет суффиксального сегмента -овыва-, свойственного глаголам третьего продуктивного класса с основой на -ова- (например, *припарковаться – припарков-ыва-ться – припарковывайся)*.

При окказиональном словообразовании внутрь глагольного слова может вставляться неморфемный сегмент (неморфемный тмезис, по В. П. Изотову). Например: [Девочка 13 лет младшей сестре, делавшей оригами из бумаги:] *Что ты* ***накосяпурила****?* (накося-пур-ить ← (разг.-сниж.) накосячить).

3. Конечное сегментное удлинение слова. Данным способом образуются увеличительно-усилительные разговорные дериваты, которые, на наш взгляд, отличаются наиболее значительным потенциалом коммуникативного самовыражения и воздействия. Это эффектные, рассчитанные на одномоментное воздействие номинации. Уход от нормы в них оправдан экспрессивно-оценочной функцией, повышающей коммуникативную силу произносимого слова. При этом удлинения основы могут иметь не только экспрессивный, но и эпатирующий эффект, что привлекает массового носителя русского языка, особенно молодого.

Удлинение основы может происходить:

а) за счет сегмента, имитирующего иноязычные суффиксы или неморфемные элементы.

Например: [Девочка-подросток, собираясь на улицу в приподнятом настроении, спрашивает у мамы:] *Сегодня холодно? Мне* ***шапенгаген*** *надевать?* (шап-енгаген ← шапка). Говорящий удлиняет мотивирующее существительное отрезком от топонима *Копенгаген*, который не только экспрессизирует высказывание, но и передает хорошее состояние адресанта, вызванное предстоящей прогулкой. (Возможна трактовка деривата *шапенгаген* и как контаминированного образования на базе индивидуальной для говорящего близости двух языковых единиц (шапка + Копенгаген)); [Возмущенный отец в неубранной комнате дочери:] *Когда ты уже свою* ***барахляндию*** *уберешь?* (барахл-яндия ← барахло); ср. ассоциации с топонимами Финляндия, Голландия, Ирландия и пр., а также с окказиональными производными на -ляндия: Пивляндия, Оп-ляндия, дождиляндия и др., где -ляндия от ‘ленд’ – ‘земля’, заимств. через нем. -land; [Из студенческого диалога:] *Всю прошлую ночь гуляли. Сегодня так* ***башкорстан*** *болит* (башк-орстан ← башка). Неолексема здесь – окказиональный фоносемантический коррелят заимствованного топонима Башкорстан, основанный на его произвольной смысловой интерпретации. Ср. также: [Студенты, не дождавшись преподавателя, по дороге от университета к автобусной остановке:] *Прикиньте, мы сейчас идем на остановку, а препод нам навстречу и такой:* ***«Стоямбус!*** *Куда это вы собрались? Я вообще-то пару не отменял»* (стоямбус ← стоять); [Из разговора двух студенток об экзаменах:] *– В моей сессии есть один* ***занозикус****, а у тебя? – Пока вроде без них* (заноз-икус ‘сложный экзамен’← (перен.) заноза); [Пожилая женщина о своей кошке:] *А она свой* ***носюндель*** *вечно*

сует мне под руку! (нос-юндель ← нос); [Девушка-студентка приятельнице, с которой на каникулах неоднократно путешествовала по России, о новом предложении турагента по имени Мирослав:] ***Мирославти*** *приглашает в июле в Карелию, Петрозаводска много будет, три ночи там по программе, ты как?* (Мирославти ← Мирослав);

б) с помощью сегмента, омонимичного русским морфемам:

[Женщина дочерям, которые спрятали на кухне графин:] *Так девочки! А где у нас этот графен? Ой, графон. Ну,* ***графинарий****. Ну, вы поняли меня!* (графин-арий ← графин); ср. с фоносемантическими коррелятами, в словообразовательной структуре которых выделяется суффикс -арий со значением ‘место, пространство, питомник, предназначенные для разведения или изучения кого-чего-н’: *дельфинарий, фазанарий, розарий* и др.,

или русскому слову:

[Реплика из диалога между двумя мальчиками-подростками:] *Ты думаешь, что один такой* ***крутовареный****?* (крутовареный ← (жарг.) крутой); второе слово *вареный* в составе сложного прилагательного теряет свое лексическое значение и используется в функции усилительного, эмоционально-экспрессивного элемента;

в) посредством сегмента, представляющего гласный звук или звуки, образующие вокалические сочетания в конечной позиции: [Мужчина, средних лет, по телефону:] ***Аллоэ!*** (алло-э ← алло); [Девушка маме в магазине:] ***Мамэо****, давай купим эти джинсы?* (мам-эо ← мама).

Так, субъективно-оценочная модификация исходного слова за счет удлинения основы меняет его прагматическую окраску: в речевом высказывании дериват может выражать коммуникативную предрасположенность к адресату речи (*Аллоэ!*), веселое настроение и шутливое отношение к объекту высказывания (*шапенгаген, графинарий*), шутливую фамильярность коммуникантов (*мамэо*), шутливо-ироническую игру или подростково-молодежную претенциозность участников речевой ситуации (*стоямбус, закнозикус, крутовареный*).

Неутолимая жажда экспрессии у языковой личности, ее желание выделиться через речь (В. А. Шаховский) является, на наш взгляд, главным мотивом появления представленных номинаций. Кроме того, такие особенности модификатов, как понятная формальная и смысловая структура, доступность образования и восприятия, эксплицитная оценочность, позволяют, согласно В. В. Химику, реализовать избыточную коммуникативную энергию говорящего [12, с. 388].

4. Метатеза – перестановки сегментов слов. В нашем речевом материале выявлено несколько типов данного словообразовательного явления. Например, буквенная перестановка в слове, ср.: [Женщина лет 40 в магазине при выборе кофе:] *А у вас есть с* ***бодавками*** *кофе?* (бодавки ← добавки); [Школьник после уроков маме в магазине:] *Можно мне* ***газиворку****?* (газиворка ← газировка). Меняться местами могут компоненты сложного слова: [Девушка 18 лет, студентка филологического факультета в разговоре с подругами, восторженно:] *Чувствую себя истинным* ***логофилом****!* (логофил ← филолог), а также сегменты словоформ в словосочетании. Ср.: [Супружеская пара несет несколько коробок с пиццей. Жена мужу:] *Могли и* ***заказку доставлять****, а не ждать* (заказку доставлять ← доставку заказать);

[Старшеклассница подруге в школе на перемене:] *Во «Вкусвилле» появилась новая вкусность, вчера купили – ирис* ***с орешью кехом****, пробуй*… (ирис с орешью кехом ← ирис с орехом кешью). Отмеченные перестановки, как правило, не затрагивают ни смысловой, ни эмоциональный план высказывания и являются балагурством, незамысловатой шуткой, игрой со словом.

5. Выделены новообразования с **начальным (аферезис) и срединным неморфемным усечением.** Такое усечение служит прежде всего средством создания оценочного деривата-паронима, который в речевом высказывании вступает в синонимичные отношения с производящим словом. Ср.: [Две студентки спорят о нравственной стороне современной журналистики:] ***Урналистика*** *– адекватное название для нее: в какую только урну за материалом журналисты не полезут.* ‘Урналистика’ – оценочный синоним с отрицательной коннотацией к ‘журналистика’ (урналистика ← **ж**урналистика); [Мужчина на предложение друга зайти в «харчевню узбекской кухни»:] *В* ***хачевню*** *– легко!* Хачевня – ‘заведение узбекской кухни**,** куда хочется зайти’ – оценочный синоним с положительной коннотацией к ‘харчевня’ (хачевня ← ха**р**чевня). Усечение может производить эффект паронимической аттракции без оценочной коннотации: *Закончаю,* – ответила спонтанно девушка, которая долго пила чай на кухне, когда ее попросили освободить помещение (закончаю ← заканч**ив**аю (пить чай).

ВЫВОДЫ

Приведенная классификация представляет убедительные факты лингвистических экспериментов в речевом обиходе современного города. На фоне общей тенденции к вербальной свободе, массовым инновациям, нарушению стандарта в повседневной речи начинают использоваться новые или ранее малопродуктивные неузуальные способы создания новых слов, а именно: креация, прежде всего глагольные диффузные номинации с асемантическими корнями; аффиксальный тмезис; конечное сегментное удлинение слова; метатеза – перестановка сегментов слов; начальное (аферезис) и срединное неморфемное усечение. Неолексемы, созданные данными способами, – это, как правило, прагматически оправданные усилительно-оценочные преобразования, маркирующие повседневную обиходно-разговорную устную речь. Среди рассмотренных окказиональных моделей наибольшую активность проявляют те, по которым создаются тмезисные уменьшительно-ласкательные глагольные дериваты, а также увеличительно-усилительные разговорные номинации как результат конечного сегментного удлинения слова.

Выявленные типы окказиональных лексических единиц составляют экспрессивные ряды, которые в спонтанной городской речи будут открытыми. Этому способствуют значительный потенциал самовыражения и воздействия, раскрепощающий эффект представленных номинаций, а также их способность служить средством повседневной творческой реализации для массового носителя русского языка в доступных речевых формах.

Представляя собой новые варианты преодоления нормы в спонтанной устной речи, проанализированные окказиональные образцы требуют более точного осмысления и классификации.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
2. Ирисханова, О.К. Лингвокреативный аспект деятельности человека [Текст] / О.К. Ирисханова // Филология и культура : Материалы IV междунар. науч. конф., 16–18 апр. 2003 г. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2003. – С. 8–11.
3. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. –М. : Наука, 1992. – 221 с.
4. Изотов, В.П. Неузуальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу [Текст] / В.П. Изотов, В.В. Панюшкин. – Орел : Изд-во ОГУ, 1997. – 40 с.
5. Изотов, В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 [Текст] / В.П. Изотов. – Орел, 1998. – 35 с.
6. Изотов, В.П. Тмезис: слитно, полуслитно, раздельно [Текст] / В.П. Изотов // Ученые записки Орловского государственного университета. – № 2 (75). – 2017. – С. 117–119.
7. Намитокова, Р.Ю. Язык современного города [Электронный ресурс] / Намитокова Р.Ю., Гриценко Н.И., Нефляшева И.А. // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2006. – № 1. – С. 185–188. – Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.1/82/namitokova2_2006_1.pdf. – (Дата обращения: 18.03.2021).
8. Пономаренко, И.Н. Современный эргоним: основные тенденции в нейминге [Текст] / И.Н. Пономаренко, В.А. Крыжановская // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь. – 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 176–186.
9. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 328 с.
10. Харченко, В.К. Креатив разговорного дискурса [Текст] / В.К. Харченко // Лингвистика креатива-2 [Текст] : Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 147–164.
11. Химик, В. В. Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи [Текст] / В.В. Химик // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 717–720.
12. Химик, В.В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования [Текст] / В.В. Химик // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М. : Макс Пресс, 2010. – С. 376–389.

References

1. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language, Culture, Cognition]. Moscow: Russkie Slovari Publ., 1997, 416 p.
2. Iriskhanova O.K. *Lingvokreativnyu Aspekt Deyatel'nosti Cheloveka* [Lingvocreative Aspect of Man's Activity]. *Filologiya i Kul'tura: Materialy IV Mezhdunar. Nauch. Konf., 16-18 Apr. 2003 G.* Tambov: TGU Publ., 2003, pp. 8–11.
3. Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie kak Deyatel'nost'* [Word Formation as Activity]. Moscow: Nauka Publ., 1992, 221 p.
4. Izotov V.P., Panyushkin V.V. *Neuzual'nye Sposoby Slovoobrazovaniya: Konspekty Lektsii k Spetskursu* [Occasional Ways of Word Formation: Synopsis of the Lecture to Special Course]. Oryol: OGU Publ., 1997, 40 p.
5. Izotov V.P. *Parametry Opisaniya Sistemy Sposobov Russkogo Slovoobrazovaniya (na Materiale Okkazional'noi Leksiki Russkogo Yazyka): Avtoref. Dis. ... D-ra Filol. Nauk* [Parameters of Description of the System of Ways of Russian Word Formation (on the Material of Occasional Lexics of Russian Language). Abstract of Thesis)]. Oryol, 1998, 35 p.
6. Izotov V.P. *Tmezis: Slitno, Poluslitno, Razdel'no* [Tmesis: in One Word, Semi-Complete, Separate]. *Uchenye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Oryol, 2017, no 2 (75), pp. 117–119.
7. Namitokova R.Yu., Gritsenko N.I., Neflyasheva I.A. *Yazyk Sovremennogo Goroda* [Language of the Modern City]. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Maikop, 2006, no 1, pp. 185–188. Available at: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.1/82/namitokova2_2006_1.pdf (accessed: 18.03.21).
8. Ponomarenko I.N., Kryzhanovskaya V.A. *Sovremennyi Jergonim: Osnovnye Tendentsii v Neiminge* [Modern Ergonim. Indirect Tendencies in Naming]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki.* Simferopol', 2019, Vol. 5 (71), no 3, pp. 176–186.
9. Radbil' T.B. *Osnovy Izucheniya Yazykovogo Mentaliteta: Ucheb. Posobie* [Fundamentals of Language Mentality. Text Book]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2013, 328 p.
10. Kharchenko V.K. *Kreativ Razgovornogo Diskursa* [Creativity of Conversational Discourse]. *Lingvistika Kreativa-2.* Ekaterinburg: FGBOU VPO Ural. gos. ped. un-t Publ., 2012, pp. 147–164.
11. Khimik V.V. *Diffuznoe Var'irovanie Slov, Znachenii i Formantov v Russkoj Razgovorno-Obihodnoj Rechi* [Diffuse Word Variation, Meanings and Formats in Russian Colloquial Speech]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta Imeni N.I. Lobachevskogo*, 2011, no 6 (2), pp. 717–720.
12. Khimik V.V. *Jekspressivno-Otsenochnij Potentsial Russkogo Modifikatsionnogo Slovoobrazovaniya* [Expressively Evaluative Capability of Russian Modifying Word Formation Implementation]. *Novye Yavleniya v Slavyanskom Slovoobrazovanii: Sistema i Funtsionirovanie. Doklady XI Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii Komissii po Slavyanskomu Slovoobrazovanyu pri Mezhdunarodnom Komitete Slavistov*. Moscow: Maks Press Publ., 2010, pp. 376–389.

OCCASIONAL WAYS OF WORD CREATION IN THE LANGUAGE OF MODERN CITY (ON THE MATERIAL OF ORAL SPONTANEOUS SPEECH OF CRIMEAN INHABITANTS)

Chepurina I. V.

In the article new formations of lexical level created with a help of non-casual ways of word formation, which are insufficiently studied and not enough represented in scientific linguistic literature at present are researched. Neolexems in the aspect of these ways of word creativity are classified and analyzed. Derived units are characterized from the point of view of their word formation structure and pragmatic focus.

The following occasional ways of creating new words in everyday spontaneous speech of inhabitants of Crimea are identified: creationism, metathesis, affixal and segmental tmesis, initial and median non-morphemic truncation, and final segmental word lengthening. The most active models are tmesis models, which are used to create diminutive-affectionate verbal modifications, as well as varieties of final segmental word lengthening.

It is established that the studied nominations are primarily pragmatically justified amplifying-evaluative transformations that mark everyday-spoken speech. Their expressive series in this type of speech are open. This is facilitated by the spontaneity and freedom of expression inherent in oral colloquial speech, as well as the ability of the presented new formations to serve as a means of everyday creative realization for the mass native speaker of the Russian language in accessible speech forms.

Keywords: occasional methods of word formation, spontaneous speech, everyday-colloquial speech, creationism, tmesis, metathesis, finite segmental word lengthening, subjective-evaluative modification.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 175–184.

УДК 81-114.2

THE COMMUNICATIVE TACTIC OF ACCUSATION IN CAMEROONIAN POLITICAL DISCOURSE

Ella A.-B.

Department of Linguistics and Translation
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: anicetville@yahoo.fr

The aim of the research is to determine the use of the tactic of accusation in Cameroonian political discourse. The tactic of accusation is most often implemented using tropes such as epithets, metaphors, and antitheses. Almost every accusation uses words from the semantic field «unacceptable» to denote the irrationality and unproductiveness of the current government and the beliefs of its opponents. The article is devoted to a comprehensive analysis of the tactic of accusation in political discourse in the linguistic sphere. The systematization and structuring of provisions covering the evolution of the term «political discourse» and related concepts is carried out in modern directions and in European and African schools of political linguistics. Features of the development of the term «political discourse» are associated with the history and socio-political characteristics of states, as well as a wide range of sociopolitical factors. The paper identifies and clarifies the importance of an accusative tactic in political discourse, its genre and identity, and a valuable public way for delivering a political message. It is proved that in order to understand the explicit and implicit targeting of political texts and systematize linguistic manipulative mechanisms, a comprehensive analysis of speech tactic is required, which, in turn, consists of specific speech techniques. Based on the interpretation of discourse as a linguocultural, intercultural and axiological phenomenon, the author's understanding of political discourse is formulated.

Key words: political discourse, tactic of accusation, opponent, power, personal interest, electoral hold up.

INTRODUCTION

The main goal of a politician is to conquer and retain power. Political discourse reflects this goal.This is what determines the specific features of the communicative influence within the political discourse. This influence is the main linguistic function of political discourse, which is realized through communicative strategies. Today this concept does not have a generally accepted interpretation in linguistics.

O. S. Issers considers the communicative strategy as «a complex of speech actions aimed at achieving communicative goals», which includes «planning the process of speech communication depending on the specific conditions of communication, and the personality of the communicants, as well as the implementation of this plan» [13, p. 54]. The strategy is also interpreted as «a cognitive communication plan, through which the optimal solution of the speaker's communication tasks is controlled, considering the lack of information about the opponent's actions» [13, p. 100]. Political discourse can be simply defined as the discourse of politicians, i.e. their texts or talks and their professional activities. The topics usually come from public events that require collective decision-making, policies regulations, or legislation [16, p. 4]. In this definition of political discourse, Van Dijk includes the elaboration of communicative strategies, tactics and techniques used in political discourse. This includes strategies such as strategies of confusion, agitation, propaganda, and intimidation. These strategies on the other hand involves tactics such as

the tactic of discreditation, false promises, lies and accusations. We have seen that political discourse analysis first of all should be able to define its proper object of study: what exactly is a «political discourse»? The easiest and not misguided answer is that political discourse is identified by its actors or authors, viz., politicians. Indeed, the vast bulk of studies of political discourse is about the text and talk of professional politicians or political institutions, such as presidents and prime ministers and other members of government, parliament or political parties, both at the local, national and international levels. Some of the studies of politicians take a discourse analytical approach (Carbó T., Dillon G. L., Harris S., Holly W., Maynard S. K.) to give a better understanding of a political discourse [8, 9, 11, 12, 14].

PRESENTATION OF KEY MATERIAL

The emergence of the term «political discourse» is due to the significance of the research aimed at reflecting the specifics of the cognitive approach to the study of text corpora, and is directly related to the development of the term «discourse» (French discours, English discourse, from Latin diskursus «movement, circulation; conversation»), which was introduced into the scientific terminological apparatus by American scientist Z. Harris in 1952 and is used in the phrase «discourse analysis» [11].

Political discourse refers to frames of meaning and their ordering and disordering propensities. It attributes special importance to symbolic capital as a form of meaning in contrast to economic capital, the two constituting quite different forms of power. Symbolic capital is a result if events individually narrated, compiled, interpreted, and made into collective master narratives by agents who, by a process of retrievals and projections, orality and writing, narratives and texts, are able to read events as social texts. This, the narrative construction of reality, relies heavily on events as signifiers, particularly as metaphors and metonymies. The main emphasis is on the power of interpretation using myths about the past as evidence. Experience becomes an imaginary real which is taken as a higher and convincing form of truth. Events, considered in terms of difficulties, predicaments, and circumstances, define millennial and transcending goals, resolving such difficulties and predicaments by means of a logic of overcoming. If political discourse takes the form of a mytho-logic it, when formed into discourse communities, constitutes a form of collective power of its own. It distinguishes insiders from outsiders, establishes boundaries, terrains, and affiliations at the level of the state or some lesser jurisdiction. It is in the context of discourse communities that, in these terms, thought engenders political action while political action engenders thought. So, considered, political discourse is based on how events are interpreted. It contrasts with other forms of analysis in terms of the rationality it employs. Conceptually it owes much to semiotics, linguistics, and philosophical concepts as well as literary, sociological, and political science analysis – hence the intellectual pedigree provided. Some uses and applications of political discourse theory are indicated in terms of relevant events and circumstances as well as suggested trends and tendencies for the future [4].

The studies of N.D. Arutyunova emphasize the social nature of discourse and its features and characteristics. According to the scientist, discourse can be defined as «a coherent text in conjunction with extralinguistic – pragmatic, sociocultural, psychological and other factors; text taken in the event aspect» [1, p. 136–137]. By defining discourse as

«communication, which is submerged in life», the linguist identifies the main characteristic that distinguishes the concepts of discourse and text. So, the author believes that the term discourse, unlike the term text, does not apply to the ancients and other texts whose links with living life are not directly restored [1, p. 136–137].

Jean-Jacque Rosseau (French philosopher who published an essay about the social contract between governments and people in 1762 and the political discourse in France) wrote about the basic principle of his «social contract» which is that laws are binding only when they are supported by the will of the people. This concept positions the will of the people above the authority of government, which was in a stark contradiction to governance in France at that time [15]. In Rosseau's time, the French monarch was thought to be divinely bestowed, and, of course, they could hand down laws without regard for the will of the people. Rather, they often backed laws that served an elite few. Because of this, Rosseau's radical treatise became a founding text for The French Revolution and the political reformation to come.

A political text published in 1792, which is one of the first feminist political texts, by Wollstonecraft simply argues that women are deserving of the same fundamental rights as men. This text reflects the importance of political discourse in the 1790s. She specifically argues that women have a right to be educated, and makes the case by reasoning that as the moral compasses for society, and the people responsible for raising future generations, it was logical for women to be properly educated. The context of her writing about freedom and rights is significant, because this text was published during the French Revolution. Because of the sentiment of «liberté, égalité, fraternité» that was in the air during the time of the revolution, this message of women's equality was generally well-received in its time. Unfortunately, it was not acted on politically, but the text became a foundational work for later suffragette and feminist movements to come.

As discourse from social media is discussed on the news, social media has been successfully used to organize political protests and build political communities. It is frequently used by whistle-blowers – WikiLeaks, for example – which attracts the attention of media outlets. R. Aslam further notes that social media has crossover appeal [7]. News that is overlooked by traditional media outlets is instantly delivered to the masses. Social networks often disseminate trending topics before they can be addressed on the news. Other examples include the Egyptian revolution and Occupy Wall Street, both of which began in 2011 [10]. In these instances, protesters used networks, such as Facebook and Twitter, in conjunction with their mobile phones to organize their communities [3].

Freedom House (https://freedomhouse.org) is an independent watchdog organization that was established in 1941 to promote democracy around the world. One of its most recent projects involved an examination of the effect that social media has on politics. The resulting report «Freedom on the Net 2017: Manipulating Social Media to Undermine Democracy» concludes that while Internet usage in the United States is relatively open, online political discourse is characterized by «a proliferation of fabricated news articles, divisive partisan vitriol, and aggressive harassment of many journalists» [10].

According to L.A. Nefedova, «a proven means of drawing attention to a message is rhetorical questions that exist in the political sphere, regardless of linguocultural specifics» [5, p.111]. In this context, the return of rhetoric to the nucleus of political debate leads to a

more contentious question: are we witnessing, together with processes of dealignment and polarisation, a complete transformation of rhetorical culture as a consequence of the recent upheavals in worldwide politics? While this is a question that can only be answered in the long-term, a clearer understanding of the unfolding scenario must take into account the media by which most politics managed to capture the political imaginary. Speeches full of rhetoric reflect the influence of political discourse on the listeners.

After the 2017 US presidential election, claims were made that Russia interfered with the election by posting propaganda and fake news online to manipulate the perspectives of unsuspecting voters. As investigations were launched into the alleged interference, evidence that social media had been used to manipulate political outcomes in other countries started to surface. Freedom House's report suggests that misinformation introduced on social media has influenced elections in no less than 18 countries by impairing citizens' ability to make informed, fact-based decisions.

The dissemination of propaganda is by no means confined to foreign meddling. Freedom House (2017) notes that of the 3.4 billion people worldwide who have access to the Internet, 42% live «in countries where the government employs armies of 'opinion shapers' to spread government views and counter critics on social media» [10]. Political opponents seeking to win elections or sway public opinion likewise often seek opportunities to manipulate social media content. After surveying 65 countries as part of its research, Freedom House found that social media manipulation tactics include paid pro-government commentators, pro-government media and propaganda, fake news about elections, and hijacked social media accounts. While information from paid pro-government commentators stems from credible reports, the commentators often do not disclose that they are posting information on behalf of the government. Fake news, on the other hand, merely mimics credible reports and is false. Pro-government media and propaganda may be orchestrated by the government or affiliated individuals/organizations. A government may bribe online commentators, take over their social media accounts, and distribute political editorials through their profiles.

Speech itself is initially «politically complete», since it is a sign of solidarity with other members of society who use the same language. It is not a coincidence that language as an intermediate link between thought and action has always been the most important factor in establishing political pressure, and economic and political discrimination [2, p. 32].

R. Wodak argues that political language is somewhere between two poles: a special language and the jargon of a certain group. Therefore, the political language should be understandable and focused on a certain group [17, p. 42].

Many linguists believe that any text affects the consciousness of the addressee from a semiotic point of view. As rightly noted by P.B. Parshin, for a political text, speech influence is the main goal of communication, towards the achievement of which the choice of linguistic means is guided [6, p. 403].

Most politicians use the tactic of accusation, included in the agonal strategy of political discourse during their speeches. It is also one of the tactics mostly used in Cameroonian political discourse during presidential elections. The main intention of this tactic is to discredit the political opponent. Using this tactic, politicians pursue the task to weaken the opponent with accusations, which sometimes include false allegations.

In Cameroon most politicians often use the tactic of accusation in order to place the blame on their opponent, and to attribute to an opponent the perpetration of an unforgivable and unpardonable act. At the same time, politicians in their speeches try to influence the listeners in such a way that he or she adopts a similar negative attitude toward a particular political opponent.

In this article, we will focus on the use of this tactic of accusation by a particular Cameroonian political leader Professor Maurice Kamto, leader of the party of the Cameroon Renaissance Movement, a political party of the opposition in Cameroon. We will examine some of his political speeches and identify the various ways in which he uses the tactic of accusation against his political opponents.

On May 19th 2020 in Yaounde (the capital of the Republic of Cameroon), Maurice Kamto who had lost the presidential elections of 2018 against President Paul Biya, makes a discourse addressed to the nation. In this extract of his discourse, we will observe how the tactic of accusation is being used in order to discredit President Paul Biya as well as his government.

My dear compatriots,

It is in sadness and desolation that our country is marking its National Day, this 20th May 2020, riddled as it is with violent convulsions.

***The current government continues to impose on the brave populations of the North-West and South-West this violent, barbaric and useless civil war**, which they single-handedly started following the protest movements of November 2016, and whose tragic consequences are deplorable in many respects.*

Evidence of the damage is overwhelming: the multiplication of massacres of innocent civilian populations, one of the most recent and emblematic of which was perpetrated in Ngarbuh on 14th February by the army, the collection of civilian and military victims of this war; the tragedy of thousands of our fellow refugees in Nigeria and the plight of hundreds of thousands ofinternally displaced people;

The burning of homes, the destruction of infrastructure and the socio-economic disaster generated by this war.

***And all this happens under the indifferent watch of an arrogant and contemptuous power.** I would like to take this opportunity to once again honor the memory of all the victims of this atrocious war, and to reiterate my sincere condolences to their families, as well as my best wishes for speedy recovery to the injured. It is high time that lasting solutions were brought to this unsustainable situation.*

In this extract of his political discourse, we can observe three accusations directed towards President Paul Biya, government, and the army. Firstly, Maurice Kamto accuses the government **«*to impose on the brave populations of the North-West and South-West this violent, barbaric and useless civil war*»** of killing the population in these two regions of Cameroon. Secondly, the army **«*of massacres of innocent civilian populations*»** and, thirdly, he accuses indirectly President Paul Biya of ***«an arrogant and contemptuous power»*.**

In the second part of this incredible discourse of 19th May 2020 Maurice Kamto focalizes on the appearance of various public infrastructures in the country and he says **«*Nothing, otherwise a few grotesque monuments, uninspired, hastily made and often with***

***unbearable ugliness*».** With these words, Maurice Kamto indirectly accuses the present government and the head of the state of not willing to develop the public infrastructures of the country and he therefore denigrates the various monuments that reflect the sufferings of the people.

This example of a discourse shows the attitude of Maurice Kamto to the actual political situation in Cameroon. He begins his speech with the address «My dear compatriots» – a combination of words that expresses his affection and devotion to his compatriots and therefore exposing the lack of interest of his opponents to the people. Then he continues with a series of interrogative sentences «We must ask ourselves: what is happening to Cameroon?», «What makes us Cameroonians that we succumb so fast to the propaganda, and we accept everything, including the unacceptable?». This is to let the people (listeners) know that he is aware of the various problems and difficulties which they face in their daily routines. He tells people to open their eyes and understand that they are being fooled by those who rule them.

He openly accuses the authorities, the government and the head of the state. He does this using numerous epithets with a negative connotation – a *few grotesque monuments, uninspired, hastily made and do often with unbearable ugliness.*

Another example of a political discourse where Maurice Kamto uses the tactic of accusation can be observed in his speech of the 9th December 2019 when he addressed himself to the nation. He said:

«Everything is done to restore the situation of the single party where a political party at will and following his mood shares some seats with some allies and consolidates his position as dominant».

This example illustrates the attitude of Maurice Kamto towards the candidate Paul Biya (President of the Republic of Cameroon), his political party and the government. Maurice Kamto openly criticizes Paul Biya, his political party, and his way of governing the country. He accuses the president Paul Biya indirectly of dictatorship and fake democracy.

On the 1st January 2018, Maurice Kamto in his allocution to the nation, during post electoral crisis, this time gives the name of the person who is targeted by his accusations. He says:

«The cause of all this drama has a single name, BIYA Paul. Never has a man sacrificed the fate of his people for his own ego».

«This election provided compelling evidence that one individual, Mr BIYA Paul, mobilized all public resources – financial, administrative, material, institutional and security - to perpetuate his re-election. It is no more no less than corruption, a damage on the public fortune and the abuse of power that led to an ELECTORAL HOLD UP».

The tactic of accusation in political discourse includes the use of words with negative connotations, which are quite logical for this tactic, as they help to express discontent more clearly. This time, in the speech of Maurice Kamto, we can observe that he accuses Paul Biya directly of sacrificing the lives of his people for his own interest and ego, and of an electoral holdup.

In one of his speeches in 2020, Maurice Kamto accuses the ruling party of incompetence andirresponsibility in the fight against the COVID-19 pandemic and the desire of Paul Biya to remain in power forever with the help of the state terror. He said:

«*Enough is enough! The Cameroonian people have suffered enough from the gluttony of a few people whose incompetence, irresponsibility and cynicism still spread dramatically to the world as part of the fight against the COVID-19 pandemic, and who believe they can keep power forever only through State terror*».

In this extract of a speech base of a political discourse, we can easily observe the presence of the tactic of accusation based on the various semantic and pragmatic means presented in the text. The orator reveals his own view of the political situation in the society and he uses semantics of words such as «gluttony of a few people» or «irresponsibility and cynicism». These words, which are directed to the people in power, and authorities who can't take the necessary measures to fight a serious threat to the society.

CONCLUSION

In conclusion, the communicative tactic of accusation is an explicit way of discrediting a political opponent. As an instrument of political discourse, the tactic of accusation is used quite widely, since it does not necessarily lead to confrontation with the politician, and in most cases, it can serve as the beginning of a constructive dialogue, but it can also serve as the beginning of a political crisis. The presence of the various factors, which play an important role in the influence of political discourse in the society, are observed. The semantic and pragmatic nature of the political discourse in a society has always been a result of the interpretation of the addressee. This interpretation is directly linked to the sociopolitical situation in the country. And this was the case in the republic of Cameroon, since various speeches from the opposition led to riots. Due to political speeches the addressee reacted as the orator expected. In the case of Maurice Kamto, this tactic of accusation, which he used, led to his arrest by the state authorities and to his imprisonment in 2019, since his accusations were mostly targeted towards the government authorities. He was released 9 months later due to international pressure on the Cameroonian government from France, the United States of America, and Great Britain.

The investigated examples perfectly demonstrate how accusation became high-frequency phenomena, which have a huge impact on the consciousness in the political struggle. Because the subject of a political discourse of politicians which reflects some interests and has some purposes and tasks, interprets reality in the text. The main aim of political discourse is struggle for power. The tools of speech accusation of a political discourse of politicians are present at all levels of language – phonographic, lexical and grammatical. The widest layer of speech means of accusation is presented at the lexical level. The found stylistic devices interacted with each other, which allows achieving a much more effective impact on the reader. Accusations within a political discourse of politicians is a multidimensional phenomenon. Achievement of one of the main tasks of a political discourse of politics, i.e. management of public opinion can allow such features as focus and dedication on the mass addressee, and invisibility as well. The tactic of accusation in political discourse does not open its viewpoints about influence, and its efficiency depends on that. Studying of the mechanism of the tactic of accusation by linguistic means helps to avoid psycho-technical effect of speech manipulation, or speech demagogy, speech aggression or even speech violence.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Азначеева, Е.Н. Дискурс : функционально-прагматический и когнитивный аспекты: коллективная монография [Текст] / отв. ред. Е.Н. Азначеева. – Челябинск: Челяб. гос. ун., 2008. – 154 с.
3. Баранов, А.Н., Казакевич, Э.Г. Парламентские дебаты : традиции и новации [Текст] / А.Н. Баранов, Э.Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
4. Воробьева, О. В. Политическая лингвистика: Политический язык как сфера социальной коммуникации: монография [Текст] / О.В. Воробьева. – М. : ИКАР, 2008. – 296 с.
5. Нефедова, Л.А. Роль СМИ в создании портрета языковой личности политика (по материалам французской прессы) [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – Выпуск 63. № 5 (259). – Челябинск, 2012. – С. 109–113.
6. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции [Текст] // Системные исследования. – М., 1987. – С. 398–425.
7. Aslam R. The role of media in conflict: Integrating peace journalism in the journalism curriculum (Doctoral dissertation). 2014. Available at: http://aut. researchgateway.ac.nz/handle/10292/7908/.
8. Carbó T. Educar desde la Cámara de Diputados. Mexico: CIESAS, 1984. Pp. 18–24.
9. Dillon G. L., Doyle A., Eastman C. M., Kline S., Silberstein S., & Toolan M. (WAUDAG). The Rhetorical Construction of a President. Discourse and Society, 1990, Vol. 1, Issue2, pp.189–200.
10. Fuchs Christian. Social Media: A Critical Introduction. London: Sage, 2014. 304 p.
11. Harris S. Evasive action: How politicians respond to questions in political interviews. In P. Scannell (Ed.) Broadcast talk. London: Sage, 1991, pp.76–99.
12. Holly W. Politikersprache. Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten. Berlin: De Gruyter, 1990.
13. Issers O. Russian Communicative Strategies and Tactics. Moscow: LENAND, 2015. 288 p.
14. Maynard S.K. Images of Involvement and Integrity: Rhetorical Style of a Japanese Politician. Discourse and Society 5(2), 1994, pp. 233–261.
15. Rousseau J.-J. Du Contrat social. Napoli, Jovene, 1762. Pp. 213–256.
16. Van Dijk T.A. Discourse Analysis as Ideology Analysis. In Christiina Schaffner and Anita L. Wenden (Eds.). Language and Peace. Dartmouth: Aldershot, 1995. Pp. 17–33.
17. Wodak, R. Sprache und Macht Sprache und Politik Text. Beiträge zur Lehrerfortbildung Band 31. ÖBV, Wien, 1989. 130 p.

References

1. Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. *Lingvisticheskii Jentsiklopedicheskii Slovar*. Moscow: Sovetskaya Jentsiklopediya Publ., 1990, pp. 136–137.
2. Aznacheeva E.N. *Diskurs: Funktsionalno-Pragmaticheskii i Kognitivnyi Aspekty: Kollektivnaya Monografija* [Discourse. Functional-Pragmatic and Cognitive Aspects. A Collective Monograph]. Ed. by E.N. Aznacheeva. Chelyabinsk, 2008. 154 p.
3. Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentskie Debaty: Traditsii i Novatsii* [Governmental Debates. Traditions and Innovations]. Moscow: Znanie Publ., 1991. 64 p.
4. Vorobyeva O.V. *Politicheskaya Lingvistika: Politicheskii Yazyk kak Sfera Sotsial'noi Kommunikatsii: Monografiya* [Political Linguistics. Political Language as a Sphere of the Social Communication. A Monograph]. Moscow: IKAR Publ., 2008. 296 p.

5. Nefedova L.A. *Rol Smi v Sozdanii Portreta Yazykovoi Lichnosti Politika (Po Materialam Frantsuzskoi Pressy)* [The Role of the Media in Creating a Portrait of a Politician's Linguistic Personality (Based on the French Press)]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie*. Issue 63. No. 5 (259). Chelyabinsk, 2012, pp. 109–113.
6. Parshin P.B. *Lingvisticheskie Metody v Kontseptualnoi Rekonstruktsii* [Linguistic Methods in Conceptual Reconstruction]. *Sistemnye Issledovaniya*. Moscow, 1987, pp. 398–425.
7. Aslam R. The role of media in conflict: Integrating peace journalism in the journalism curriculum (Doctoral dissertation). 2014. Available at: http://aut. researchgateway.ac.nz/handle/10292/7908/.
8. Carbó T. Educar desde la Cámara de Diputados. Mexico: CIESAS, 1984. Pp. 18–24.
9. Dillon G. L., Doyle A., Eastman C. M., Kline S., Silberstein S., & Toolan M. (WAUDAG). The Rhetorical Construction of a President. Discourse and Society, 1990, Vol. 1, Issue2, pp.189–200.
10. Fuchs Christian. Social Media: A Critical Introduction. London: Sage, 2014. 304 p.
11. Harris S. Evasive action: How politicians respond to questions in political interviews. In P. Scannell (Ed.) Broadcast talk. London: Sage, 1991, pp.76–99.
12. Holly W. Politikersprache. Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten. Berlin: De Gruyter, 1990.
13. Issers O. Russian Communicative Strategies and Tactics. Moscow: LENAND, 2015. 288 p.
14. Maynard S.K. Images of Involvement and Integrity: Rhetorical Style of a Japanese Politician. Discourse and Society 5(2), 1994, pp. 233–261.
15. Rousseau J.-J. Du Contrat social. Napoli, Jovene, 1762. Pp. 213–256.
16. Van Dijk T.A. Discourse Analysis as Ideology Analysis. In Christiina Schaffner and Anita L. Wenden (Eds.). Language and Peace. Dartmouth: Aldershot, 1995. Pp.17–33.
17. Wodak, R. Sprache und Macht Sprache und Politik Text. Beiträge zur Lehrerfortbildung Band 31. ÖBV, Wien, 1989. 130 s.

List of sources used

1. Article of the Journal du Cameroun.com. Available at: https://www.journalducameroun.com/en/news-in-brief/i-did-not-choose-to-be-born-bamileke-maurice-kamto/
2. Article published by Africa News, 16.10.2018. Available at: https://www.africanews.com/2018/10/16/cameroon-opposition-rejects-leaked- results showing-biya-victory//
3. Article published by MADE FOR MINDS, 02/02/2020. Available at: https://www.dw.com/en/cameroon-crisis-federalism-is-the-solution-says- opposition-leader-maurice-kamto/a-52228121
4. Article of the AFRICA REPORT MAGAZINE. Available at: https://www.theafricareport.com/21114/cameroon-kamto-for-the-sake-of- the country-i-will-talk-to-biya/
5. Article of AFRICA NEWS. Available at: https://www.africanews.com/2018/10/09/maurice-kamto-ex-cameroon- minister-claiming-to-be-president-elect//
6. Cameroon's many fault lines. Available at: https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/cameroon-fault-lines 190725110520286.html
7. Populists and Autocrats: The Dual Threat to Global. Available at: Democracyhttps://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_FIW_2017_Report_Final.pdf

КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА ОБВИНЕНИЯ В КАМЕРУНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Элла А.-Б.

Цель исследования – определить использование тактики обвинения в камерунском политическом дискурсе. Тактика обвинения чаще всего реализуется при помощи таких тропов как эпитеты, метафоры и антитезы. Практически в каждом обвинении используются слова из семантического поля «unacceptable» (неприемлемый) для того, чтобы обозначить нерациональность и непродуктивность работы действующего правительства и убеждений своих оппонентов. Статья посвящена комплексному анализу тактики обвинения в политическом дискурсе в лингвистической сфере. Систематизация и структурирование положений, охватывающих эволюцию термина «политический дискурс» и связанных с ним понятий, проводится в современных направлениях и в европейских и африканских школах политической лингвистики. Особенности развития термина «политический дискурс» связаны с историей и социально-политическими характеристиками государств, а также с широким спектром социально-политических факторов. В тексте выявляется и разъясняется важность тактики обвинения в политическом дискурсе, ее жанр и идентичность, а также ценная публичная возможность донести политическое послание. Доказано, что для понимания явной и неявной адресности политических текстов и систематизации языковых манипулятивных механизмов необходим комплексный анализ речевой тактики, которая, в свою очередь, состоит из конкретных речевых приемов. На основе трактовки дискурса как лингвокультурного, межкультурного и аксиологического феномена автор формулирует авторское понимание политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, тактика обвинения, оппонент, власть, личный интерес, нарушение на выборах.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 185–194.

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070:316.77

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ)

Егорова Л. Г.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Россия
e-mail: legora@list.ru

В статье описывается особая роль региональных медиа в поддержании эффективной коммуникации между властью и общественностью и продвижении идеи гражданского общества. Автор исследует практики освещения региональными СМИ программы инициативного бюджетирования как инструмента развития местного самоуправления и гражданского общества. Исследователь указывает, что при выработке концепции информационного сопровождения подобных проектов следует учитывать особенности регионального медиапространства, социально-политические, культурные характеристики территории, и предлагает возможные направления в освещении темы продвижения проектов инициативного бюджетирования крымскими медиа. В целях успешной реализации информационного сопровождения проектов необходимо учитывать особенности проявления региональной идентичности жителей, формирующейся в результате сложного культурно-исторического взаимодействия представителей различных этносов, для чего необходимо фокусировать внимание целевой аудитории на признаках общей ментальности крымчан.

Ключевые слова: медиатекст, региональные СМИ, региональная идентичность, гражданское общество, инициативное бюджетирование, Республика Крым.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие технологий, утверждение позиций коммуникационных процессов в структуре социума привело к необходимости переосмысления места средств массовой коммуникации в сфере управления социальными процессами и регулирования отношений между государством и обществом. Средства массовой информации в этой связи рассматриваются современными исследователями как один из ключевых элементов в структуре гражданского общества, поскольку формируют особое символическое пространство, в котором выстраивается коммуникация между общественными институтами и властью. Отметим, что становление гражданского общества зависит от особенностей гражданской социализации, которая, по мнению А. А. Ширяевой, «связана с освоением гражданских ценностей и норм, осознанием гражданских прав, обязанностей, ответственности и формированием мотивов гражданской активности» [13].

Исследователь выделяет следующие направления участия СМИ в указанном процессе: стимулирование гражданской заинтересованности, просвещение и образование, формирование соответствующих ценностных установок, воспитание гражданских качеств, помощь в приобретении навыков гражданского участия в публичной сфере. Именно такие навыки становятся основой проявления гражданской активности в разных сферах общественной жизни [13].

Несомненно важным условием успешного развития современного государства является продуцирование и поддержание эффективного взаимодействия между властью и социумом. На региональном уровне такое взаимодействие может осуществляться посредством различных инструментов расширения участия граждан в местном самоуправлении и решении вопросов местного значения. Особую роль при этом играют региональные СМИ: не только реализуя функцию информирования, но и оказывая влияние на личностную, социальную идентификацию аудитории, медиа могут вовлекать население в процесс управления на любом уровне.

Итак, местные СМИ активно трансформируют современное общество, но для реализации данной задачи им необходимо выстраивать информационную повестку дня таким образом, чтобы стимулировать гражданскую активность целевой аудитории, вовлекать ее не только в обсуждение, но и в решение проблем региона. Важным фактором остается уровень доверия к СМИ, напрямую зависящий от степени объективности отражения в медиатекстах политической, экономической, социальной ситуации в регионе. На данном этапе развития медиа, по мнению ряда исследователей, необходимо увеличить количество просветительского и образовательного контента, направленного на стимулирование созидательной деятельности в целях развития территории [8]. Е. В. Красовская указывает: СМИ не только представляют собой часть культуры, но и оказывают значительное влияние на социализацию современного человека, в том числе транслируя конкретные образцы программ поведения [6]. *Цель настоящего исследования* – предложить стратегию освещения региональными СМИ проектов инициативного бюджетирования как инструмента развития местного самоуправления и выстраивания эффективной коммуникации между обществом и властью.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для института гражданского общества характерны развитые политические, экономические, правовые и культурные отношения между субъектами, что требует наличия высокого уровня политической и правовой культуры граждан, механизмов их реального влияния на деятельность структур государства [7], а также активного задействования средств массовой информации.

Развитие местного самоуправления, как отмечают исследователи, определяется спецификой общественно-политического, экономического, социального состояния и развития конкретного региона и государства в целом. Оно нацелено на вовлечение общественности в управленческие процессы и является непременным условием формирования гражданского общества. Одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся инструментов такого вовлечения на сегодняшний день является инициативное (партисипаторное) бюджетирование (ИБ), при реализации

программ которого местные жители рассматриваются не только как потребители государственных услуг, но и как полноправные участники их производства, способные оказывать влияние на решение проблем своих муниципальных образований – «от выявления социально-значимой проблемы до ее решения, используя механизмы межбюджетных трансфертов и контроля за качеством исполнения проекта» [5].

Формирование реального механизма участия населения в местном самоуправлении невозможно без комплексного и четко выстроенного информационного сопровождения проектов в региональных медиа. Информационное взаимодействие должно способствовать внедрению эффективной практики регулирования социальной жизни, обеспечивать стабильное устойчивое развитие, что накладывает особую ответственность на все субъекты такого взаимодействия, в том числе СМИ [7]. Региональные медиа ориентированы на освещение наиболее важных событий в жизни социума, транслирование ключевых смыслов, значимых для регионального сообщества, и являются основной площадкой для обсуждения местной информационной повестки дня [4]. Местные СМИ освещают любые события через призму регионального контекста, что оказывает существенное влияние на формируемую ими картину мира. Они востребованы благодаря близости к аудитории, проживающей на конкретной территории [11]. Информацию, получаемую из таких СМИ, жители региона могут проверить непосредственно на личном опыте, использовать полученные сведения на практике для решения местных проблем.

При выработке концепции медиасопровождения проектов, призванных активизировать местную громаду для участия в местном самоуправлении, важно учитывать особенности регионального медиапространства, а также социально-политические, экономические, этнокультурные характеристики региона. В. В. Вагин и Н. А. Шаповалова, анализируя принципы успешной реализации информационного сопровождения подобных программ, отмечают, что эффективная информационная кампания невозможна без учета местного социокультурного контекста, в том числе уровня образования в регионе, жизненных стандартов, вероисповедания и прочих факторов, влияющих на возможности целевой аудитории понять и принять новую информацию. А потому информационные сообщения должны быть понятными и убедительными, мотивировать аудиторию к определенным действиям [2]. Показательным примером может служить опыт информационной кампании в Республике Саха (Якутия), проводившейся в телевизионном и радиоэфире, а также муниципальных печатных СМИ; в качестве ее ключевой особенности следует отметить транслирование информации и на якутском языке, поскольку население муниципалитетов в большинстве своем сахаязычное. Еще одной тенденцией медиасопровождения проектов является создание интернет-площадок инициативного бюджетирования, выполняющих информационную функцию и позволяющих следить за ходом реализации проектов, участвовать в голосованиях, а также использование СМИ для информирования жителей о проекте в целом [12]. Так, в Ставропольском крае информационная кампания по освещению программы инициативного бюджетирования учитывала предпочтения в использовании каналов

коммуникации местными жителями: например, для молодежной аудитории приоритетными оказались телевидение и социальные сети, для представителей старшего поколения – радио и пресса. Информирование проводилось по трем ключевым направлениям – радио, телевидение и районные газеты. На телевидении контент был представлен короткими информационно-рекламными роликами, призванными привлечь внимание аудитории к проекту, а также новостными сюжетами о ходе реализации проекта и телепрограммой «Время дела», информирующей о поддержке местных инициатив. Общий охват аудитории посредством телевидения, по расчетам экспертов, составил 1,5 млн человек, более половины населения края. Для радио были созданы короткие ролики, четко и емко рассказывающие о сути проекта. Информирование в печатных СМИ проходило в два этапа: на первом – в начале конкурсного отбора – районные газеты оповещали аудиторию о программе и предлагали принять в ней участие, в изданиях публиковалась форма заявки, которую нужно было заполнить для участия в конкурсном отборе. На втором этапе газеты публиковали отчеты по реализованным проектам. Охват аудитории посредством районных газет, согласно данным, составил не менее 800 тысяч человек [1]. Обратим внимание и на опыт информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан. В качестве ведущих информационных ресурсов кампании можно назвать официальный сайт программы, сайты муниципальных образований, социальные сети, а также региональные СМИ. Из особенностей следует выделить активное задействование в проекте представителей научного сообщества. Как отмечает Н. Ш. Розе, отказ от чрезмерного использования административного ресурса при освещении проектов и апелляция к авторитету местных ученых позволили минимизировать негативное или скептическое восприятие программы целевой аудиторией. Еще одна важная тенденция – привлечение для популяризации программы инициативного бюджетирования в муниципальных СМИ лидеров общественного мнения, а также активное обращение к опыту предшествующих лет – «а у соседа-то лучше!», призванное стимулировать активность населения [9].

Анализ региональных практик информационного сопровождения программ инициативного бюджетирования как инструмента вовлечения аудитории для участия в местном самоуправлении и формирования гражданского общества позволяет выделить ряд ключевых тенденций, например использование региональных брендов проектов инициативного бюджетирования с собственным логотипом и слоганом [12]. Интересным в этой связи представляется опыт проектов ИБ Сахалинской области: для позиционирования программы активно использовались онлайн-ресурсы, в том числе официальный сайт министерства финансов области, портал проектов ИБ, а также социальные сети. Практиковалась широкая информационная поддержка местных СМИ, была задействована наружная реклама, организовывались публичные мероприятия, ориентированные на разную целевую аудиторию; использование логотипа и единого визуального решения для оформления информационных продуктов и рекламы способствовало более эффективному продвижению программы. В Ставропольском крае слоган программы «Предлагайте, мы поддержим!» подчеркивает важность участия местных жителей в

определении приоритетов развития территории и готовность представителей власти содействовать реализации социально значимых проектов. Такая идея использовалась и при запуске программы поддержки местных инициатив в Красноярском крае, слоган которой – «Традиции совместных дел». В Удмуртской Республике проект получил название «Наша инициатива», слоганом стала фраза «Родниковый край – расцветай!» (рис. 1). Апелляция к неофициальному названию региона подчеркивала его уникальность и была призвана вызвать эмоциональный отклик у целевой аудитории.

НАША ИНИЦИАТИВА

Родниковый край - расцветай!

Рис. 1. Логотип и слоган программы ИБ в Удмуртской Республике

Отметим, что при формировании бренда программы ИБ Республики Крым акцент сделан на связи жителей с территорией и возможности активно участвовать в ее развитии, это отражено в слогане «Крым как мы хотим» (рис. 2). Данное обстоятельство подтверждает наши выводы о доминирующей на полуострове роли региональной идентичности во взаимодействии с географическим вектором (установлением связи с местом проживания и признанием себя полноправным жителем) и реализацией в формуле «Мы – крымчане», а также субъективной составляющей, проявляющейся в эмоциональном отношении и чувстве привязанности к региону, восприятии его как отличающегося от остальных вследствие исторически обусловленных традиций сосуществования различных этносов, особого коммуникативного культурного кода [3].

Рис. 2. Логотип программы инициативного бюджетирования в Крыму

Появление темы инициативного бюджетирования в региональной информационной повестке, полагаем, должно стимулировать гражданскую дискуссию. Для этого необходимо разработать комплексную медиастратегию информационной кампании с учетом особенностей различных типов СМИ, характеристики их целевой аудитории, а также наиболее типичных ошибок при освещении темы: эпизодического, хаотичного характера информационного сопровождения; преобладания информационных сообщений на официальных лентах местных органов власти; недостаточно активного использования возможностей социальных сетей. Следует указать и на то обстоятельство, что новости программы ИБ зачастую не воспринимаются региональными журналистами как интересные информационные поводы, в связи с чем медиатексты характеризуются чрезмерной официозностью, содержат большое количество цифр, графиков, не уделяют должное внимание визуальной составляющей [2].

Проанализировав опыт других регионов РФ, считаем целесообразным, с целью охвата максимально широкой целевой аудитории и вовлечения ее для активного участия в проектах, задействовать в информационном сопровождении программы инициативного бюджетирования в Республике Крым СМИ различных типов: например, телеканалы «Крым24», «Миллет», а также филиалы ТРК «Крым» в районах Крыма; радио «Радио Море», «Спутник в Крыму»; печатные СМИ, такие как «Крымская правда», «Крымская газета», «Крымские известия». Следует отметить важную роль муниципальных изданий, таких как «Авангард» (Раздольненский район), «Крым. Вперед» (Первомайский район), «Заря Присивашья» (Джанкойский район), «Кировец» (Кировский район), «Нижнегорье» (Нижнегорский район), «Перекоп» (Красноперекопский район), «Приазовская звезда» (Советский район), «Сакская газета» (Сакский район), «Сельская новь» (Белогорский район), «Сельский труженик Крыма» (Симферопольский район), «Слава труду» (Бахчисарайский район), «Черноморские известия» (Черноморский района), «Северная Таврида» (г. Армянск), «Огни маяка» (Красногвардейский район) и пр., поскольку именно они воспринимаются жителями районов как важный источник информации и площадка для диалога представителей власти и общественности.

Считаем целесообразным предложить следующие ключевые направления освещения темы инициативного бюджетирования в крымских медиа.

Для печатных СМИ:

- серия специальных репортажей «Инициативное бюджетирование: Крым» (с участием глав муниципальных районов, представителей инициативных групп);
- специальная рубрика «Инициативное бюджетирование», в которой будут публиковаться интервью с участниками проектов, проектные предложения граждан, материалы, освещающие хода реализации проекта и пр.

Для вещательных СМИ:

- серия специальных репортажей о проектах ИБ;
- телевизионная программа «Тема», посвященная различным аспектам внедрения проекта на местах;
- короткие видеоролики просветительской направленности, в которых кратко и наглядно будет представлен алгоритм участия граждан в проекте;
- имиджевые сюжеты о реализации программы ИБ в Крыму;

- документальный фильм об ИБ в Республике Крым.

Информационными поводами могут служить и конференции по ИБ, посвященные завершению очередного этапа реализации проекта, а также организованный для журналистов крымских СМИ пресс-тур по регионам – участникам программы инициативного бюджетирования.

ВЫВОДЫ

Средства массовой информации являются важным инструментом социализации практики государственного управления, поскольку обеспечивают коммуникативные процессы согласования политики структур власти и общественных интересов, информирование о стратегии развития государства в целом и его субъектов в частности, а также ее публичное обсуждение. Освещение медиа деятельности общественных институтов позволяет аудитории понимать и оценивать систему государственного управления, формировать пространство самоорганизации для решения актуальных проблем, тем самым стимулируя развитие института гражданского общества.

Региональные СМИ, формируя информационную повестку дня, способны оказывать значительное влияние на восприятие аудиторией местных проблем и способов их решения. В связи с этим актуальным представляется адекватное медиасопровождение проектов, стимулирующих развитие местного самоуправления, в том числе программ инициативного бюджетирования. Особое значение имеет публичная презентация результатов реализации местных инициатив, поскольку она повышает интерес и обеспечивает доверие общества к подобного рода проектам. Информационное сопровождение программы должно выстраиваться с учетом особенностей региона, материалы необходимо адаптировать к потребностям целевой аудитории и специфике разных типов СМИ. Для эффективного информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования, полагаем, важны такие факторы, как системность создания и освещения информационных поводов, доступность и визуальная привлекательность медиапродукта. Подобная практика будет способствовать стабильному развитию экономической и социальной системы, сокращая разрыв между властью и обществом благодаря четкой ориентации на реальные нужды граждан. Информационная повестка должна выстраиваться таким образом, чтобы способствовать выявлению потребностей населения, модификации основных ценностей и моделей поведения в соответствии с принципами организации гражданского общества. Для успешного информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования в Крыму, полагаем, важно учитывать специфику региона – полиэтничную и поликультурную, в связи с чем особое значение приобретает фокусирование внимания СМИ на вопросах общей ментальности граждан.

Список литературы

1. Аристов, С. Ю. Информационное сопровождение Программы поддержки местных инициатив проектным центром // Информационное сопровождение в проектах инициативного (партисипаторного) бюджетирования: Материалы по итогам всероссийского семинара-совещания. – 2018. – С. 17-23. – URL :

http://council.gov.ru/media/files/QujbB8ZCAHbJLh406cFRAOSJjgq5WG8u.pdf (дата обращения 22.04.2021)
2. Вагин, В. В. Информационное сопровождение инициативного бюджетирования: содержание и принципы успешной реализации / В. В. Вагин, Н. А. Шаповалова // Власть. – 2016. – № 12. – С. 63–69.
3. Егорова, Л. Г. Крымская идентичность в медийной картине мира / Л. Г. Егорова // Вопросы теории и практики журналистики. –2019. – Т. 8, № 2. – С. 373–387.
4. Егорова, Л. Г. Специфика современного регионального дискурса СМИ (на примере печатной прессы Республики Крым) / Л. Г. Егорова // Вопросы теории и практики журналистики. –2018. – Т. 7, № 4. – С. 615–628.
5. Красильщиков, Г. Г.. Реализация проектов инициативного бюджетирования: практика информационного сопровождения / Г. Г. Красильщиков, Е. А. Троицкая, И. В. Марасанова // Вопросы управления. – 2018. – № 3 (33). – С. 70–77.
6. Красовская, Е. В. Роль региональных СМИ в формировании современного социокультурного пространства / Е. В. Красовская // София. – 2018. – № 1. – С. 80–86.
7. Лисова, С. Ю. Роль средств массовой информации в формировании гражданского общества / С. Ю. Лисова // Вестник Ивановского государственного энергетический университета. – 2008. – Вып. 1. – С. 1–5.
8. Молодов, О. Б. Региональные и местные СМИ Вологодскогой области: контент-анализ / О. Б. Молодов // Проблемы развития территорий. – 2014. – № 2 (70). – С. 127–136.
9. Розе, Н. Ш. Информационное сопровождение проектов инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан [Электронный ресурс] / Н. Ш. Розе // ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан». – URL : https://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/2018/Kislovodsk_IB/Rose_Bashkortostan.pdf (дата обращения 22.04.2021)
10. Третьякова, О. В. Средства массовой информации как элемент структуры гражданского общества / О. В. Третьякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5 (11): в 4-х ч. – Ч. II. – С. 189–194.
11. Тулупов, В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / В. В. Тулупов // Вопросы теории и практики журналистики. – Иркутск, 2013. – № 2 (4). – С. 78–92.
12. Шаповалова, Н. А. Главные тренды в информационном сопровождении региональных программ инициативного бюджетирования [Электронный ресурс] / Н. А. Шаповалова // Информационное сопровождение в проектах инициативного (партисипаторного) бюджетирования: Материалы по итогам всероссийского семинара-совещания. – 2018. – С. 36-48. – URL : http://council.gov.ru/media/files/QujbB8ZCAHbJLh406cFRAOSJjgq5WG8u.pdf (дата обращения 22.04.2021)
13. Ширяева, А. А. Участие СМИ и журналистов в становлении гражданского общества / А. А. Ширяева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 142–154.

References

1. Aristov S. Ju. *Informacionnoe soprovozhdenie Programmy podderzhki mestnyh iniciativ proektnym centrum* [The information support of Local initiatives support program by the project center] *Informacionnoe soprovozhdenie v proektah iniciativnogo (partisipatornogo) bjudzhetirovanija: Materialy po itogam vserossijskogo seminara-soveshhanija*, 2018, pp. 17–23. Available at: http://council.gov.ru/media/files/QujbB8ZCAHbJLh406cFRAOSJjgq5WG8u.pdf (accessed 22.04.2021)

2. Vagin V. V. *Informacionnoe soprovozhdenie iniciativnogo bjudzhetirovanija: soderzhanie i principy uspeshnoj realizacii* [The participatory budgeting information support: content and successful implementation principles] *Vlast*, 2018, No 12, pp. 63–69.
3. Egorova L. G. *Krymskaja identichnost' v medijnoj kartine mira* [Crimean identity in the media presentation of the region]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2019, Vol 8, No 2, pp. 373–387.
4. Egorova L. G. *Specifika sovremennogo regional'nogo diskursa SMI (na primere pechatnoj pressy Respubliki Krym)* [Modern regional media discourse features (on the example of the Republic of Crimea printed press)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2018, Vol 7, No 4, pp. 615–628.
5. Krasilshhikov G. G., Troickaja E. A., Marasanova I. V. *Realizacija proektov iniciativnogo bjudzhetirovanija: praktika informacionnogo soprovozhdenija* [Implementation of participatory budgeting projects: the practice of information support]. *Voprosy upravlenija*, 2018, No 3 (33), pp. 70–77.
6. Krasovskaja E. V. *Rol' regional'nyh SMI v formirovanii sovremennogo sociokul'turnogo prostranstva* [The role of regional media in the formation of a modern socio cultural space] *Sofija*, 2018, No 1, pp. 80–86.
7. Lisova, S. Ju. *Rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii grazhdanskogo obshhestva* [The role of mass media in development of civil society] *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo jenergeticheskij universiteta*, 2008, No 1, pp. 1–5.
8. Molodov O. B. *Regional'nye i mestnye SMI Vologodskogoj oblasti: kontent-analiz* [Regional and local mass media in the Vologda oblast: content analysis] *Problemy razvitija territorij*, 2014, No 2 (70), pp. 127-136.
9. Roze N. Sh. *Informacionnoe soprovozhdenie proektov iniciativnogo bjudzhetirovanija v Respublike Bashkortostan* [The participatory budgeting projects information support in the Republic of Bashkortostan]. Available at: https://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/2018/Kislovodsk_IB/Rose_Bashkortostan.pdf (accessed 22.04.2021)
10. Tret'jakova O. V. *Sredstva massovoj informacii kak jelement struktury grazhdanskogo obshhestva* [Mass media as civil society structure element] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, No5 (11). Part II, pp. 189-194.
11. Tulupov V. V. *Regional'naja zhurnalistika: segodnja i zavtra* [Regional journalism : today and tomorrow]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2013, No 2 (4), pp. 78–92.
12. Shapovalova N. A. *Glavnye trendy v informacionnom soprovozhdenii regionalnyh programm iniciativnogo bjudzhetirovanija* [Main trends of regional programs of participatory budgeting information support]. *Informacionnoe soprovozhdenie v proektah iniciativnogo (partisipatornogo) bjudzhetirovanija: Materialy po itogam vserossijskogo seminara-soveshhanija*, 2018, pp. 36-48. Available at: http://council.gov.ru/media/files/QujbB8ZCAHbJLh406cFRAOSJjgq5WG8u.pdf (accessed 22.04.2021)
13. Shirjaeva A. A. *Uchastie SMI i zhurnalistov v stanovlenii grazhdanskogo obshhestva* [Mass media and journalists involvement in forming the civilian society] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*. 2011, No 1, pp. 142–154.

REGIONAL MEDIA ROLE IN CIVIL SOCIETY FORMATION (ON THE EXAMPLE OF THE PARTICIPATORY BUDGETING PROJECTS INFORMATION SUPPORT)

Egorova L. G.

The article describes the practice of regional media coverage of the program of participatory budgeting as an instrument of local government and civil society development. The author points out that regional media play significant role in efficient communication between the authorities and the public maintenance and civil society ideas promoting. The researcher notes that regional media space features, social, political, cultural characteristics of the territory should be taken into consideration when conception of information support of such projects is developed. The author proposes potential tendencies of media coverage of participatory budgeting projects in Crimean mass media. For the purposes of successful realization of the projects information support the features of residents' regional identity forming as a result of complex cultural and historical interaction of various ethnic groups should be taken into account. For which purpose audience attention should be focused upon the Crimea residents' common mentality attributes.

Key words: media text, regional media, regional identity, civil society, participatory budgeting, Republic of Crimea.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). № 2. С. 195–201.

УДК 811.161.1

ТРАНСПОЗИЦИЯ ПРИЕМОВ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ В СЕМИОСФЕРУ СОВРЕМЕННОЙ ИВЕНТ-ЖУРНАЛИСТИКИ

Мурзина О. В.

Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия
E-mail: 210978@list.ru

В статье рассматривается концепт современного вторичного единства действия, наследующего одноименный принцип классической драматургии XVIII–XIX столетия. Поднимается вопрос об актуальности соответствующего концепта в связи с большим интересом молодых журналистов к так называемой ивент-журналистике – организованной концентрации событий, встреч, высказываний и оценок вокруг определенного спланированного и организованного информационного повода. Новизна исследования видится в том, что параметры семиосферы современных средств массовой информации рассмотрены сквозь призму категорий поэтики классицистической драматургии и в доказательстве факта их транспонирования в синтагматику СМИ. Актуальность исследования обусловлена нарастающим интересом молодых журналистов, студентов и абитуриентов к ивент-журналистике и их предпочтениями в данной области. Автор останавливается на вопросах концептуализации события, снижения удельного аксиологического веса информационного повода в силу развития круглосуточного теле- и радиовещания и потребления современными журналистами контента социальных сетей. Особое внимание уделяется вопросам сопоставления категорий современной журналистики со стереотипами, формируемыми массовой культурой и художественной литературой в отношении других профессий – их представители стремятся к разрушению бытующих стереотипов, а журналисты, напротив, к укреплению.

Ключевые слова: средства массовой информации, ивент-журналистика, семиосфера СМИ, социальные сети, информационное событие, единство действия.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование основано на практике организации стажировок в средствах массовой информации для студентов бакалавриата факультета журналистики Российского Государственного университета имени А. Н. Косыгина. Стажировки традиционно коррелируют с учебной и производственной практикой, включенной в учебный план факультета журналистики, и процесс организации посещения студентами действующих средств массовой информации позволяет судить об их предпочтениях в области журналистики и современных СМИ.

Практика в средствах массовой информации организована как постепенное вовлечение студентов в производственный процесс средств массовой информации, посещение съемок, различных мероприятий, предполагающих не только непосредственное участие, но и последующее написание текстов, пост-релизов и публикации в социальных сетях.

Практика организации стажировок с 2014 года показывает устойчивое предпочтение студентами ивент-журналистики: среди предлагаемых вариантов (региональные и федеральные газеты, телеканалы, радиостанции и пр.) наиболее

популярным вариантом стажировки из года в год становится практика на базе PR-агентств, предлагающих студентам посещение различных мероприятий: пресс-показов, спектаклей, презентаций. Интерес студентов к мероприятиям такого рода вполне объясним с практической точки зрения: мероприятия позволяют, с одной стороны, совмещать прохождение практики с занятиями, с другой стороны – ивент-журналистика представляется достаточно легкой работой и видится студентам как шанс пообщаться со знаменитостью, увидеть известного человека. Рассмотрим подробнее причины этого феномена и лежащие в его основе когнитивные искажения.

Целью предлагаемой статьи является описание контрапунктов классической драматургии и современной ивент-журналистики – переноса в область работы молодого начинающего журналиста тех логических связей и когнитивных деформаций картины мира, которые были свойственны определенному литературному жанру в определенный период его развития.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Восприятие контента средств массовой информации молодыми журналистами

Человек, производящий и потребляющий контент средств массовой информации, имеет дело с некоей медиамоделью – медиаполисом, по выражению С. Г. Корконосенко [7, с. 16], представляющим собой семиосферу, творимую и развиваемую СМИ. Эта семиосфера основана на реальности, как и альтернативные семиосферы (возникающие в художественной литературе, в фольклоре, в мифологии и пр.), однако имеет некие деформирующие восприятие реальности особенности [9, p. 189].

Отличительной чертой данной семиосферы является концентрация событийности, отчасти напоминающая сюжеты фильмов и сериалов, а также принятый ранее в драматургии принцип «единства действия» [2, с. 80]: в силу одобряемой эстетики драматического произведения все события, демонстрируемые на сцене в течение 2-3 часов, должны были происходить с героями на протяжении одних суток. В результате многие драматические произведения XVIII – первой половины XIX столетия представляли собой изображение сигнификативно нагруженного дня, который как бы завершал начатые ранее сюжетные линии. В погоне за «правдой жизни» драматурги изображали некий день, сконцентрировавший в себе множество событий (как, например, один день, изображенный в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: в течение одних и тех же суток Чацкий прибыл из дальней поездки, Молчалин упал с лошади, в доме Фамусова был проведен бал, Чацкого объявили сумасшедшим, Чацкий узнал о том, что его невеста любит другого…). Поскольку пьеса, изображающая 24 часа, сама по себе длилась существенно меньше, подразумевалось, что рутинные события (переодевание персонажей, принятие ими пищи, если оно не встроено в сюжет произведения и пр.) выведены за сцену, а на сцене представлены только кульминационные точки.

Сходная деформация реальности представлена в кинематографе по вполне понятным причинам: зритель следит за интересным и быстро развивающимся сюжетом, и фильм наполнен событиями, так как подразумевается, что

малоинтересные, ежедневно повторяющиеся действия (по факту занимающие до 100% времени человека в обычной жизни) осуществляются за кадром.

В силу восприятия профессии журналиста через призму кинематографа, художественной литературы и средств массовой информации у молодого журналиста возникает своеобразное когнитивное искажение в отношении будущей профессии: ему представляется, что журналист постоянно вовлечен в некие события, присутствует при историческом моменте, является свидетелем и участником неких неординарных ситуаций. Причем профессии журналиста это когнитивное искажение касается в большей мере, чем, например, профессии врача или полицейского, также часто демонстрируемой в современном кинематографе. Дело в том, что работу врача или полицейского человек, не являющийся ни врачом, ни полицейским, воспринимает не только через призму кинематографа и художественной литературы, но и при непосредственном вовлечении представителей соответствующей профессии в свою жизнь, и в этом случае включается обратное когнитивное искажение. Если в фильме или книге жизнь медика наполнена интересными случаями, и зритель сопереживает пациенту, находящемуся на грани жизни и смерти, надеясь, что врач сможет помочь этому пациенту, то в реальности пациент совсем не хотел бы, чтобы его жизнь «висела на волоске», зависела от верного или неверного решения врача, и склонен считать свой случай обыденным, непримечательным, надеясь на быстрое лечение и скорейшее выздоровление. То же можно сказать и о взаимодействии с полицейскими: с интересом наблюдая за их работой в кино и книгах, мало кто хотел бы оказаться на месте потерпевшего.

С работой журналиста человек сталкивается в формате развлекательных передач, новостных выпусков и в целом продукции масс-медиа, которая, главным образом, посвящена неким неординарным событиям, решениям, ситуациям [8, p. 23]. Соответственно, возникает ложное представление о концентрации этих событий в работе журналиста. Молодому студенту-журналисту кажется, что его жизнь в профессии будет наполнена различными встречами с известными людьми, он будет свидетелем неких исторических событий и пр. Достаточно быстро первые шаги в профессии и даже попытки создания первых учебных передач, материалов и других моделей будущей работы журналиста в ходе освоения практических курсов приводят студента к осознанию того факта, что его будущая работа, как и работа любого другого профессионала в любой другой области, будет состоять из решения рутинных задач, имеющих мало общего со стереотипным представлением о профессии журналиста.

Указанное когнитивное искажение в итоге провоцирует интерес к ивент-журналистике: она представляется наиболее схожей с тем стереотипом, который для многих абитуриентов является мотивирующим при выборе направления учебы.

Семиосфера современной ивент-журналистики

Ивент-журналистика предполагает участие журналиста в событиях, которые организованы именно с целью привлечения знаменитостей и создания интересных коллизий [1, с. 207]. В современной практике используется именно англоязычный термин «ивент» (event), так как слово «событие» имеет оттенок спонтанности: его

нельзя организовать, предсказать, угадать. Под понятие “event” же подпадает ряд мероприятий – разнообразные пресс-показы, встречи, презентации, вечеринки и пр., которые подразумевают, что осуществляется «тип коммуникации в культуре, где основным способом и формой взаимодействия является символически выстроенное действо. Истоки событийных коммуникаций обнаруживаются в недрах истории человеческой культуры и прослеживаются на всех этапах ее развития, базируются на обширном опыте ритуальных и церемониальных практик» [6, с. 16]. Современные организованные мероприятия наследуют ритуальные практики и семиотически значимые действия прошлого [5, с. 182], что и приводит к повышению к ним интереса не только среди журналистов, но и среди обычных потребителей информации.

Социальные сети только усиливают этот интерес: контент, размещаемый пользователями соцсетей, также представляет собой вариант описанного выше когнитивного искажения – большинство пользователей запечатлевает нечто экстраординарное, формируя тем самым впечатление, что их жизнь наполнена событиями [4, с. 47]. Подобно тому, как средства массовой информации формируют модель мира, в социальных сетях потребитель информации имеет дело с моделью человека, и жизнь этого условного симулякра зачастую представляется потребителю гораздо более интересной и наполненной событиями, чем его собственная. В этом качестве организуемые и управляемые семиотически значимые события приобретают ценность и как генераторы контента, в том числе сетевого.

Популярность ивент-журналистики объясняется также способностью журналиста управлять событиями (организовать, к примеру, презентацию, пригласить на нее заинтересованных лиц, знаменитостей, представителей различных фирм и компаний) – в его картине мира «событие» как случайность заменяется на организованный «ивент». Это приводит к своеобразному аксиологическому сдвигу, касающемуся ценности события как такового.

Относительная ценность события в практике ивент-журналистики

Человек, который работает в средствах массовой информации, в конце XX – начале XXI столетия столкнулся с принципиально новым графиком генерации контента: если ранее телевидение и радио не вещали 24 часа в сутки, то сегодня круглосуточное вещание стало практически нормой. Параллельно контент обновляется и генерируется в интернете, который вообще не имеет четкого графика работы и функционирует практически постоянно. Это приводит к снижению относительной ценности события – если ранее, при ограниченном времени вещания теле- и радиоканалов, в качестве событий характеризовались экстраординарные, выходящие из ряда ситуации, то при современной практике вещания в качестве новости позиционируются события, являющиеся относительно малозначимыми: например, сюжет о встрече одного известного человека с другим, новость о присутствии кого-либо в определенной локации и пр.

Эта особенность современной журналистики привела к своего рода циркулированию событий: чтобы генерировать контент, журналист должен постоянно участвовать в каких-то событиях, а поскольку они не происходят с такой частотой, журналист принимает непосредственное участие в их организации,

провоцируя тем самым их возникновение. На профессиональной основе это приводит к возникновению ивент-журналистики как системного освещения организованных семиотически значимых событий. Освещение этих организованных событий в социальной сети направлено на повышение их значимости в общественном сознании [3, с. 204], что, в свою очередь, приводит к укреплению описанного выше когнитивного искажения, в силу которого журналистика воспринимается как профессия, представитель которой постоянно находится в гуще событий.

С другой стороны, когнитивное искажение коснулось и упомянутых выше рутинных действий – так, стремительно набирающий популярность видеоконтент таких социальных сетей, как Youtube и TikTok, зачастую вовсе не содержит в себе экстраординарных событий. С помощью камер смартфонов люди увлеченно снимают свои рутинные, ежедневные действия: принятие пищи, переодевание, прогулки и пр. Практика просмотров показывает, что и такие действия находят своего зрителя, более того, обычная жизнь в чем-то даже интереснее экстраординарного события. Вероятно, в данной ситуации срабатывает эффект «подглядывания», обусловивший популярность формата реалити-шоу – зрителю нравится наблюдать за жизнью другого человека, сравнивать себя с ним, часто мысленно признавая свое превосходство в какой-либо сфере.

ВЫВОДЫ

Описанные выше факторы: стереотипы, формируемые художественной литературой и кинематографом, взаимодействие потребителя контента СМИ с его производителем и потребление контента социальных сетей в совокупности приводят к укреплению модели мира, которую можно условно назвать «вторичным единством действия». Первичное было свойственно драматургии в определенный период ее развития и реализовало как рекреативную функцию, так и функцию катарсиса. Вторичное же возникло под влиянием когнитивного искажения, сформированного восприятием работы журналиста абитуриентами. Далее, как показывает практика, срабатывает своего рода цепная реакция: журналист, столкнувшийся с развенчанием стереотипов о его профессии, одновременно сталкивается и с возможностью самостоятельно формировать такие стереотипы и преобразовывать представление о действительности.

В художественной семиосфере пьес эпохи классицизма присутствовал концепт «ключевого дня»: того дня, когда все ранее назревавшие конфликты разрешаются, различные сюжетные линии проходят кульминационную точку развития, и в нескольких часах концентрируется квинтэссенция предыдущих лет и десятилетий. Современная журналистика усвоила и переработала указанную модель мира, подвергнув ее творческому переосмыслению: концентрация событий обусловлена снижением удельного веса понятия «события» как такового, а также умелой организацией семиотически значимого хронотопа.

Список литературы

1. Андрианова, Н. А. Феномен «ивент» в социальном и научном контексте [Текст] / Н. А. Андрианова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Язык и литература. – Вып. 3. – С. 201–209.
2. Безруков, А. Н. Введение в литературоведение. Теория литературы [Текст] / под ред. А. Н. Безрукова. – Бирск : Бирская государственная социально-педагогическая академия, 2009. – 182 с.
3. Горячев, А. А. Сетевая речь // Сетевые СМИ российского мегаполиса [Текст] / под ред. И. Н. Блохина, С. Г. Корконосенко. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – С. 200–215.
4. Губанков, А. Н. Сетевые СМИ в культурном пространстве города: коммуникация, интерпретация, диалог: дис. … канд. культурологии [Текст] / А. Н. Губанков. – СПб.: Санкт-петербургский государственный университет культуры и искусств, 2011. – 151 с.
5. Дускаева, Л. Р. Журналистика сферы досуга [Текст] / под общ. ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. – СПб.: Высш. школа журн. и мас. коммуникаций, 2012. – 305 с.
6. Каверина, Е.А. Создание событий в современном социокультурном пространстве: автореферат дис. … д.ф.н. [Текст] / Е. А. Каверина. – СПб. : Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2012. – 47 с.
7. Корконосенко, С. Г. Медиаполис : другое измерение современного мегаполиса [Текст] / С. Г. Корконосенко // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 1. – С. 15–28.
8. Deuze M. The Media Logic of Media Work. Journal of Media Sociology. 2009, Vol. 1, № 2, Winter/Spring, pp. 22–40.
9. Wilkinson J., Grant A., Fisher D. Principles of Convergent Journalism. Oxford: Oxford University Press, 2009. 234 p.

References

1. Andrianova N. A. *Fenomen Ivent v Sotsialnom I Nauchnom Kontekste* [The Event Phenomenon in the Social and Scientific Context]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Yazyk i Literatura*, iss. 3, pp. 201–209.
2. Bezrukov A. N. *Vvedeniye v Literaturovedeniye. Teoriya Literatury* [Introduction to Literary Studies. Literature Theory]. Ed. by A.N. Bezrukov. Birsk: Birsk State Social and Pedagogical Academy Publ., 2009. 182 p.
3. Goryachev A. A. *Setevaya Rech* [Speech in Network]. *Setevyye SMI Rossiiskogo Megapolisa*. Ed. by I. N. Blokhina, S. G. Korkonosenko. SPb.: Filologocheskii Fakultet SPbGU Publ., 2011, pp. 200–215.
4. Gubankov A. N. *Setevyye SMI v Kulturnom Prostranstve Goroda: Kommunikatsiya, Interpretatsiya, Dialog: Dis. ... Kand. Kulturolog.* [Network Media in the Cultural Space of the City: Communication, Interpretation, Dialogue. Thesis]. SPb.: Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 2011. 151 p.
5. Duskaeva L. R. *Zhurnalistika Sfery Dosuga* [Journalism of the Sphere of Leisure]. Ed. by L. R. Duskayeva, N. S. Tsvetova. SPb.: Vysshaya Shkola Zhurnalistiki i Massovoi Kommunikatsii Publ., 2012. 305 p.
6. Kaverina Ye. A. *Sozdaniye Sobytiy v Sovremennom Sotsiokulturnom Prostranstve: Dis. ... Dokt. Filol. Nauk* [Creation of Events in Modern Socio-Cultural Space. Abstract of Thesis]. SPb.: Rossiiskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet Imeni A. I. Gertsena, 2012. 47 p.
7. Korkonosenko S. G. *Mediapolis: Drugoye Izmereniye Sovremennogo Megapolisa* [Mediapolis: Another Dimension of the Modern Metropolis]. *Labirint. Zhurnal Sotsialno-Gumanitarnykh Issledovaniy*, 2013, no. 1, pp. 15–28.

8. Deuze M. The Media Logic of Media Work. Journal of Media Sociology. 2009, Vol. 1, № 2, Winter/Spring, pp. 22–40.
9. Wilkinson J., Grant A., Fisher D. Principles of Convergent Journalism. Oxford: Oxford University Press, 2009. 234 p.

TRANSPOSITION OF METHODS OF CLASSICAL DRAMA INTO THE SEMIOSPHERE OF MODERN EVENT JOURNALISM

Murzina O. V.

The article examines the concept of modern secondary unity of action, inheriting the principle of the same name of the classical drama of the 18th – 19th centuries. The question is raised about the relevance of the corresponding concept in connection with the great interest of young journalists in the so-called event journalism – an organized concentration of events, meetings, statements and assessments around a certain planned and organized news occasion. The novelty of the research is seen in the fact that the parameters of the semiosphere of modern media are considered through the prism of the categories of poetics of classic drama and in the proof of the fact of their transposition into the syntagmatics of the media. The relevance of the study is due to the growing interest of young journalists, students and applicants in event journalism and their preferences in this area. The author dwells on the issues of conceptualizing the event, reducing the specific axiological weight of the news occasion due to the development of round-the-clock television and radio broadcasting and the consumption of the content of social networks by modern journalists. Particular attention is paid to the issues of comparing the categories of modern journalism with the stereotypes formed by mass culture and fiction in relation to other professions - their representatives strive to destroy the prevailing stereotypes, while journalists, on the contrary, to strengthen them.

Keywords: mass media, event journalism, semiosphere of media, social networks, informational event, unity of action.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамичева Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

Алиева Эльвина Аметовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

Асанова Эльзара Ридвановна – соискатель кафедры теории и практики перевода Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Бойко Констанция Константиновна – аспират кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Бычина Юлия Николаевна – аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гавриш Татьяна Ростиславовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия

Дадашева Амина Бадырхановна – студентка 4 курса Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Россия

Дьякова Татьяна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного образовательного учреждения культуры Луганской Народной Республики «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Жуков Анатолий Евгеньевич – аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Зайцева Валерия Викторовна – лингвист-переводчик, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Кондратьева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Корж Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Россия

Лобков Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

Мурзина Ольга Викторовна – доцент кафедры журналистики и телевизионных технологий ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», г. Москва, Россия

Назарова Ирина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар, Россия

Ненарокова Мария Равильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия

Норец Максим Вадимович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Остапенко Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

.

Пономаренко Ирина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка ФГАОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Сегал Наталья Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сокол Анна Анатольевна – старший преподаватель Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

Чепурина Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Элла Анисэт-Блэйзэ – аспирант кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Асанова Э. Р., Норец М. В., Остапенко И. В.
ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРОВОЙ МОДЕЛИ ШПИОНСКОГО РОМАНА
В ТВОРЧЕСТВЕ Д. СИЛВЫ……..……..……..……..……3

Бойко К. К.
ЕДИНСТВО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ
О. М. СОМОВА «РАССКАЗЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКА»……..……..…….....….....16

Гавриш Т. Р.
ПРЕТЕКСТЫ ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»:
К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА РОМАНА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ XX ВЕКА…….....23

Корж Т. Н., Дадашева А. Б.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СЮЖЕТОВ АРТУРОВСКОГО ЦИКЛА
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА……36

Лобков А. Е.
ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ПУШКИНИСТИКИ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА…….…..….48

Ненарокова М. Р.
ЯЗЫК ЦВЕТОВ: ЛАВР В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА……...…….…..62

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Abramicheva Ye. N., Zaitseva V. V., Sokol A. A.
BIBLICAL INTERTEXT OF THE POLITICAL DISCOURSE
IN THE CURRENT POLITICAL ENVIRONMENT
(BASED ON THE ENGLISH AND SPANISH-LANGUAGE POLITICAL MEDIA TEXTS)…..71

Алиева Э. А.
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ ИМПЕРАТИВА И ОБРАЩЕНИЯ
КАК КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ……..87

Бычина Ю. Н.
КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА *ШУТ* В КУЛЬТУРЕ И КОММУНИКАЦИИ…….……..96

Дьякова Т. А.
ПРОСТОРЕЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ…..…..…104

Жуков А. Е.
БАЗОВЫЕ УРБАНОНИМЫ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ ДОНЕЦКА……..……122

Кондратьева Т. С., Назарова И. П.
СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ)…….…...130

Орехова Л. А.
О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА……..……...…...137

Пономаренко И. Н., Сегал Н. А.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИММЕТРИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ
БОГАТСТВО / БЕДНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ…….….153

Чепурина И. В.
ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВОТВОРЧЕСТВА
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА)……...……164

Ella A.-B.
THE COMMUNICATIVE TACTIC OF ACCUSATION
IN CAMEROONIAN POLITICAL DISCOURSE…….……..……..175

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Егорова Л. Г.
РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ
В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ПРОЕКТОВ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ)……..……....185

Мурзина О. В.
ТРАНСПОЗИЦИЯ ПРИЕМОВ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ
В СЕМИОСФЕРУ СОВРЕМЕННОЙ ИВЕНТ-ЖУРНАЛИСТИКИ…….……195

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……..…202